This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 833,599

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

5 Д 4111
215
Remezov, Nikolai Vladimirovich.

Н. В. Ремезовъ.

ОЧЕРКИ

изъ

ЖИЗНИ ДИКОЙ БАШКИРІИ.

БЫЛЬ ВЪ СКАЗОЧНОЙ СТРАНѢ.

БИБЛИОТЕКА М. Г. Н. УНИВЕРСИТЕТА им. А. А. Ц.

МОСКВА.
Типо-литографія И. Н. Кушнерева и К°, Пименовская ул., д. Кушнеревой.
1887.

5/215 Remezov, Nikolai Vladimirovich.

Н. В. Ремезовъ.

ОЧЕРКИ

изъ

ЖИЗНИ ДИКОЙ БАШКИРІИ.

БЫЛЬ ВЪ СКАЗОЧНОЙ СТРАНѢ.

БИБЛИОТ... М. Г. Н. УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. М. Г...

МОСКВА.
Типо-литографія И. Н. Кушнерева и К°, Пименовская ул., д. Кушнеревой.
1887.

Настоящіе очерки были напечатаны въ „Казанскомъ Биржевомъ Листкѣ“ и въ „Волжскомъ Вѣстникѣ“ за 1881, 1882, 1883 и 1884 годы. Здѣсь перепечатана большая часть изъ нихъ цѣликомъ, въ нѣкоторыхъ сдѣланы небольшія дополненія и исправленія, очерки же „Старая тема“, „Еще лѣсоистребители“, „Червонные валеты“, „Наканунѣ Христа ради“ и „Ревизоръ Благопріобрѣтатель“ помѣщаются въ первый разъ.

Выпуская настоящую книгу, я долженъ сказать, что въ ней нѣтъ ничего вымышленнаго, разсказаны все голые факты съ сохраненіемъ подлинныхъ именъ мѣстъ и лицъ. Къ этому прибавлю еще одно обстоятельство для меня особенной важности. Противъ моихъ очерковъ не было ни одного опроверженія ни въ одной газетѣ, а тѣмъ паче какого-либо процесса. Вращаясь въ Уфѣ 11 лѣтъ среди лицъ мною описанныхъ и не скрываясь въ составленіи очерковъ, подписываясь полною фамиліей своей, а въ началѣ подъ именемъ „Пѣвцова“, я ни разу не подвергался со стороны моихъ героевъ не только какому-либо преслѣдованію, но даже и дерзкому слову. Такое отношеніе мѣстнаго общества къ провинціальному наблюдателю — большая рѣдкость и ука-

зываетъ насколько очерки истинны и факты несомнѣнны.

Въ свое время помѣщаемые очерки, конечно, имѣли нѣкоторое значеніе, но теперь многое уже, вѣроятно, измѣнилось къ лучшему, и выпуская ихъ отдѣльною книгой, я смотрю на нихъ какъ на воспоминаніе минувшаго, съ каждымъ годомъ отходящаго въ область исторіи.

Николай Ремезовъ.

Смоленскъ
10 февраля 1887 года.

Уфимскій Колупаевъ-Деруновъ.

Лѣтъ пятнадцать или двадцать назадъ пріѣхалъ въ Уфу изъ Уржумскаго уѣзда Вятской губерніи, мужичекъ, государственный крестьянинъ Корнило Аверьяновъ Морозовъ— лѣтъ 60 полный старикъ, средняго роста, съ опухшимъ, совершенно заросшимъ сѣдыми волосами лицомъ и съ маленькими, заплывшими отъ жиру свѣтлосѣрыми глазами. Нечесаные, громадные волосы на его головѣ пробиты прямымъ рядомъ, а русскій костюмъ такъ засаленъ, что, кажется, носится имъ чуть не по наслѣдству отъ дѣда. У него громадная семья, такъ что теперь, когда она стала жить по разнымъ домамъ, образовалась цѣлая деревня. Купилъ Морозовъ на берегу Уфы небольшую земельку десятинъ въ 200 и завелъ хуторокъ. Эта земелька находится какъ разъ въ центрѣ башкирскихъ земель. Никто, конечно, не зналъ о новомъ владѣльцѣ, кромѣ сосѣдей башкиръ, съ которыми Морозовъ научился „калякать по ихнему“ и сталъ „большой имъ пріятель“. И жилъ онъ тихо и мирно, промышляя, чѣмъ Богъ послалъ. Но судьба готовила этому человѣку болѣе извѣстную участь. Стали въ концѣ 60 годовъ „продаваться башкирскія земли“ чуть не даромъ. Понюхалъ Морозовъ, чѣмъ тутъ пахнетъ и принялся за дѣло: онъ сдѣлался факторомъ по покупкѣ этихъ земель отъ разныхъ денежныхъ „господъ“. Покупая, т. е. обдѣлывая дѣлишки фактически, онъ на чужія деньги пріобрѣталъ и для

себя кусочки. Такимъ манеромъ, почти безъ гроша, онъ пріобрѣлъ въ теченіи 3-хъ лѣтъ 100,000 десятинъ строеваго лѣса. Нужно сказать, что это было нетрудно; стоило только пріобрѣсти небольшой клокъ земли за весьма низкую цѣну, какъ въ тоже время возможно было заложить его чуть не въ десять разъ дороже противъ его стоимости. На вырученныя такимъ образомъ деньги можно было покупать еще и т. д. Заложивши до послѣдняго клока, Морозовъ уже заручился деньгами и завелъ весьма обширную лѣсную торговлю. (Въ весну 1881 года имъ сплавлено въ Нижній и Астрахань три громадныя бѣляны съ лѣснымъ товаромъ и до 80,000 бревенъ). Съ этого времени Морозовъ сталъ уже не „мужичекъ", а второй гильдіи купецъ и сталъ извѣстенъ всѣмъ и каждому, какъ лучшій... (послѣднее слово рифмуетъ со словомъ „купецъ"). Но онъ сталъ не только извѣстенъ, но и большой пріятель всему уфимскому чиновному персоналу, и даже мѣстный судебный слѣдователь Ш. сталъ ему кумомъ, не смотря на старыя барскія традиціи. (Послѣднія вырѣзаны на его именной печати, изображающей барина съ палкой и крѣпостнаго хохла, а вверху надпись: „скачи враже, якъ панъ каже"). Укрѣпился Морозовъ прочно въ своемъ гнѣздѣ и забралъ подъ свое покровительство всю окружающую мѣстность на 100 верстъ въ діаметрѣ. Что ни скажетъ, что ни сдѣлаетъ, все шито-крыто. Онъ полновластный властелинъ и творитъ самолично и судъ и расправу съ девизомъ: „ндраву нашему не препятствуй". Пріобрѣтенная за дешево башкирская земля всетаки мало приносила доходу, вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ и совершенной незаселенности. Но Морозовъ съумѣлъ и съ этимъ справиться. Онъ отправилъ пословъ „на свою сторону" звать желающихъ переселиться и разсказывать разную „турусы на колесахъ". Народъ слушалъ ихъ и повалилъ цѣлыми партіями. Такихъ переселенцевъ изъ Вятской губерніи

на земляхъ Морозова теперь считается 17 деревень и 2 села съ 3000 душъ населенія обоего пола. Отношенія-то къ этимъ переселенцамъ г. Морозова и составляютъ цѣль настоящаго этюда. Разсказывать тутъ много ненужно, а послушаемъ лучше, что говорятъ сами крестьяне починка Усакла въ жалобахъ, поданныхъ губернатору и сенатору. Въ первой изъ нихъ говорится: „по условію 10 апрѣля 1872 года уфимскій 2-й гильдіи купецъ Корнило Аверьяновъ Морозовъ запродалъ землю первому изъ насъ 15 десятинъ по 13 руб.; второму 50 десятинъ по 10 руб.; третьему 30 десятинъ по 10 рублей; четвертому 10 десят. по 11 руб. и послѣднему 20 десятинъ по 10 рублей за десятину, съ разсрочкою платежа за оную на 8 лѣтъ, съ тѣмъ, что если кто либо изъ насъ, въ теченіи означеннаго срока, не уплатитъ слѣдующую за означенную землю сумму сполна, тотъ долженъ получить таковую только въ томъ количествѣ десятинъ, за которыя будутъ внесены по расчету деньги. Въ уплату слѣдующихъ за землю денегъ мы внесли Морозову 665 р.; уплатою же остальныхъ денегъ мы пріостановились въ виду разнесшагося слуха о возбужденіи дѣлъ объ уничтоженіи купчихъ крѣпостей на земли, купленныя у башкиръ съ нарушеніемъ правилъ 10 февраля 1869 года, къ категоріи которыхъ принадлежитъ и земля Морозова. Нынѣ, по случаю неуплаты за остальную часть земли денегъ, Морозовъ, въ противность заключеннаго между нами условія въ пользованіи землею, которая окончательно уже выкуплена, намъ отказалъ, и принуждаетъ насъ выселиться, не дозволяя даже продать возведенныя нами, на собственныя деньги, постройки, которыя оставляетъ въ свою пользу. На эти дѣйствія Морозова, хотя мы и приносили жалобы мѣстному начальству, но оно почему то не нашло возможнымъ даже и принять ихъ“. А вотъ и другой образчикъ похожденій Морозова изображенный въ жалобѣ тому же сенатору Ковалевскому,

крестьянами починка Шубинскаго: „ѣздитъ Морозовъ по починкамъ Булекей-Кудейской волости съ волостнымъ писаремъ, прежнимъ да пожалуй и нынѣшнимъ его конторщикомъ Пермяковымъ и сельскимъ засѣдателемъ, насильно требуетъ уплаты денегъ, уводя въ противномъ случаѣ безъ всякихъ разговоровъ скотину. Морозовъ съ насъ получилъ за землю въ разное время 905 рублей, да 5 лѣтъ мы оплачивали ее земскими сборами, явился какъ и въ другихъ починкахъ съ требованіемъ остальныхъ денегъ 665 рублей". Подобныхъ просьбъ на Морозова подано разнымъ мѣстамъ и лицамъ нѣсть числа, а рѣшеніе все еще съ трепетомъ ожидается крестьянами. Но Морозовъ этимъ временемъ пользуется. Обо всѣхъ жалобахъ, которыя на него пишутся, онъ знаетъ очень подробно, такъ какъ въ каждомъ починкѣ у него есть свои шпіоны, по большей части родственники, или же тѣ изъ подленькихъ людей, которые прикладываютъ руку къ прошенію и передаютъ ихъ содержаніе Морозову, конечно, не безъ платы. По поводу жалобъ онъ обыкновенно говоритъ крестьянамъ: „Ваша просьба—вѣтеръ, я все исключилъ". (!) Послѣднее слово у него въ большомъ ходу. Исключаетъ ли онъ жалобы—не знаю, но что исключаетъ крестьянъ изъ починковъ, какъ и вышеписанныхъ, то это вѣрно. И это у него дѣлается весьма легко: слово—и дѣло кончено. Такъ въ починкѣ Куршаковскомъ исключенъ крестьянинъ Никаноръ Ковришкинъ, о которомъ въ книгѣ, выданной Морозовымъ на записку уплаты денегъ, значится слѣдующая многозначительная запись: „по приказанію Морозова исключенъ". (Самъ Морозовъ грамоты не знаетъ). Въ починкѣ Лобовъ-Ильинскомъ крестьянинъ Бусыгинъ, купившій 10 десят. земли по условію, былъ выгнанъ Морозовымъ. Послѣдній отобралъ даже у него домъ и продалъ его другому лицу. Крестьянинъ этотъ причисленъ къ мѣстному Лобовскому обществу и съ него взыскиваются всѣ подати на-

равнѣ съ однообщественниками, а за свой домъ, проданный Морозовымъ уже 3 года, платитъ страховую премію въ земство. Изъ починка Христолюбовскаго выбыло 7 крестьянъ, не уплатившихъ Морозову за землю. Всѣ они выѣхали вслѣдствіе притѣсненій Морозова, который оставилъ ихъ задатки себѣ, какъ и устроенныя ими 7 усадьбъ съ домами и надворными строеніями и расчищенныя изъ подъ лѣса нивы. Выѣхали эти крестьяне, да многіе и изъ другихъ починковъ потому, что Морозовъ ежегодно обрѣзаетъ ихъ закупленныя земли и не даетъ даже ими пользоваться; такъ, этому починку въ 1881 году онъ нарѣзалъ вырубленный лѣсъ „по сухому логу", а расчищенныя крестьянами пашни по „Багышлѣ" отрѣзалъ себѣ; тоже онъ сдѣлалъ и у починковъ Шубинскаго, Усаклы, Троицкаго и... почти у всѣхъ—даже у починка Новотроицкаго, которому въ 1876 году была выдана купчая и, слѣдовательно, крестьяне этого починка были такими же хозяевами своихъ земель, какъ и онъ своимъ, а потому всякая отрѣзка должна бы дѣлаться по полюбовному соглашенію между обѣими сторонами, какъ указываетъ законъ. Но въ томъ то и дѣло, что для Морозова законы не писаны. Какъ бы то ни было, но новотроицкіе мужички, вышедшіе изъ обязательныхъ отношеній къ Морозову, не позволили ему сдѣлать подобную отрѣзку и прогнали его съ землемѣромъ съ межи, подавъ жалобу въ судъ. А хорошее польце онъ хотѣлъ захватить! Въ родѣ этого онъ производилъ еще въ починкахъ Спасскомъ и Покровскомъ. Такихъ „вольныхъ людей" у Морозова только всего три починка, остальные же 16 всѣ—*временно-обязанные*, которыхъ около 2,500 душъ. Съ этими то несчастными, попавшими къ нему въ лапы, онъ что захочетъ, то и творитъ. Описанные отрѣзки для Морозова крайне выгодны, такъ какъ онъ сдаетъ отрѣзанныя поля тѣмъ же починкамъ, но за особую плату по 4 и 5 рублей

десятину подъ одинъ посѣвъ хлѣба, не смотря на то, что крестьяне только изъ за того и трудятся, чтобы расчистить поскорѣе поле и ѣсть „свой хлѣбъ“ *), такъ какъ они въ то время ѣли еще купленный, которому цѣна въ 1881 году была 1 р. 30 к. пудъ ржаной муки. А гдѣ мужику взять денегъ, чтобы прокормить свою громадную семью? Удивляешься, право, какъ это Богъ помогаетъ еще! Само собою разумѣется, что въ разъ отведенныхъ границахъ владѣнія, крестьяне получали право пользованія и расчистки лѣса безъ ограниченія; но и здѣсь Морозову угодно было наложить свою пятерню. Онъ всегда приказывалъ, чтобы всѣ лѣсныя издѣлія, какія выработаютъ крестьяне, были сдаваемы ему въ счетъ уплаты денегъ за землю. Нѣкоторые крестьяне повѣрили этому и стали возить къ нему издѣлія, но послѣ оказалось, что онъ ставилъ за нихъ цѣну несравненно ниже, чѣмъ другіе лѣсоторговцы; тогда они стали возить къ другимъ, но Морозовъ, узнавши объ этомъ отъ своихъ шпіоновъ, сталъ штрафовать за каждую продажу въ размѣрѣ 10 рублей, не смотря на то, что это нигдѣ не обусловлено, вычитая изъ суммы, поступившей съ крестьянъ въ уплату за землю. Но вычесть у мужика 10 рублей было бы сносно, а то еще онъ налагаетъ на это болѣе значительную контрибуцію. Подобныя продажи онъ называетъ воровскими и, основываясь на этомъ, опять „исключаетъ“ крестьянъ изъ поселковъ. Продѣлывать подобныя вещи Морозову безъ всякаго суда и слѣдствія, вполнѣ самовольно, съ своими временно-обязанными поселенцами весьма легко, такъ какъ они, по его выраженію, „у него въ рукахъ“. Въ случаѣ, если, что Боже упаси, заикнется мужикъ недобрымъ словомъ, такъ онъ можетъ исключить не только одного, но стереть съ лица земли цѣлый поселокъ. Это вытекаетъ изъ того

*) Расчистить десятину стоитъ 40 р., т. е. въ 5 разъ дороже, чѣмъ ее купить съ лѣсомъ въ вѣчное владѣніе.

факта, что въ поземельныхъ условіяхъ, домашнихъ, рѣдко засвидѣтельствованныхъ даже въ волостномъ правленіи, онъ именуетъ поселенцевъ „арендаторами“. Такъ, напримѣръ, въ условіи 13 марта 1872 года съ крестьянами починка Маркеловскаго (да и многихъ другихъ) значится, что взяли они землю „въ арендное содержаніе срокомъ на 8 лѣтъ“, за что „арендаторы“ обязались уплатить ему по 11 р. за десятину. Арендатора дѣйствительно легко „исключить“ Морозову, но каково перенести это крестьянину, который на зовъ Корнила Аверьяновича переселился къ нему „со старины“, распродавъ тамъ всѣ пожитки. Онъ оторвался отъ роднаго гнѣзда, отъ всего ему милаго и пріѣхалъ сюда съ семьею, промышляя по дорогѣ христовымъ именемъ, а, гдѣ случалось, и заработками. Поселился въ глухомъ лѣсу, вдали отъ всякаго жилья, гдѣ и дорогъ то не было, кромѣ тропъ для верховой ѣзды. Поселился онъ тутъ, срубилъ избенку и обзавелся скотиной, расчистилъ съ кровавымъ потомъ ниву изъ подъ лѣса и луга; прорубилъ въ лѣсу большія, проѣздныя дороги, постоянно находясь въ борьбѣ то съ нуждою, то съ климатомъ, то съ медвѣдями; перенесъ всѣ болѣзни отъ непривычнаго мѣста, да кое-какъ, да чѣмъ Богъ послалъ, наконецъ, пропитался до „своего хлѣба“, а тутъ опять новая бѣда горше прежнихъ: поля отрѣзываются, издѣлія отбираются, уплаченныя за землю деньги не возвращаются, и наконецъ онъ слышитъ грозное слово Морозова „*исключить*“. Что остается послѣ этого дѣлать исключенному мужику, куда идти? Дорога одна—петля. Подаетъ онъ жалобы—и письменно, и словесно, ждетъ отвѣта, но его нѣтъ; идетъ онъ тогда въ свою немудрую, деревянную церковь и тихо, и горько тамъ плачетъ, и молится предъ иконою Спасителя.

Духъ захватываетъ, слушая крестьянъ о похожденіяхъ сыновей Морозова съ прикащиками по починкамъ. Баши-

бузуки съ болгарами хотя и жестоко расправлялись, но тѣ рисковали своею жизнію, а эти господа творятъ что угодно— съ полнымъ сознаніемъ, что сопротивленія не будетъ. Таково положеніе переселенцевъ у Морозова, да и у многихъ другихъ.

На землѣ да безъ земли.

На сѣверѣ Стерлитамакскаго уѣзда, въ отрогахъ Уральскаго хребта, расположенъ *Архангельскій мѣдиплавильный заводъ* графини *Коссаковской*, доставшійся ей по наслѣдству въ 1851 году. Это — довольно обширное селеніе, какъ и вообще заводы, при которыхъ сосредоточивалась всегда большая масса рабочаго народа. Расположено оно довольно правильно—кварталами, по обѣ стороны рѣчки Аскина, на равнинѣ, которую окружаютъ съ сѣвера, востока и юга горы, а къ западу она доходитъ до рѣки Бѣлой и тянется на разстояніи 25 верстъ. Въ самомъ же селеніи, при концѣ заводскаго пруда, расположены постройки завода, фабрики, склады угля, доменныя печи и т. п. Недалеко отъ нихъ, къ югу, находятся господскія постройки, церкви и базарныя лавки на площади. Здѣсь же находится и памятникъ, воздвигнутый крестьянами на свои средства въ память освобожденія ихъ изъ крѣпостной зависимости. Онъ представляетъ собою колонну изъ кирпичей сажени двѣ вышиною, на вершинѣ которой, на яблокѣ вырѣзанъ изъ желѣза и разрисованъ ангелъ, какъ будто опустившійся съ неба, коснувшись лишь одною ногою и возвѣщающій въ приложенную къ губамъ трубу радостную вѣсть *освобожденія*. Но памятникъ этотъ теперь не поправляется и скоро придетъ въ разрушеніе...

У графини Коссаковской при заводѣ считается 52 тысячи десятинъ. На нихъ расположены слѣдующія селенія: Архангельское село и деревни Новая Федоровка, Русскій Зилимъ, Ирныкша; всѣ онѣ населены горно-заводскими мастеровыми, бывшими крѣпостными Коссаковской. Сама графиня живетъ гдѣ-то въ Польшѣ и на заводѣ не бываетъ. Управляетъ заводомъ Зорковъ; онъ происходитъ изъ крестьянъ мастеровыхъ Богоявленскаго завода г. Пашкова, извѣстнаго апостола петербургскаго большаго свѣта. Зорковъ небольшаго роста, толстенькій, кругленькій, уже пожилой человѣкъ. Физіономія его чрезвычайно типична и при встрѣчѣ съ нимъ чувствуешь какое-то отвращеніе.... Но оставимъ его и перейдемъ къ дальнѣйшему.

Крестьяне, бывшіе Коссаковской, отказались отъ надѣла и даже не приняли надѣла нищенскаго — *дарственнаго*, какимъ другіе заводчики: Сухозанеты, Пашковы, Балашовы и Бѣлосельскіе - Бѣлозерскіе наградили своихъ работниковъ. Согласно Положенія 19 февраля, крестьяне пожелали остаться безъ земли и согласно того же Положенія они остались только при пользованіи однѣми усадьбами, даже безъ выгона. Но и усадьба не составляла ихъ собственности и, если они могли ею пользоваться, то неиначе, какъ подъ условіемъ работы на заводѣ. Такъ они и живутъ по настоящее время. Судите по этому сами, какъ много случаевъ, при такомъ ихъ положеніи, чтобы „пожать“ и „выжать“ изъ нихъ все, что будетъ угодно господину управляющему, который и прежде пользовался и теперь пользуется такимъ безвыходнымъ положеніемъ крестьянъ и вполнѣ безпощадно для жителей и безнаказанно для себя, за то выгодно, эксплоатируетъ населеніе. „Пожать“ и „выжать“, стали обыкновенной его терминологіей и, нужно сказать, что здѣсь *дѣйствительно выжимаютъ*.

Чтобы мои слова не были вымысломъ, я долженъ привести факты. Вотъ они:

Крестьяне Коссаковской, при выходѣ на волю, имѣли собственнаго хлѣба, въ запасныхъ магазинахъ, 2386 четвертей ржанаго и 231 $^1/_2$ четвертей овса, слѣдовательно, около 25 тысячъ пудовъ. Этотъ хлѣбъ достопочтенная графиня продала и вырученныя деньги положила къ себѣ въ карманъ, за что крестьянамъ обѣщала дать земли, но потомъ слова своего не сдержала. Выходитъ, что все мое—и хлѣбъ, и земля! Крестьяне стали хлопотать о возвратѣ имъ хлѣба, и въ 1868 году Стерлитамакскій мировой съѣздъ рѣшилъ взыскать съ Коссаковской, на пополненіе крестьянскаго запаснаго магазина, сказанный выше хлѣбъ. Дѣло затянулось до 1873 года, въ который вмѣсто потребованнаго крестьянскаго хлѣба графиня, по случаю дороговизны цѣны на рожь въ то время, обязалась уступить имъ въ вѣчное владѣніе 5500 десятинъ, о чемъ были составлены и засвидѣтельствованы законнымъ порядкомъ договоры. Но графиня впослѣдствіи нарушила эти договоры и на вознагражденіе землею не соглашалась. Дѣло пошло мытарствовать по инстанціямъ низшимъ, высшимъ и наконецъ послѣ 20 лѣтняго многотруднаго странствованія достигло сената, который рѣшилъ, что въ замѣнъ растраченнаго Коссаковскою хлѣба, она должна отдать крестьянамъ землю. Уфимская палата уголовнаго и гражданскаго суда 6 мая 1880 года выдаетъ на эту землю данную, а именно: Архангельскому заводу на 2678 десят. 1874 саж., Новой-Федоровкѣ 205 дес. 372 саж., Зилиму 1081 дес. 273 саж., Ирныкшѣ 1451 дес. 2318 саж. Но на этомъ дѣло остановилось и впередъ не двигается. У крестьянъ въ рукахъ данная, смотрятъ они на нее—не налюбуются, а земли нѣтъ, какъ и не бывало. Вотъ уже другой годъ, какъ они введены во *владѣніе* землею, а земли все нѣтъ-какъ нѣтъ. Чудеса да и только!

И вотъ тутъ-то г. Зорковъ является главнымъ дѣятелемъ, разумѣется, подъ руководствомъ своей великой покровительницы, графини Коссаковской. Судя по ихъ политикѣ въ дѣлѣ обезземеленія крестьянъ, цѣль ихъ заключается въ томъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не допустить крестьянъ до пользованія землей. Достиженіе этой цѣли для нихъ чрезвычайно важно, такъ какъ, если мужики будутъ имѣть собственную землю, то будутъ обезпечены и не станутъ работать на фабрикѣ за ту цѣну, которую имъ платитъ Зорковъ. Тогда ему и его барынѣ придется плохо. Дѣло въ томъ, что работать на фабрикѣ можетъ не всякій рабочій, а лишь человѣкъ, знающій дѣло и изучившій его на практикѣ, какими и могутъ считаться только заводскіе „мастеровые". Лишиться такихъ работниковъ—значитъ прекратить дѣйствіе завода, а платить имъ дорого не хочется: барышей будетъ мало, несмотря на то, что теперь получается ихъ рубль на рубль, или 100%. Если же у крестьянъ своей земли не будетъ, то они по необходимости будутъ вѣчными работниками на заводѣ и съ ними можно будетъ выдѣлывать что угодно, можно шутя гнуть ихъ въ бараній рогъ. Вотъ по этимъ то причинамъ Зорковъ уперся какъ быкъ и нейдетъ ни на какія сдѣлки. Напримѣръ онъ не соглашается на уступку трехъ, пяти усадебныхъ мѣстъ, принадлежавшихъ прежде крестьянамъ, которые выѣхали изъ селенія. Эти усадьбы стоятъ не дорого, но онѣ находятся внутри крестьянскихъ усадьбъ, и послѣдніе никоимъ образомъ не хотятъ уступить ихъ въ пользу графини, руководствуясь основаніями болѣе вѣскими, нежели Зорковъ. Споръ завязанъ, а этого управляющему только и нужно было. Какъ бы то ни было, но эти несчастныя усадьбы остановили законный ходъ дѣла и чего добраго оно затянется опять на 20 лѣтъ и пойдетъ въ сенатъ, а крестьяне все будутъ тянуть крѣпостную лямку и плясать по Зорковской дудкѣ, платить ему натурою—рабо-

тами на фабрикѣ и кланяться, какъ кумиру, за свою же собственную землю. Если исчислить всѣ убытки, которые понесли мастеровые со времени начатія дѣла, то у графини недостало бы для расплаты съ ними и всей заводской дачи. Между тѣмъ, благодаря хожденію Зоркова по разнымъ присутствіямъ, дѣло это тянется и тянется безконечно, а изъ крестьянъ Зорковъ вытягиваетъ, и выжимаетъ также безконечно. Кромѣ того господинъ управляющій застращиваетъ крестьянъ разными мѣрами. Такъ, всякое произшествіе на заводѣ, въ дачѣ или фабрикѣ, онъ приписываетъ мастеровымъ, подаетъ на нихъ жалобы и тѣхъ садятъ въ тюрьмы...

Когда мнѣ въ заводѣ разсказывали дѣло о землѣ со всѣми его подробностями и сопровождавшими обстоятельствами, то подтверждали свои слова документами, заключающимися въ трехъ громадныхъ томахъ бумаги. Разсматривая эти документы, я удивлялся, какъ это у Зоркова и у графини не станетъ коломъ въ горлѣ кусокъ, который они „урываютъ“ у крестьянъ. Между тѣмъ начальство, имѣя въ виду выдачу на землю данныхъ, требуетъ отъ крестьянъ пополненія въ магазины хлѣбныхъ недоимокъ.

Кромѣ названныхъ деревень, на земляхъ Коссаковской расположены два починка: Малышевскій и Токмакъ, поселившіеся на арендныхъ правахъ. Онѣ существуютъ уже 15 лѣтъ и успѣли также попасть въ лапы Зоркова. Крестьяне перваго починка платятъ аренды по 75 коп. въ годъ за детятину, но 15 декабря 1883 года срокъ аренды кончается и, конечно, даже навѣрное, они будутъ платить вчетверо или впятеро дороже, такъ какъ арендная плата на земли ежегодно повышается, бросить усадьбы и все мужицкое заведеніе имъ не такъ то будетъ легко, и приведется согласиться на условія, которыя выработаетъ г. Зорковъ. Кре-

чне втораго починка, проживающіе на полянѣ „Токмакъ“,

заключили условіе съ конторою по 7 марта 1883 г. и, за проживаніе и пользованіе изъ заводской дачи топливомъ, выгономъ и пастьбой скота въ окрестности селенія и сѣнокошеніемъ на полянѣ, обязались платить за каждаго домохозяина по 4 руб. въ годъ, внося деньги ежегодно: первую половину въ маѣ, а вторую въ октябрѣ. Неисправность платежа аренды почитается нарушеніемъ условія. За распаханную и засѣянную землю мастеровые обязаны платить каждый за себя, за яровое и озимое, по 1 руб. въ годъ, сколько вспашетъ. Строевой лѣсъ для домашнихъ построекъ могутъ брать безплатно, но сбытъ лѣса на сторону воспрещается. За поставку пеньковъ платятъ по 4 руб. за десятину. Питейныхъ заведеній, пріемокъ и складовъ лѣсныхъ издѣлій и др. промышленныхъ заведеній въ селеніи, безъ разрѣшенія конторы, не заводить. Контора же на *все* имѣетъ полное право и безъ согласіи жителей. Послѣдніе обязуются, сверхъ уплаты денегъ, круговою порукою, начиная отъ башкирской деревни Ибрагимовой до р. Аскина (на 30 верстъ), оберегать и сохранять заводскую дачу отъ порубки, для чего давать изъ среды своей въ поличные по 1 и 2 человѣка и на каждый дворъ по 10 въ годъ поденщиковъ, а также обязаны давать и помощь съ платою по 30 коп. въ день. За истребленіе лѣса и т. п. дѣйствія, контора вправѣ *отказать* въ проживаніи; виновный въ похищеніи платитъ *двойную* цѣну по таксѣ, за каждое похищенное дерево. Въ поощреніе, поймавшему хищника контора выдаетъ половину взысканнаго штрафа. *По истеченіи 6 лѣтъ срока аренды, мастеровые обязаны, если пожелаютъ проживать на этомъ мѣстѣ, войти съ конторою въ новую сдѣлку или очистить занятое мѣсто.* Обезпеченіемъ исправнаго исполненія условія служатъ крестьянскіе дома. Каждый изъ поселенцевъ можетъ уйти изъ поселка, заплатя за прожитое время и за *полгода* впередъ. Изъ этого явствуетъ, что какъ бы ни были

росписаны права и преимущества поселенцевъ, они всецѣло находятся въ распоряженіи Зоркова, или какъ онъ именуетъ себя въ условіяхъ, „конторы г. Коссаковской", которая имѣетъ возможность произвести со своими поселенцами такіе эксперименты, что отъ нихъ мужику придется только лечь и умереть. И что замѣчательно, такъ это то, что все совершается на законномъ основаніи, съ соблюденіемъ всѣхъ формъ и обрядовъ. А вотъ и еще сюрпризъ—10 пунктикъ, гласящій такъ: „во время проживанія нашего, мы должны вести жизнь честную и благопристойную, съ сосѣдними жителями и заводскою канцеляріею споровъ не дѣлать; если встрѣтятся какіе либо споры или недоразумѣнія, то за разъясненіемъ обращаться въ заводскую контору; какъ конторѣ, такъ и мѣстнымъ властямъ должны *повиноваться*; сверхъ предоставленнаго по условію ничѣмъ не пользоваться; если мы будемъ замѣчены конторою или обществомъ Архангельской волости въ предосудительныхъ поступкахъ, какъ-то: въ воровствѣ, буйствѣ и прочемъ, клонящемся ко вреду конторы или общества, то должны со дня объявленія въ теченіе 6 мѣсяцевъ оставить мѣсто жительста, и занимаемую землю сдать конторѣ". Какое родительское наставленіе! А если передать все это лаконически то и выйдетъ: покоряйся или умри!

И лежитъ на этомъ мѣстѣ до сихъ поръ еще печать угнетенія, безобразія и позора...

Но надо оговориться и въ пользу Зоркова. Такимъ отеческимъ покровительствомъ, имѣвшимъ мѣсто только при крѣпостномъ правѣ, страдаютъ здѣсь очень многіе: не онъ первый, не онъ и послѣдній; но только эти страданія сводятся къ тому, чтобы всѣ „нравственные" проступки, въ родѣ поименованныхъ выше, оплачивались достаточнымъ количествомъ „презрѣннаго металла". Иначе виновныхъ ожидаетъ преслѣдованіе до изгнанія изъ собственнаго дома, про-

дажи послѣдней коровенки или закабаленіи „на вѣчныя времена съ потомствомъ“, какъ писалось въ старыхъ актахъ на людской товаръ.

Наши Разуваевы.

Купцы *Петровы* составляютъ семью болѣе пятидесяти человѣкъ; это бывшіе государственные крестьяне села Аскина, Бирскаго уѣзда. Прежде они жили только въ этомъ селѣ, занимались кое-какими торговыми оборотами, содержали кабаки да постоялые дворы, а теперь имъ стало тѣсно въ одномъ селѣ и они разселились по окрестностямъ, хотя центръ и главная сила осталась въ Аскинѣ, на томъ основаніи, что это село изъ рукъ выпускать нельзя. Кабацкіе доходы не стали удовлетворять ихъ стремленію къ наживѣ и они завели болѣе сложныя и болѣе доходныя *статьи*: одинъ открылъ поташный заводъ, другой дегтярный, третій сталъ скупать хлѣбъ, четвертый открылъ большую лавку съ краснымъ товаромъ, пятый бакалейную, шестой, седьмой, восьмой и девятый занялись сельскимъ хозяйствомъ, позавели хутора и усадебки и пригласили окружающее населеніе къ себѣ въ работу; десятаго посадили въ волостные старшины, одиннадцатаго выбрали „повѣреннымъ по поземельнымъ дѣламъ“ и т. д.; нѣтъ ни одного какого-нибудь выгоднаго дѣла, которое они упустили бы изъ рукъ и прозѣвали. Дѣла у нихъ крайне сложныя, обороты не распутаешь скоро, и при томъ основаніи, которое лежитъ въ ихъ дѣятельности: „все наше и ничего другимъ“, они отлично преуспѣваютъ во всякомъ предпріятіи. Безъ ущерба для другихъ нажиться нельзя, такъ и здѣсь. Гнѣздо Петровыхъ чрезвычайно похоже на гнѣздо паука, который своею волшебною нитью опуталъ цѣлый округъ на нѣсколько десятковъ верстъ. Они скупили сосѣднія дворянскія имѣнія Ш. и М., завели на нихъ заводы

и прекрасныя усадьбы; въ Аскинѣ построили громадныя двухъэтажные дома, ни по величинѣ, ни по архитектурѣ не уступающіе городскимъ и усѣлись, да такъ прочно, что нужна рука гиганта, чтобы порвать ихъ волшебную нить. Теперь ихъ и „рукой не достанешь“ и живутъ они „припѣваючи“.

Дворянинъ Ш., имѣвшій назадъ тому двадцать лѣтъ при селѣ Бурмѣ нѣсколько тысячъ десятинъ земли, которую пріобрѣли Петровы, и три деревни крѣпостныхъ крестьянъ, теперь пасетъ конскій табунъ села Аскина. Я видѣлъ эту жалкую личность, идущую вдоль улицы села, по колѣно въ грязи, съ громаднѣйшимъ бичемъ черезъ плечо. Въ рукахъ онъ несъ полуштофъ водки „игравшій на солнцѣ“ и оралъ благимъ матомъ какую-то пѣсню, въ которой можно было разслышать только „безъ меня, меня женили“.

— Это дворянинъ идетъ,—говорилъ мнѣ обыватель.

— Кто такой?

— Да Ш., богатый баринъ былъ, а теперь вона што!

Я заинтересовался, тѣмъ болѣе что фамилія Ш. мнѣ была извѣстна раньше, какъ владѣльца значительнаго имѣнія, и началъ просить обывателя, чтобы онъ разсказалъ, какимъ образомъ этотъ, нѣкогда богатый человѣкъ, дошелъ до такого положенія.

— Да споили,—коротко отвѣчалъ онъ къ моему удивленію.

— Кто?

— „Добрые люди“,—неохотно уже прервалъ обыватель.

— Кто же это добрые люди?

На мой вопросъ отвѣта не послѣдовало, но по предшествующему разговору съ обывателемъ я догадался, кто эти добрые люди, у которыхъ онъ былъ въ долгу, какъ въ шелку. Послѣ уже мнѣ удалось дополнить мои свѣдѣнія тѣмъ, что Ш. былъ еще 22-лѣтнимъ юношей, когда ему въ наслѣдство досталось большое имѣніе.

Одного изъ самыхъ видныхъ членовъ фамиліи Петровыхъ,

представляетъ Модестъ Яковлевъ, имѣющій большое производство поташу и дегтя, но и онъ еще не такъ великъ, какъ его родненькій „сынокъ“ (какъ его зовутъ не помню, но знаю, что этотъ сынокъ получилъ образованіе въ какомъ-то среднемъ учебномъ заведеніи). Этотъ-то „сынокъ“ и состоитъ „повѣреннымъ по поземельнымъ дѣламъ“ отъ цѣлаго округа. Ему лѣтъ 25 (значитъ изъ молодыхъ да ранній), имѣетъ онъ приличную физіономію.

Модестъ Яковлевичъ съ сынкомъ живутъ на особомъ хуторѣ при заводахъ, верстахъ въ восьми отъ Аскина, на участкѣ въ 300 дес., пріобрѣтенномъ отъ дворянина М. Нужно замѣтить въ скобкахъ, что и М., также какъ и Ш., отличался крайнимъ безразсудствомъ, пьянствомъ и безобразіемъ. Этотъ участочекъ окружаютъ съ запада и юга башкирскія земли; а башкирскія земли, дѣло извѣстное, давно составляютъ лакомый кусочекъ и давнымъ давно этотъ кусочекъ посасываетъ разный *предпріимчивый людъ*. Тянетъ, знаете ли, къ нимъ, да такъ тянетъ, что умъ меркнетъ, духъ захватываетъ, голова кружится, а сердце-то такъ и бьется, такъ и бьется... потянуло къ нимъ и Модеста Яковлевича, не удержался, потому что близко ужь очень онѣ къ нему— какъ устоять?!

Арендовалъ онъ у башкиръ двѣ мельницы, на рѣчкѣ Матѣ, а по сосѣдству съ своимъ участкомъ сталъ *прихватывать*: то полянку, то лѣску клочечекъ, то небольшое польце арендуетъ у башкиръ года на два, а потомъ и присоединитъ къ своимъ владѣніямъ.

„Глядь по глядь“, и на двѣ версты вокругъ своей дачи не сталъ пускать башкиръ на ихъ землю ни пахать, ни косить, ни лѣсъ рубить.—„Мое, да и все“, одно твердитъ Модестъ. Межи перепахалъ, ямы да просѣки завалилъ хворостомъ и никто не зналъ, гдѣ его настоящая межа. Башкиры, вполнѣ сознавая, что лѣсъ ихъ, сначала порубали по-

маленьку, но какъ только попадутся въ лапы къ Модесту Яковлевичу—бѣда: онъ и къ судьѣ ихъ, и къ становому, и въ волостное правленіе, и къ старшинѣ, и къ старостѣ и т. д., и т. д.; пошла канитель; пойдетъ судъ да дѣло и Модестъ Яковлевичъ докажетъ, что башкиры рубили именно въ его дачѣ, а не въ своей. „Воры-де они, мошенники, учить надо!“ Ну и учатъ, сегодня штрафъ, завтра штрафъ, послѣ завтра штрафъ! а откуда взять башкиру этотъ штрафъ? Подумали башкиры и порѣшили: земли и лѣсу у насъ много, вдоволь, наплевать, пусть Петровъ владѣетъ,—и замолчали, но надежду на справедливость не покинули: ужь больно крѣпко въ правду вѣрятъ! А Петрову только того и надо. Лѣсъ окарауливаетъ, бережетъ пуще глаза, и лѣсъ, нужно по правдѣ сказать, сталъ чудный: ель, пихта, липа. Только назадъ тому года два, вздумалось сосѣднимъ владѣльцамъ, наслѣдникамъ М., размежеваться. Подали они прошеніе о командированіи землемѣра для составленія полюбовной сказки и разграниченія участковъ въ натурѣ. Не прошло и мѣсяца, какъ прикатилъ землемѣръ. Сталъ онъ составлять планъ и усмотрѣлъ, что необходимо повѣрить общую генеральную межу всей дачи, а въ этой общей дачѣ и генеральной межѣ къ уголку примкнулъ и участочекъ Модеста Яковлевича. Вышелъ землемѣръ на межу и пошелъ и пошелъ! да такъ пошелъ, что отыскалъ всѣ ямы и просѣки и участокъ Петрова обошелъ отъ захваченной имъ башкирской земли.

— Ай алла! великъ алла!—твердили башкиры и послѣ того не пустили Петрова владѣть за гранью, а стали распоряжаться своимъ добромъ, какъ и быть надлежитъ настоящимъ хозяевамъ. Модестъ Яковлевичъ и языкъ послѣ этого прикусилъ, и руки у него отнялись; хоть бы строчку написалъ и жалобъ ни словесныхъ, ни письменныхъ не подавалъ; ходитъ только да улыбается—„врете-де, наша будетъ“—и точно, свое слово сдержалъ.

Приходитъ весна 1881 года и Модестъ Яковлевичъ, вооруживши „сыночка“ довѣренностью для *ходатайства* по разнымъ дѣламъ, отправляетъ его въ Уфу. Тотъ является въ палату уголовнаго и гражданскаго суда съ прошеніемъ о признаніи отца своего владѣльцемъ недвижимаго имѣнія *по давности владѣнія*.

Какъ и всегда водится въ данныхъ случаяхъ и какъ полагается по закону, палата предписываетъ Бирской полиціи, а та Аскинскому становому Зайцеву, о производствѣ дознанія на мѣстѣ, т.-е. о спросѣ окружающихъ жителей и владѣльцевъ, доподлинно-ли Петровъ владѣлъ тѣми землями и угодьями болѣе десяти лѣтъ. Зайцевъ пріѣзжаетъ къ Петрову на хуторъ.

— Понятыхъ надо,—приказываетъ онъ.

— Можно,—отвѣчаютъ ему и чуть ли не сію же минуту понятые готовы: пять человѣкъ изъ села Ключей, пять изъ Аскина и двое рабочихъ Петрова. Приняли, разумѣется, присягу и показали, что земля *дѣйствительно съ незапамятныхъ временъ* была во владѣніи Петрова и спору никто и никогда не предъявлялъ.

Бумага—дознаніе ѣдетъ по почтѣ въ полицейское управленіе, а оттуда въ палату: „дѣло, молъ сдѣлано“. И вотъ палата, на основаніи такого дознанія 13 мая, выдаетъ бирскому купцу Модесту Яковлеву Петрову данную на право безспорнаго владѣнія по давности землею 100 дес., лежащей „въ дачѣ Кубіязовской волости, смежною съ землею его же Петрова“. Но этого показалось Петрову мало—разлакомился и опять давай хлопотать; результатомъ новыхъ хлопотъ было то, что 30 іюля ему выдается другая данная на владѣніе 150 дес., „лежащими близь села Аскина и дер. Кигазовъ“.

Такимъ образомъ дѣло сдѣлано. Данная на „ербовомъ“ листѣ въ рукахъ Петрова, и теперь онъ уже владѣлецъ *на*

маленьку, но какъ только попадутся въ лапы къ Модесту Яковлевичу—бѣда: онъ и къ судьѣ ихъ, и къ становому, и въ волостное правленіе, и къ старшинѣ, и къ старостѣ и т. д., и т. д.; пошла канитель; пойдетъ судъ да дѣло и Модестъ Яковлевичъ докажетъ, что башкиры рубили именно въ его дачѣ, а не въ своей. „Воры-де они, мошенники, учить надо!“ Ну и учатъ, сегодня штрафъ, завтра штрафъ, послѣ завтра штрафъ! а откуда взять башкиру этотъ штрафъ? Подумали башкиры и порѣшили: земли и лѣсу у насъ много, вдоволь, наплевать, пусть Петровъ владѣетъ,—и замолчали, но надежду на справедливость не покинули: ужь больно крѣпко въ правду вѣрятъ! А Петрову только того и надо. Лѣсъ окарауливаетъ, бережетъ пуще глаза, и лѣсъ, нужно по правдѣ сказать, сталъ чудный: ель, пихта, липа. Только назадъ тому года два, вздумалось сосѣднимъ владѣльцамъ, наслѣдникамъ М., размежеваться. Подали они прошеніе о командированіи землемѣра для составленія полюбовной сказки и разграниченія участковъ въ натурѣ. Не прошло и мѣсяца, какъ прикатилъ землемѣръ. Сталъ онъ составлять планъ и усмотрѣлъ, что необходимо повѣрить общую генеральную межу всей дачи, а въ этой общей дачѣ и генеральной межѣ къ уголку примкнулъ и участочекъ Модеста Яковлевича. Вышелъ землемѣръ на межу и пошелъ и пошелъ! да такъ пошелъ, что отыскалъ всѣ ямы и просѣки и участокъ Петрова обошелъ отъ захваченной имъ башкирской земли.

— Ай алла! великъ алла!—твердили башкиры и послѣ того не пустили Петрова владѣть за гранью, а стали распоряжаться своимъ добромъ, какъ и быть надлежитъ настоящимъ хозяевамъ. Модестъ Яковлевичъ и языкъ послѣ этого прикусилъ, и руки у него отнялись; хоть бы строчку написалъ и жалобъ ни словесныхъ, ни письменныхъ не подавалъ; ходитъ только да улыбается—„врете-де, наша будетъ“—и точно, свое слово сдержалъ.

Приходитъ весна 1881 года и Модестъ Яковлевичъ, вооруживши „сыночка“ довѣренностью для *ходатайства* по разнымъ дѣламъ, отправляетъ его въ Уфу. Тотъ является въ палату уголовнаго и гражданскаго суда съ прошеніемъ о признаніи отца своего владѣльцемъ недвижимаго имѣнія *по давности владѣнія*.

Какъ и всегда водится въ данныхъ случаяхъ и какъ полагается по закону, палата предписываетъ Бирской полиціи, а та Аскинскому становому Зайцеву, о производствѣ дознанія на мѣстѣ, т.-е. о спросѣ окружающихъ жителей и владѣльцевъ, доподлинно-ли Петровъ владѣлъ тѣми землями и угодьями болѣе десяти лѣтъ. Зайцевъ пріѣзжаетъ къ Петрову на хуторъ.

— Понятыхъ надо,—приказываетъ онъ.

— Можно,—отвѣчаютъ ему и чуть ли не сію же минуту понятые готовы: пять человѣкъ изъ села Ключей, пять изъ Аскина и двое рабочихъ Петрова. Приняли, разумѣется, присягу и показали, что земля *дѣйствительно съ незапамятныхъ временъ* была во владѣніи Петрова и спору никто и никогда не предъявлялъ.

Бумага—дознаніе ѣдетъ по почтѣ въ полицейское управленіе, а оттуда въ палату: „дѣло, молъ сдѣлано“. И вотъ палата, на основаніи такого дознанія 13 мая, выдаетъ бирскому купцу Модесту Яковлеву Петрову данную на право безспорнаго владѣнія по давности землею 100 дес., лежащей „въ дачѣ Кубіязовской волости, смежною съ землею его же Петрова“. Но этого показалось Петрову мало—разлакомился и опять давай хлопотать; результатомъ новыхъ хлопотъ было то, что 30 іюля ему выдается другая данная на владѣніе 150 дес., „лежащими близь села Аскина и дер. Кигазовъ“.

Такимъ образомъ дѣло сдѣлано. Данная на „ербовомъ“ листѣ въ рукахъ Петрова, и теперь онъ уже владѣлецъ *на*

законномъ основаніи. Башкиры, конечно, объ этомъ ничего не знали, да и не ихъ это дѣло.

Нельзя было не интересоваться этимъ *дѣломъ*; кстати, мнѣ предстоялъ случай туда отправиться и я, конечно, постарался поподробнѣе разузнать *суть* всего *происшествія*. Участокъ во 100 дес. находится при двухъ мельницахъ; одна изъ нихъ во 100 саж. отъ башкирской деревни Кигазы, внизъ по рѣчкѣ Матѣ, а другая въ двухъ верстахъ ниже первой, на той же рѣчкѣ. Эти мельницы, какъ и земли ихъ окружающія, принадлежатъ башкирамъ той же деревни, но сняты Петровымъ въ аренду на 12 лѣтъ по контракту и ему остается додержать только одинъ годъ. Другой участокъ въ 150 дес. находится по смежности земли Петрова, купленной изъ дачи дворянъ М. къ юго-западу отъ его завода и границы, къ той же дер. Кигазы, отъ которой отстоитъ въ двухъ верстахъ.

Первый участокъ, заключающійся преимущественно въ сѣнокосѣ, находится въ срединѣ башкирской земли и право давности на него обусловлено десятилѣтнимъ содержаніемъ въ арендѣ мельницъ, но земли при нихъ не было арендовано ни десятины и Петровъ въ этомъ мѣстѣ никакими землями не пользовался; право давности на второй участокъ, состоящій изъ пахотной земли и лѣса, обусловлено тѣмъ, что на немъ выстроенъ дегтярный заводъ Петрова, и что границы его не были ясно обозначены. Такъ какъ въ дѣйствительности, въ натурѣ, эти участки не были отмежованы, а была только одна башкирская дача, то Петровъ, чтобы сдѣлать свое владѣніе фактическимъ, проситъ губернское правленіе командировать землемѣра, для отмежеванія этихъ участковъ. Землемѣръ является, и когда выѣхалъ на межу и приступилъ къ межеванію, башкиры вышли поголовно цѣлой деревней и заявили, что земли Петрова тутъ нѣтъ ни клока, то онъ никогда не владѣлъ ею и, если пользовался, то какъ

арендаторъ, а потому они къ межеванію не допустятъ. Землемѣръ составляетъ объ этомъ протоколъ, складываетъ свои инструменты и уѣзжаетъ во свояси. Но прежде еще составленія акта, нѣсколько башкиръ стали приступать съ разспросами къ Петрову, какъ и почему онъ вступается въ ихъ землю. Петровъ струсилъ, опрометью бросился въ плетенку и во весь духъ, на парѣ лошадей, поскакалъ въ село Ключи, до котораго будетъ верстъ пять. По пріѣздѣ въ Ключи, Петровъ кидается на колокольню и давай звонить въ набатъ. Дѣло это было лѣтомъ въ іюлѣ; перепуганный народъ бросился къ церкви, такъ какъ пожара не было видно и тутъ узнали отъ Петрова, что Кигазинскіе башкиры бунтуютъ, убили землемѣра, священника, понятыхъ и что только онъ одинъ кое-какъ спасся, благодаря револьверу. Но во время пылкихъ разсказовъ о бунтѣ, къ церкви подходитъ священникъ, а затѣмъ пріѣхали съ межи и понятые. Послѣдніе разсказали, какъ было дѣло. Мужики разсвирѣпѣли, хотѣли поколотить новоявленнаго звонаря за безпокойство, да вступился батюшка, который разсудилъ, что его донесеніе въ консисторію подѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ кулаки крестьянъ, и Петровъ на примиреніе выставилъ мужикамъ три ведра водки.

Помимо всего сказаннаго, дѣло это интересно еще тѣмъ, что въ немъ рѣзко обрисовываются семейно-купеческіе нравы нашихъ ландъ-лордовъ—мужиковъ. Верхняя мельница на рѣкѣ Матѣ довольно хорошая и доходная и на нее „разгорѣлись зубы“ у Модестова брата, Константина. Зная, что Модесту остается держать ее только одинъ годъ, онъ задумалъ перебить ее у брата и заблаговременно предъидущей еще зимой, позаботился запастись отъ башкиръ приговоромъ на эту мельницу, при чемъ израсходовалъ до 1500 р. разныхъ денегъ, чтобы, по окончаніи аренды брата, контрактъ былъ заключенъ съ нимъ. Дѣло уладили потихоньку отъ Модеста,

какъ разъ къ тому времени, когда послѣднему пришла въ голову блестящая мысль воспользоваться „давностью владѣнія“. Теперь Константинъ подстрекаетъ башкиръ хлопотать объ уничтоженіи данныхъ и о преданіи брата суду за обманъ, становаго Зайцева—за незаконность дѣйствій, а попятыхъ—за ложную присягу. По словамъ сына Константина, дядѣ его грозитъ Сибирь, а по словамъ сына Модеста, у его дяди пропадутъ хлопоты и полторы тысячи рублей, почему онъ и останется съ носомъ. Все это говорится съ улыбочкою, а дѣлается съ сильно затаенною злобою. И такъ поступаютъ люди, живущіе подъ одной кровлей!

Смотря на примѣръ Петрова, и крестьяне села Аскина и Куяштырь съ выселками и поселками тоже стали хлопотать, нельзя-ли „урвать“ малую толику башкирской землицы; конечно, мужики не могли сами выкинуть этого „фортеля“, но тутъ дѣйствовалъ весьма краснорѣчиво язычекъ Петровыхъ. При дѣятельномъ участіи волостнаго старшины, который приходится „сыночку“ роднымъ дядей, они также уполномочили его на ходатайство по *дѣлу* объ отчужденіи башкирской земли, которую крестьяне *арендуютъ погодно*. Собираются на это громадныя суммы денегъ и вручаются повѣренному.—„Сдѣлай милость, добрый человѣкъ, возьми, только ублаготвори!“ Петровъ хлопочетъ и хлопочетъ... а карманы у него все набиваются и набиваются... Хорошее вѣдь это ремесло! Говорятъ, что жители только села Аскина переплатили „сыночку“ Петрова болѣе 5 т. руб. на хлопоты по признанію ихъ собственниками, а не припущенниками башкирской дачи, не смотря на то, что имъ данъ надѣлъ по $7^1/_2$ десятинъ на душу и дѣло о признаніи ихъ собственниками рѣшено сенатомъ въ отрицательномъ смыслѣ, да и та земля, которая была въ ихъ владѣніи до нарѣзки, уже продана башкирами болѣе 10 лѣтъ другимъ владѣльцамъ.

Новоявленные крѣпостные.

Если кто вздумаетъ заняться изученіемъ поземельнаго вопроса въ Европѣ, то для этого ненужно трудиться много и ѣздить за границу, а стоитъ только пріѣхать къ намъ въ Уфимскую губернію, и здѣсь можно найдти и Англію съ ея крупной поземельной собственностью, и Францію — страну мелкаго владѣнія, и Германію, отличающуюся въ аграрномъ отношеніи сословной организаціею. Но у насъ еще можно наткнуться и на такіе факты и явленія, которые не подходятъ ни подъ одинъ названный видъ землевладѣнія и чего еще нѣтъ въ Европѣ. Я постараюсь, конечно, познакомить читателей со всѣми видами землевладѣнія въ губерніи въ слѣдующихъ очеркахъ, а теперь остановлюсь на томъ фактѣ, который, можно назвать не иначе какъ новоявленнымъ *крѣпостнымъ правомъ*.

Зимой 1881 года я былъ въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ, въ имѣніи княгини Вяземской, подъ названіемъ „Винный ключъ". Управляющимъ этимъ имѣніемъ оказался молодой человѣкъ, недавно кончившій курсъ въ Петровской земледѣльческой академіи и пріѣхавшій въ имѣніе въ декабрѣ 1880 года. Онъ любезно познакомилъ меня съ порядками хозяйства и между прочимъ показалъ мнѣ свой „сельско-хозяйственный дневникъ", въ которомъ записывалось все касающееся завѣдыванія имѣніемъ. Тамъ между прочимъ я встрѣтилъ самую обстоятельную запись, чуть не по часамъ, хода болѣзни различныхъ животныхъ, что-то въ родѣ скотскихъ *скорбныхъ листовъ*; въ особенности заинтересовался примѣчаніями, напримѣръ: „у бычка N появилось слизистое теченіе", приняты такія-то мѣры; далѣе значится: „истеченіе увеличивается; бычекъ N скученъ...", „болѣзнь увеличивается, бычекъ N

ничего не ѣстъ и не пьетъ. Послано въ Стерлитамакъ (за 40 верстъ) за ветеринарнымъ фельдшеромъ...“ и т. д. каждый день, до тѣхъ поръ, пока бычекъ не выздоровѣлъ.

Изъ имѣнія съ „раціональнымъ хозяйствомъ“, я отправился въ село Ивановское-Коробково. Бѣдненькое, жалкое село! Расположено оно вдоль одной улицы, шириною саженъ въ семьдесятъ. Церковь и дома причта стоятъ одиноко, въ сторонѣ отъ крестьянскихъ избъ, и около нихъ съ боку пріютился кабачекъ, на вывѣскѣ котораго значилось: „распивочно и на выносъ, дешево и хорошо, дворянина *такого-то*“. Всѣ крестьянскіе дворы или, вѣрнѣе дома,— такъ какъ у большей части ихъ дворовъ вовсе нѣтъ,—счетомъ 65, разбросаны другъ отъ друга и стоятъ какъ-то невесело, набоченясь. Нѣкоторые изъ нихъ покрыты соломой и даже свѣжей, а у другихъ крыши стояли раскрытыми, только и чернѣлись голыя стропила.

— Давно пожаръ былъ, спрашиваю я ямщика.

— Пожара не было, а такъ живутъ.

Я долго искалъ глазами избы получше да попросторнѣе, гдѣ бы могъ остановиться, но проѣхался по всему селу и таковой не оказалось.

— Вези къ своимъ знакомымъ.

Подъѣхали. Не пускаютъ—старуха умирала. Привелось ѣхать въ другой домъ, гдѣ послѣ нѣкоторыхъ упрашиваній позволили остановиться. Я велѣлъ позвать нѣсколькихъ мужиковъ, а въ ожиданіи ихъ сталъ разсматривать свое помѣщеніе. Избенка въ два окна на улицу, половина стеколъ выбита и вмѣсто нихъ воткнуты тряпицы; громадная печь, у конника—объягнившаяся овца; изба закопченая, сырая и холодная; воздухъ невыносимый, такъ что, пробывши въ ней десять минутъ, я вышелъ освѣжиться на дворъ. И здѣсь все таже бѣдность. Надворныя постройки заключались только въ плетневомъ сараѣ, въ которомъ на соломѣ, пережевы-

вая ее, лежали двѣ овечки, тряслась стоя тощая лошаденка, да самодовольно похрюкивала въ углу свинья... Я снова вошелъ въ избу. Хозяйка возилась на печи съ больнымъ ребенкомъ лѣтъ пяти, которому она давала въ ротъ черный жеваный хлѣбъ. У ребенка—блѣднаго, худаго, глаза еле смотрѣли; пища оставалась только на губахъ, а въ ротъ не попадала.

— Чѣмъ боленъ?

— А Богъ его знаетъ...

— Давно?

— Съ Рождества...

— Что же къ доктору не свозила?

— Богъ далъ, Богъ и возьметъ... куда намъ дохтура.

Наконецъ мужики собрались. Я распросилъ ихъ, что было нужно и отправился въ Табынскъ.

Разсказавъ и далеко не полно впечатлѣніе, которое на меня произвело пребываніе въ Ивановскомъ, я теперь перейду къ самой сути.

Послѣ манифеста 1861 года крестьяне дер. Уваровки и села Коробкова отказались отъ надѣла, такъ какъ платить ежегодно по $7\frac{1}{2}$ руб. выкупныхъ за 5 десятинъ, при существовавшей въ то время арендѣ башкирскихъ земель но 10 коп. за десятину, считали цѣною очень высокою. Часть изъ нихъ перечислилась въ Стерлитамакскіе мѣщане; богатые накупили земли, а бѣдные походили да опять пришли на старое гнѣздо, обнищавшіе; нѣкоторые, окончательно не имѣвшіе возможности двинуться съ мѣста, стали арендовать землю *погодно*. Такъ прошло *двадцать* лѣтъ. Крестьяне мало по малу затянулись... И вотъ результатомъ всего ихъ существованія является условіе—документъ такой важный, что думаю, онъ займетъ видное мѣсто на страницахъ исторіи нашего сельскаго хозяйства. Чтобы не упрекали меня въ пристрастномъ отношеніи къ этому дѣлу и в[illegible]ре-

М. Г. Н. М. А.

увеличеніи я считаю необходимымъ привести это условіе цѣликомъ. Вотъ оно:

„1880 года, марта 31 дня, мы, нижеподписавшіеся мѣщане г. Стерлитамака въ количествѣ 95 человѣкъ, (а другое точно такое-же условіе заключено съ 80 лицами), заключили сіе условіе съ конторою Винноключевскаго хутора въ слѣдующемъ:

1) Взяли мы у оной конторы, Стерлитамакскаго уѣзда, въ деревнѣ Дарьиной, усадьбы и для скота нашего пастбище, (*находящееся тамъ то*), *за исключеніемъ пашни* (къ которой примыкаетъ пастбище) и *сѣнокосныхъ полянъ*, которыми пользовались полѣсовщики, срокомъ на 6 лѣтъ, т. е. съ 1 апрѣля 1880 года, за что договорились мы отбывать конторѣ ежегодно, *каждый лично за себя* слѣдующее: аренду за пастбище череда т. е. за каждую лошадь, корову и шесть овецъ, по 40 коп. и съ головы свиней по 20 коп. сер. Уплату денегъ за пастбище нашего скота обязуемся платить конторѣ каждаго года въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; если же кто изъ насъ не уплатитъ денегъ въ назначенный срокъ, то обязуемся платить *вдвойнѣ* или отработать по *три дня конныхъ*.

2) За усадьбу: запахать, посѣять по первому требованію конторы подъ рожь одну хозяйственную въ 3600 кв. саж. десятину; пахать по три раза, боронить два крестообразно, т. е. вдоль и поперегъ безъ цѣлинъ. При запахиваніи сѣмянъ, отпущенныхъ изъ конторы, пахать мы обязуемся глубоко отъ 3 до 4 вершковъ и по 8 бороздъ въ каждой сажени съ опахиваніемъ 4 бороздами въ двухъ концахъ десятины. Спахать подъ яровой хлѣбъ четверть десятины,— если кто изъ насъ посѣетъ десятину съ обсѣвами, тотъ долженъ послѣ всходовъ ржи, когда обозначутся обсѣвы, пересѣвать вновь по сдѣланнымъ обсѣвамъ и своими сѣменами: двоеніе пашни и бороньба должны производиться до

Петрова дня, посѣвъ ржи до перваго августа каждаго года обязательно. Если кто изъ насъ будетъ пахать мелко, сваливать борозды, и спахавши 4 бороздами съ двухъ концовъ десятины и не въ свое время, какъ пахать паръ, такъ равно снять рожь и не крестообразно, то предоставляемъ право конторѣ *нанять на нашъ счетъ другихъ пахарей и по какой бы то ни было цѣнѣ*, и уплаченныя конторою деньги за нашу пашню мы обязуемся возвратить конторѣ *безъ спора и тяжбъ*, и съ той же самой десятины свести па хуторское гумно рожь сколько на таковой будетъ; по дорогѣ сноповъ не терять, лошадьми не травить и сноповъ у кладей не сбрасывать, а подавать на кладь до послѣдняго снопа привезенной ржи. Если будетъ замѣчено конторою, что нечисто свезена рожь съ десятины, а также по дорогѣ будутъ лежать растерянные снопы, то обязуемся *платить* конторѣ за понесенные *убытки* лично за себя по 3 р. сер.; осенью по мелкому снѣгу нарубить и вывезти полсажени дровъ на хуторъ Винный ключъ. Если дрова будутъ приготовлены конторою, нарублены весною,—то вмѣсто полсажени вывести мы должны одну сажень. Ко времени приготовленія сѣмянъ ржи, мы должны выслать по одному дню женскому молотить рожь на сѣмена. Если же кто изъ насъ не вышлетъ молотить рожь по первому требованію, то обязуемся вмѣсто *одного* дня работать *два* дня.

3) Для предостереженія отъ потравы хлѣбовъ, околицу огородить городьбою, для чего хворостъ и колья рубить въ отведенномъ конторою мѣстѣ безплатно, такъ и для своихъ усадьбъ должны рубить колья и хворостъ безплатно.

4) Кто изъ насъ будетъ пахать землю за Кармалкою, то обязуемся безпрекословно мостъ на р. Кармалкѣ исправить изъ отпущеннаго конторою лѣса.

5) Въ лѣтнее время, по первому требованію конторы,

обязуемся, каждый лично за себя, быть *на помочи* два раза съ указанными орудіями.

6) Въ Бишкардакѣ на опушкѣ лѣса правой стороны отъ села Ивановскаго *косить траву* на разстояніи не болѣе полуверсты *на неудобныхъ мѣстахъ, но не въ лугахъ*; затѣмъ болѣе не должны отнюдь косить въ другихъ мѣстахъ. Если же мы, косивши траву въ Бишкардакѣ, будемъ лѣсъ рубить, а также траву косить въ неуказанныхъ мѣстахъ, такъ за рубку и за траву обязуемся платить *штрафъ* конторѣ по 3 руб.

7) Въ заливѣ за рѣчкою Кармалкой контора должна отвести намъ мѣсто для замочки конопли безплатно. Если кто изъ насъ будетъ мочить коноплю въ рѣчкѣ Кармалкѣ, то предоставляемъ конторѣ право взыскать съ каждаго по 5 р. *штрафа*.

8) *За уклоненіе отъ исполненія вышеупомянутыхъ работъ обязуемся платить конторѣ штрафъ: за пашню одной десятины 8 руб., за сноповозку 5 руб., за недоставленныя дрова 3 руб., за неогороженную околицу 10 руб., за неисправленіе моста на Кармалкѣ 3 руб., за неисполненіе 2-хъ помочей 4 руб., за невспаханную пашню подъ яровой хлѣбъ 1 руб. и за невыполненіе одного дня женскаго 1 руб. (!!!).*

9) Въ случаѣ, если мы вздумаемъ съ арендованныхъ нами усадьбъ переселиться на другія мѣста раньше назначеннаго срока, а также равнымъ образомъ, если контора раньше срока аренды откажетъ намъ, то какъ мы лично за себя равно и контора, повинны платить *штрафъ въ видѣ неустойки по 5 руб. за каждый годъ.*

10) Въ исполненіи работъ и уплаты денегъ контора обязана выдавать квитанціи; за неимѣніемъ оныхъ, *работы должны считаться непополненными и деньги неуплаченными.*

11) Если же намъ потребуются дрова на отопленіе, то контора должна намъ отвести участокъ лѣса съ платою и заработкой по добровольному соглашенію съ конторою, которая должна намъ выдать *безплатно по 1 возу лучины*, которую по сдѣланному наряду полѣсовщиками взять въ назначенный день.

12) Если будетъ *дознано конторою*, что кто либо изъ насъ будетъ себя вести *нечестно*, а заниматься буйствомъ и конокрадствомъ—*контора въ правѣ безъ суда и тяжбы выслать изъ усадьбы, арендуемой нами, а постройки таковыхъ домохозяевъ должны быть собственностью конторы, за что мы не должны имѣть никакой претензіи.*

13) По уборкѣ хлѣбовъ, арендаторамъ предоставляется право пасти свои табуны и на неарендованномъ ими пастбищѣ, *но только* чтобы *не стѣснять* пастбищемъ конторскаго скота.

14) Если кто изъ насъ будетъ имѣть *неблагонадежныхъ людей* на квартирѣ или въ работникахъ, то обязуемся платить конторѣ *штрафъ* по 10 рублей.

15) Во время пастьбы скота, если кто изъ насъ будетъ пускать свой скотъ вольно, безъ пастуха, то обязуемся платить конторѣ *штрафъ* по 3 руб. каждый разъ.

16) Условіе обязуемся выполнить *во всей точности* и подъ симъ подписуемся.

За тѣмъ слѣдуетъ перечень именъ и въ концѣ: „къ подлинному условію вмѣсто ихъ неграмотныхъ и за себя росписался Николай Александровъ“.

Всѣ коментаріи къ этому условію я считаю не только излишними, но совершенно невозможными; ограничусь только вопросомъ и скажу—не составляютъ ли подобныя отношенія *новоявленнаго* крѣпостнаго права, гораздо худшаго, нежели то право, которое отошло въ вѣчность...

Это условіе принадлежитъ перу управляющаго Хадзин-

скому, на мѣсто котораго и поступилъ академикъ. Хадзинскій—полякъ, снялъ теперь (на себя или въ компаніи, не знаю) винокуренный заводъ и живетъ, припѣваючи, наслаждаясь трудами рукъ своихъ и благословляя судьбу.

А княгиня, купивъ у казны за безцѣнокъ смежное громадное озеро Акъ-куль, 10 верстъ длинною и 2 шириной (доходная рыболовная статья), поживаетъ въ Москвѣ и задаетъ балы, стоящіе по 40 тысячъ рублей.

Почетный гражданинъ—острожникъ.

19 августа 1881 года, я былъ въ селѣ Тастубѣ, Златоустовскаго уѣзда, и выѣхалъ изъ него по направленію къ городу Златоусту. Но, отъѣхавши верстъ 10 по большой дорогѣ, я былъ пораженъ слѣдующимъ зрѣлищемъ. На встрѣчу мнѣ ѣхалъ громадный обозъ, подводъ во сто, съ нагруженными снопами хлѣба; его сопровождало очень много сотскихъ, десятскихъ съ бляхами на грудяхъ и съ дубинами въ рукахъ, а по бокамъ обоза, какъ бы къ довершенію эффекта, ѣхали верхами два урядника въ полномъ облаченіи и сабли на голо. Что за исторія такая случилась? подумалъ я, но распрашивать побоялся,—страшно... Я велѣлъ гнать своихъ лошадей, чтобы только убраться поскорѣе отъ этого обоза, но увы! проѣзжая версты двѣ еще, я столкнулся носъ къ носу, съ двумя становыми. Господи!... Дѣлать было нечего—пришлось остановиться, покурить и полюбопытствовать, хотя у меня и въ умѣ въ то время не было, что это любопытство послужитъ матеріаломъ для настоящаго очерка. Благо еще, что здѣсь оказались знакомые. Я оглянулся вокругъ. Громадная равнина на

возвышенности, покрытая спѣлымъ хлѣбомъ, по которому, словно на морѣ, переливаются волны колосьевъ. Въ воздухѣ жарко, на небѣ ни облачка. На равнинѣ безчисленное множество жнецовъ, которые съ какой то горячечною жадностью быстро жнутъ хлѣбъ и вяжутъ снопы, но такъ быстро, что казалось, будто они грабятъ, если къ этому прибавить еще то, что они безпрестанно оглядываются на начальство. Что-то не ладно, думалось мнѣ,—что за исторія? Я повернулся къ другой сторонѣ дороги. Тамъ, невдалекѣ, стояла бѣдная башкирская деревня Улькунды. Косматыя башкирки безпрестанно сновали по ней, кричали, бранились. Вообще надъ деревней стоялъ какой то оглушительный не то крикъ, не то стонъ. Наконецъ я обратилъ вниманіе на группу, къ которой подъѣхалъ. Два становыхъ, два урядника, судебный приставъ, землевладѣлецъ Бунаковъ, его повѣренный, тѣлохранители въ видѣ десятка мужиковъ, сотскіе, десятскіе и двое волостныхъ старшинъ; всѣ чиновники съ надлежащими при нихъ атрибутами. Они спокойно посиживали на канавкѣ и въ экипажахъ, покуривали и вели разговоры, весьма скромно и чинно. Около этой толпы, на приличномъ разстояніи, стояла другая—башкиры. По ихъ физіономіямъ, по живымъ, чернымъ, маленькимъ глазкамъ, которые смотрѣли не то злобно, не то выражали отчаяніе и по зубовному скрежету, да еще по страстному разговору, который они вели между собой, можно было заключить, что тутъ вообще что то не совсѣмъ ладно. Я заинтересовался еще сильнѣе этой исторіей. А исторія то, выходитъ, была самая обыкновенная у насъ. Дѣло въ томъ, что деревня Улькунды—*башкирскіе припущенники* бывшаго военнаго вѣдомства, поселеніе имѣетъ въ дачѣ Дуванской волости, въ которой ей и отчислена земля въ надѣлъ, но не отмежевана. Эта деревня стоитъ какъ разъ на самой генеральной межѣ Дуванской дачи съ Мурзаларскою и въ

послѣдней она имѣла въ своемъ владѣніи часть земли, которою пользовалась безспорно со времени своего основанія въ прошломъ столѣтіи и до настоящаго времени. Въ дачѣ Мурзаларской волости отмежеваніе земель припущенникамъ окончено, но почему то Улькундинскимъ припущенникамъ принадлежащая имъ часть земли изъ этой дачи не отмежевана; случилось ли это въ силу какого закона или же просто по невѣдѣнію,—пропустили, не знаю, хотя фактъ чрезвычайно интересный. Но имъ такъ же не было и отказано въ пользованіи землей, которая по планамъ числилась за башкирами вотчинниками Мурзаларской дачи, а въ дѣйствительномъ владѣніи была за Улькундинскими припущенниками. Такъ они и владѣли безспорно до 25 августа 1875 года, когда крестьянинъ села Тастубы Александръ Григорьевъ Бунаковъ купилъ эту землю у башкиръ. Какъ только Бунаковъ былъ введенъ во владѣніе этой землей по всѣмъ правиламъ крѣпостнаго искуства, то само собою разумѣется, Улькундинцамъ въ пользованіи землею отказалъ. Тѣ не вѣрили. „Земля наша",—говорили они,—и спокойно продолжали пахать и сѣять. Началось такимъ образомъ „дѣло", и по рѣшенію „присутственнаго мѣста" Улькундинцамъ объявили, чтобы они этою землею не владѣли, но они всетаки продолжали пахать и сѣять. Наконецъ, когда послѣ объявленія башкирамъ судебнаго рѣшенія и взятія съ нихъ подписки, они снова „по прежнему" стали владѣть землею и засѣяли ее разнымъ хлѣбомъ, Бунаковъ дознаетъ: кто, сколько десятинъ и какимъ хлѣбомъ засѣялъ. Составляетъ такимъ образомъ длинный списокъ башкирскихъ именъ, почти всей деревни, и дѣло направляетъ къ мировому судьѣ о возстановленіи его правъ владѣнія и для причитающагося съ башкиръ взысканія за самовольный захватъ. Мировой судья Коропочинскій вызываетъ виновниковъ и рѣшаетъ дѣло такимъ образомъ, что весь посѣянный хлѣбъ башкирами на

землѣ Бунакова, какъ самовольно захваченной, поступаетъ въ пользу владѣльца. А на этой землѣ у Улькундинцевъ всѣ посѣвы. Такимъ рѣшеніемъ башкиры остались недовольны и подали жалобу въ съѣздъ. Но вслѣдствіе лѣтняго времени съѣздъ дѣлъ не разбиралъ и, такимъ образомъ, жалоба Улькундинцевъ оставалась не разсмотрѣнной. А Бунаковъ тѣмъ временемъ не дремалъ; не знаю ужъ какимъ образомъ, но только онъ получаетъ исполнительный листъ и, захвативши съ собою вышеписанное начальство, отправляется въ дер. Улькунды. Собираютъ сходъ. Послѣ долгихъ преній, происходившихъ на немъ въ присутствіи непремѣннаго члена уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, Бунаковъ „смилостивился“ и объявилъ, что онъ хлѣбомъ ихъ не хочетъ пользоваться, а чтобы башкиры заплатили ему аренду и впредь отнюдь бы не касались его земли, безъ его вѣдома. Начинается опять говоръ, шумъ. Непремѣнный членъ объявляетъ, что такъ какъ на землѣ Бунакова состоитъ запрещеніе и возбуждено судебное преслѣдованіе, почему неизвѣстно еще, будетъ ли эта земля во владѣніи Бунакова, или же будетъ отдана обратно башкирамъ, то деньги, которыя башкиры согласились внести, должны быть отданы не Бунакову въ руки, а ему, непремѣнному члену, для внесенія въ банкъ до рѣшенія, послѣ котораго деньги будутъ отданы тому, кому будетъ присуждена земля. Башкиры обрадовались и согласились съ этимъ мудрымъ рѣшеніемъ, но Бунаковъ потребовалъ уплаты денегъ ему сей же день, иначе грозилъ взять себѣ весь хлѣбъ. Такимъ образомъ Бунаковъ уперся на своемъ. Переговоры тянулись долго и наконецъ Бунаковъ *повелѣваетъ* привести рѣшеніе мироваго судьи въ исполненіе. Тотчасъ же было объявлено по селамъ Дувану и Тастубѣ, чтобы, кто хочетъ имѣть даровой хлѣбъ, шли бы на Улькундинское поле и жали, и кто сколько успѣетъ сжать, тотъ весь хлѣбъ и получитъ въ свою пользу.

Народу, конечно, собралось много и началась „потѣха“. Всѣ бросились жать въ первую голову пшеницу. Такъ продолжалось два дня. Башкиры видятъ, что дѣло плохо и приходится покориться. Они стали упрашивать Бунакова, чтобы онъ остановилъ хищеніе. Но онъ твердо стоялъ на своемъ и только тогда согласился, когда башкиры принесли ему выкупъ. Выкупъ полученъ, но свезенный хлѣбъ все-таки остался у жнецовъ и часть башкиръ, пострадавшая, принуждена голодовать... Грустная исторія.

Теперь обратимся къ самому Александру Григорьевичу. Въ особенности поучительна его біографія. Начавъ свою дѣятельность писаренкомъ и лакеемъ у какого-то мироваго посредника, онъ постепенно, шагъ за шагомъ прошелъ должности волостнаго писаря, старшины и наконецъ съ учрежденіемъ земства *сдѣлался* земцемъ. Цензомъ послужила купленная имъ у башкиръ земля. Изъ купчей крѣпости за № 43, видно, что башкиры продали ему „землю со всѣми водами, лѣсами и всякаго рода угодьями, въ слѣдующихъ границахъ: отъ генеральной межи владѣнія сартовскихъ вотчинниковъ логомъ на рѣчку Шадали, идя по оной, потомъ по межѣ Михайловскихъ жителей, пройдя оную, равно и Тоймеевскую межу идти на вершину межеваго лога и по оному на рѣчку Юрюзань до генеральной межи Сунлярской волости и идя по оной въ правую сторону, потомъ по генеральнымъ же межамъ Уфатанынской, Дуванской и Сартовской волостей и затѣмъ послѣдней до начальнаго пункта“. Коротко и ясно! „Въ означенныхъ урочищахъ *полагается примѣрно 15.000 десятинъ*“, за 15.380 руб. серебромъ. Но это число на бумагѣ, на дѣлѣ же оказалось, что вмѣсто 15.000 десятинъ въ описанныхъ урочищахъ заключалось *45.000 дес.* и слѣдовательно каждая десятина стоила Бунакову по 34 коп. И это великолѣпнаго, строеваго, краснаго лѣса, изъ котораго бревно продается по

2 руб. и негодный лѣсъ на расчистку отданъ въ вѣчное владѣніе по 12 руб. за десятину и взыскана съ Улькундинскихъ башкиръ аренда за годъ пашни по 2 руб. за десятину.

Кстати нужно замѣтить, что количество десятинъ земли, купленной Бунаковымъ, было ему извѣстно заранѣе, такъ какъ у него были планы на землю и. прежде чѣмъ въ купчей выставлять 15 т., онъ очень хорошо зналъ, что всей земли 45 т. д. Башкиры отъ этого конечно не пострадали, они продали оптомъ, но пострадала казна, лишась крѣпостныхъ пошлинъ съ 30 тысячъ десятинъ, которыхъ причитается по 4% съ рубля и каждая десятина цѣнностью принимается при совершеніи купчей не менѣе какъ по 7 руб., всего 8.400 рублей. Да и башкиры, еслибъ знали это, конечно, бы не продали такъ дешево.

Бунаковъ безспорно былъ бѣднѣйшій изъ смертныхъ и вдругъ покупаетъ такой уголъ, что расходуетъ на него цѣлыхъ 15 тыс. рублей. Является сомнѣніе, откуда же онъ взялъ эти деньги?—А онъ нашелъ кладъ, отвѣчу я, *кладъ мужицкаго довѣрія и глупости.* Это такой кладъ, что его всякій желающій можетъ найти. А именно: Бунаковъ подговорилъ 38 домохозяевъ села Дувана и дер. Кошелевки, которые вложили въ день покупки той земли свои деньги, а Бунаковъ купчую совершилъ на свое имя. Частью этой земли мужики пользовались по договору отъ башкиръ 1807 года, но по рѣшенію Сената имъ во владѣніи было отказано и Бунаковъ взялся оборудовать это дѣло.

Когда мужики узнали, что Бунаковъ совершилъ купчую на себя только, то рѣшили подать жалобу на это; но данная ими довѣренность на хлопоты одному изъ своей среды, волостнымъ правленіемъ не засвидѣтельствована по той причинѣ, какъ объявило правленіе, что они не составляютъ отдѣльнаго общества, на самомъ же дѣлѣ тутъ „дѣйствовалъ" Бунаковъ. Мужики обратились потомъ съ жалобой къ ми-

ровому посреднику Коропочинскому, но отвѣтъ получили тотъ же. Подали послѣ этого они въ 1877 году жалобу въ присутствіе, но тоже отказано (Журналъ Присут. 1877 г. № 66), такъ мужицкія денежки и пропали.

Сдѣлавшись предсѣдателемъ Земской Управы, Бунаковъ забралъ въ руки Златоустовскій уѣздъ и это было очень легко, такъ какъ онъ мужикъ и все крестьянское населеніе съ подобострастіемъ и покорностію довѣрялось ему, а другаго элемента тамъ незначительное количество. Вскорѣ дѣятельность Бунакова по земству обнаружилась. Уфимскій губернаторъ сообщилъ губернскому земскому собранію, что чиновникомъ особыхъ порученій Елисѣевымъ, командированнымъ въ Златоустовскій уѣздъ для изслѣдованія разныхъ злоупотребленій по отчужденію башкирскихъ земель, а равно *подлоговъ и утаекъ* Бунаковымъ 3.417 руб. 67 коп., слѣдующихъ башкирамъ Мурзаларской волости въ уплату за проданную ими землю, обнаружено, что такіе подлоги и утайки дѣйствительно были произведены. Потомъ Бунаковъ попадаетъ въ тюрьму по дѣлу о выстрѣлѣ въ непремѣннаго члена уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Катанскаго и просидѣлъ въ ней болѣе года. При этомъ случилась довольно оригинальная метаморфоза: Александръ Григорьевичъ сѣлъ въ тюрьму *мужикомъ*, а вышелъ *почетнымъ гражданиномъ*. Но это было не какъ награда, чтобы смыть пятно, а какъ плодъ недоразумѣнія.

Какъ только Александръ Григорьевичъ попалъ въ тюрьму, то само-собою разумѣется, земское кормило правленія выпало изъ его рукъ и досталось другому, но это случилось не надолго. По выходѣ изъ тюрьмы, Бунаковъ не могъ уже самъ, лично, быть предсѣдателемъ (хотя бы его избрали навѣрное) и вотъ тутъ-то начинается *подстрой*. Засидѣлся въ Уфѣ одинъ адвокатъ нѣкто Конопасевичъ. До своего адвокатствованія, г. Конопасевичъ служилъ въ Уфимской палатѣ

уголовнаго и гражданскаго суда, кажется, секретаремъ, откуда *попалъ подъ судъ за лихоимство* и уволенъ отъ службы. Конопасевичъ съ давнихъ поръ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Бунаковымъ, былъ его повѣреннымъ по разнымъ дѣламъ и адвокатомъ чуть ли не отъ всего Златоустовскаго уѣзда, благодаря, конечно, рекомендаціямъ Бунакова. И вотъ этотъ-то человѣкъ, ни разу въ жизни не бывавшій въ Златоустовскомъ уѣздѣ, *дѣлается* вдругъ предсѣдателемъ управы. А для этого Бунаковъ еще раньше *продалъ на бумагѣ* ему земли 700 десятинъ. Итакъ Конопасевичъ г. представитель *бумажнаго ценза*. Вотъ что значитъ знать законы и быть юристомъ.

Какъ бы то ни было, хоть все сдѣлано на законномъ основаніи, но исправляющій должность уфимскаго губернатора г. Бестужевъ не утвердилъ Конопасевича, да и врядъ ли утвердятъ когда-либо, хоть Бунаковъ и поговариваетъ въ уѣздѣ, что другаго предсѣдателя не можетъ быть и что каждый разъ будутъ выбирать Конопасевича; развѣ-де новыхъ гласныхъ велятъ избрать.

Если принять въ соображеніе, что г. Бунаковъ ворочаетъ всѣмъ земскимъ дѣломъ уѣзда (теперь это совершается за кулисами), то выходитъ, что его *политика* простирается и на выборы другихъ должностныхъ лицъ уѣзда, напримѣръ, мировыхъ судей; а отсюда становится ясно и такое рѣшеніе дѣла, какое мною описано въ началѣ этого очерка, такъ какъ это дѣло происходило передъ выборами и бѣдный человѣкъ могъ бы лишиться насущнаго куска хлѣба. Теперь Бунаковъ и Конопасевичъ живутъ въ Уфѣ: сидятъ у моря и ждутъ погоды, продолжая, въ то же время, совершенно свободно обдѣлывать свои дѣлишки. Дошло до того, что дѣла о покупкѣ земли оказались выкраденными изъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, да такъ ловко, что и слѣдовъ никакихъ не осталось.

Геній по шишкѣ.

Князь Александръ Іововичъ Кугушевъ. Отличительные его признаки заключаются въ томъ, что онъ хромъ и съ шишкой на лбу. По ученію профессора Галля, эта шишка есть признакъ великаго генія. Князь происходитъ отъ татарской фамиліи, изъ дворянъ Рязанской губерніи, гдѣ князей Кугушевыхъ цѣлая деревня. А. І. въ Уфѣ былъ нѣкоторое время совершенно незамѣтенъ, не смотря на то, что бывшій министръ Маковъ аттестовалъ Уфу большой деревней; даже и въ деревнѣ незамѣтенъ! Вотъ насколько онъ былъ великъ! Какъ попалъ князь въ Уфу, съ точностью неизвѣстно; можетъ быть вслѣдствіе того, что состоялъ въ родствѣ съ нашимъ золотопромышленникомъ Ш. Слава о послѣднемъ была широкая — его знали и старый и малый за носъ необыкновенныхъ размѣровъ. Ш. извѣстенъ еще тѣмъ, что оставилъ послѣ себя наслѣдника только по имени, а имущество досталось другимъ. Кугушевъ тоже золотопромышленникъ, хоть и не изъ великихъ. Свои-ли у него были промысла, или взяты отъ Ш., не знаю. Но князю суждено было нѣкогда стать во главѣ Уфимскаго дворянства, хотя это *случилось по случайно случившемуся случаю* и отъ него нисколько не зависѣло. Одни говорятъ, что при его выборѣ руководствовались только тѣмъ, что онъ князь и богатый человѣкъ, а другіе, напротивъ, находили, что его выбрали за геніальную шишку. Наконецъ, нѣкоторые думаютъ, что онъ былъ только кандидатомъ *нашихъ*, т. е. всѣхъ *скупщиковъ и продавцовъ* башкирскихъ земель, для которыхъ выборъ *нашего*, конечно, весьма важенъ. Кугушевъ безъ сомнѣнія принадлежитъ къ этимъ *нашимъ*. По купчей 3 января 1874 года за № 1, онъ вмѣстѣ съ гг. Пекеръ, Те-

рентьевымъ, Андреевымъ и Адамантовымъ пріобрѣлъ отъ башкиръ Минской волости д. Миньадзитаровой и Карашидовъ, Уфимскаго уѣзда, землицы на свой пай 3,500 десятинъ, по 4 р. за каждую, что во всей губерніи составляетъ единственный случай покупки башкирской земли по такой высокой цѣнѣ.

Кромѣ того, Кугушевъ пристраивался было и къ другой дачѣ Чубильминской волости д. Караякуповой. Но здѣсь потерпѣлъ фіаско. Я нахожу нужнымъ объ этомъ разсказать—интересно.

Башкиры вотчинники д. Караякуповой съ прочими, Уфимскаго уѣзда, 25 марта 1874 года отъ 696 рев. душъ 338 домохозяевъ въ числѣ 311 человѣкъ постановили приговоръ о продажѣ князю А. І. Кугушеву участка „Рукавишникова арема“ въ 571 дес. по 3 руб., а всего за 1713 рублей. Деньги эти Кугушевъ обязался представить для храненія до совершенія купчей крѣпости въ Караякуповское волостное правленіе, а вотчинники обязались вслѣдъ за повѣркой и утвержденіемъ приговора выдать немедленно купчую, но, если по какимъ либо причинамъ этого не сдѣлаютъ, то платятъ неустойки по 1 р. 50 к. съ десятины т. е. половину покупной суммы и деньги Кугушева 1,713 руб. возвратить. Волостное правленіе приговоръ засвидѣтельствовало. Дѣло перешло къ мировому посреднику Листовскому, человѣку честному и въ кражахъ башкирскихъ земель не участвовавшему, и вотъ онъ приговоръ не засвидѣтельствовалъ, потому что дача была не размежевана. Онъ разъяснилъ также покупщику и продавцамъ, что и неустойка не можетъ быть взыскана. Такимъ распоряженіемъ г. Листовскаго Кугушевъ остался недоволенъ и подалъ на посредника прошеніе въ Губ. по кр. д. присутствіе, тоже сдѣлали и башкиры, конечно, подъ вліяніемъ покупщика, но присутствіе 16 іюня 78 г. оставило ихъ просьбы безъ по-

слѣдствій, а дѣйствія Листовскаго признало правильными.

Такъ дѣло и провалилось.

На купленной Кугушевымъ землѣ въ Минской волости поселились два починка: Ново-Князевскій въ 1874 г. и Александровскій 2-й въ 1877 г., которымъ проданы земли по 12 руб. за десятину, какъ записано въ купчихъ, что въ свою очередь не можетъ не удивлять, потому что сосѣднему починку, Черному Ключу, земля продана по 20 р. Купчая крѣпость на землю починка Ново-Князевскаго совершена 4 мая 1879 года, что весьма замѣчательно, такъ какъ съ 9 мая 1878 года до 9 мая 1881 года существовало Высочайшее запрещеніе на всѣ вообще покупки башкирскихъ земель; но это запрещеніе почему-то для Кугушева не имѣло значенія...

Продажная цѣна земли по 12 руб. за десятину весьма незначительна, можетъ быть, потому только, что здѣсь, въ глухомъ лѣсу, нужно было создать поселеніе своего рода крѣпостныхъ: у этихъ починковъ приходится по $2^1/_4$ десятины всей вообще земли на наличную душу, но и эта цѣна превышаетъ башкирскую уже въ *три* раза, а теперь Кугушеву за остальной лѣсъ даютъ по 40 руб. за десятину только на срубъ, что больше противъ его цѣнности ровно въ *десять* разъ.

Затѣмъ А. I. покупаетъ два имѣнія гг. Булгакова и Балашевыхъ въ 20 верстахъ отъ Уфы въ количествѣ $12^1/_2$ тысячъ десятинъ. Имѣнія эти расположены въ населенной мѣстности; ихъ окружаетъ очень много деревень и среди нихъ находятся села: Булгаково, Подлубово и Бекетово, населенныя бывшими крѣпостными крестьянами. Въ нихъ около 700 дворовъ. Какъ на грѣхъ, или на испытаніе княжеской доброты въ Бекетовой, въ годъ покупки имѣнія княземъ, выгорѣло до 100 дворовъ. Лѣсъ есть только у Кугушева; крестьяне къ нему; но вмѣсто того, чтобы взять

съ нихъ ту цѣну, которую въ подобныхъ случаяхъ бралъ управляющій Балашевыхъ, т.-е. по 60 руб. десятину на срубъ, Кугушевъ запросилъ ровно *втрое*—180 руб. Этотъ горькій опытъ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что крестьяне, почесывая затылки, стали перебираться изъ своего роднаго гнѣзда въ степи.

— Зачѣмъ?

— „*Житья не стало*"... Конечно, тутъ имѣла значеніе не одна дороговизна лѣса....

Но вотъ весною прошлаго года, какъ на грѣхъ, или опять на испытаніе Кугушева, у него прорвало плотину мельничнаго пруда на рѣчкѣ Узень, около села Подлубова. Одинъ берегъ этой рѣчки, къ которому примыкаетъ плотина, принадлежитъ по праву собственности крестьянамъ Подлубовцамъ. За примычку плотины къ ихъ берегу, Подлубовцы каждый годъ по договору брали съ прежняго владѣльца Балашова вознагражденіе: пашню дешевле существующихъ цѣнъ. Новый-же собственникъ мельницы, Кугушевъ, не заблагоразсудилъ поступать по примѣру Балашева, и безъ всякихъ разговоровъ послалъ своего управляющаго съ рабочими зачинить плотину около крестьянскаго берега. Когда эта команда хотѣла проѣхать къ плотинѣ, чрезъ землю собственниковъ подлубовцевъ, крестьяне вышли изъ домовъ всей деревней и сказали рабочимъ:

— „Не ѣздите, ребята, чинить берегъ. Кабы грѣха не вышло... мы васъ не пустимъ... пусть отдастъ князь намъ пахать свои горы, тогда мы дадимъ чинить берегъ".

Въ этомъ запрещеніи не ѣздить по чужой землѣ князь нашелъ самоуправство и 10 мая 1881 года подалъ на крестьянъ жалобу мир. судьѣ 6 участка Гутопъ. Послѣдній, спустя недѣлю, разобралъ дѣло и, находя въ поступкѣ крестьянъ „*нравственное насиліе*" (?!), противъ князя Кугушева, выразившееся въ запрещеніи работникамъ князя ѣздить

по ихъ землѣ, приговорилъ 44 человѣка къ аресту на 5 дней каждаго. Крестьяне подали жалобу въ съѣздъ, но послѣдній утвердилъ рѣшеніе судьи и крестьяне должны были высидѣть 220 рабочихъ дней въ арестномъ домѣ, что, если перевести на деньги, равняется 300 рублямъ, такъ какъ пора была страдная. Замѣчательно въ этомъ дѣлѣ было еще то, что явившійся отъ крестьянъ довѣренный, ихъ товарищъ, не признанъ съѣздомъ повѣреннымъ, потому что довѣренность засвидѣтельствована была волостнымъ правленіемъ.

Послѣ такого приговора, крестьяне 14 сентября подали тому-же судьѣ Гутопу прошеніе о возстановленіи ихъ правъ на владѣніе берегомъ, нарушенныхъ княземъ, но разсмотрѣніе этой просьбы было отложено на *три мѣсяца*, тогда какъ просьба князя была *исполнена чрезъ недѣлю*. Дѣло понятное: князь, его управляющій статскій совѣтникъ Кротковъ и съ ними цѣлый сонмъ другихъ совѣтниковъ состояли гласными—выборщиками, отъ которыхъ, слѣдовательно, вполнѣ зависѣла „избирательная“ судьба Гутопа и весьма можетъ быть, что благодаря такому рѣшенію дѣла, Гутопъ при новой баллотировкѣ былъ вновь выбранъ.

Не успѣло улечься впечатлѣніе, произведенное рѣшеніемъ Гутопа и утвержденія его съѣздомъ, какъ въ томъ-же съѣздѣ было разсмотрѣно дѣло по обвиненію нѣкой г. Ширковой. Дѣло это заключается въ томъ, что рядомъ съ землею Ширковой находятся сѣнокосы, принадлежащіе г. Л. Покосы эти ежегодно арендовались крестьянами сосѣдней деревни, причемъ имъ приходилось проѣзжать на арендованные луга чрезъ землю Ширковой, чему она обыкновенно не препятствовала; но прошлымъ лѣтомъ, въ пору самаго жаркаго сѣнокоса, г. Ширкова преградила проѣздъ крестьянамъ, поставивши на дорогѣ караулъ. Мировой судья Смирновъ (изъ крестьянъ), разбиравшій означенное дѣло, призналъ г. Ширкову виновною въ самоуправствѣ и при-

говорилъ ее къ заключенію въ арестномъ домѣ на 4 дня. Но тотъ же самый съѣздъ, утвердившій приговоръ Гутопа, отмѣнилъ рѣшеніе Смирнова, мотивируя это тѣмъ, что заявленіе о закрытіи дороги было сдѣлано владѣльцемъ земли г. Л., а не крестьянами, противъ которыхъ учинено самоуправство. Чудныя, право, дѣла творятся у насъ! Въ одномъ случаѣ съѣздъ призналъ самоуправство противъ Кугушева, а въ другомъ, точно такомъ же дѣлѣ, но только противъ крестьянъ, съѣздъ самоуправства не призналъ!

Двѣ покупки.

Въ центрѣ Башкиріи, среди горъ и лѣсовъ, на утесистомъ берегу рѣки Уфы, въ Бирскомъ уѣздѣ, раскинулась небольшая деревушка Новый Русскій Урюшъ. Въ ней всего 43 двора и сто слишкомъ податныхъ душъ. Появилась эта деревушка въ совершенно безлюдной мѣстности въ 1813 году. Жителями ея сначала были крестьяне деревень Усы-Степановки и Новыхъ Байковъ, соединившіеся въ товарищество и купившіе землю у башкиръ Ельдяцкой волости *по договору*, въ извѣстныхъ, подробно описанныхъ урочищахъ, за 700 рублей ассигнаціями. Кое-какъ обстроились они, и жили мирно и покойно нѣсколько лѣтъ. Но въ 1820 годахъ, при появленіи въ этой глуши первыхъ лѣсопромышленниковъ, у крестьянъ съ башкирами произошло столкновеніе, по поводу неточности границъ. Дѣло дошло до сената, который призналъ договоръ недѣйствительнымъ, такъ какъ онъ былъ составленъ не крѣпостнымъ порядкомъ. Въ силу практиковавшагося въ то время закона 1818 года, по которому всѣ сдѣлки съ башкирами, совершенныя хотя и крѣпостнымъ порядкомъ, признавались недѣйствительными,

правительство въ то время наложило запрещеніе на башкирскія земли, уже по счету *второе*. Это запрещеніе было вызвано, такъ же какъ и въ 1877 году, практиковавшимися хищеніями башкирскихъ земель. Хотя договоръ, заключенный Урюшанами, и былъ составленъ по обоюдному согласію, вполнѣ миролюбиво, и башкиры вели лишь пустой споръ о нѣкоторой части границъ, но договоръ въ видѣ листа писанной гербовой бумаги былъ уничтоженъ. Вмѣстѣ съ бумагою *по закону* должна была бы уничтожиться и самая сдѣлка на землю и фактъ владѣнія, а вмѣстѣ съ этимъ и самое поселеніе должно быть стерто съ лица земли на томъ основаніи, что съ башкирами нельзя было уже совершать никакой сдѣлки, въ силу существовавшихъ запрещеній, даже нельзя было снять участокъ въ продолжительную аренду. Но въ томъ то и дѣло, что ничего этого не случилось и и хотя все разрушали, но Урюшъ все-таки продолжалъ спокойно существовать и приращаться, а также и пользоваться землею въ тѣхъ самыхъ урочищахъ, какія были опредѣлены въ договорѣ и за которыя были уплачены кровныя, трудовыя деньги.

Какъ ни было спокойно владѣніе Урюшанъ, башкиры очень хорошо понимали положеніе своихъ покупщиковъ; согнать послѣднихъ было для нихъ невыгодно и они обратили крестьянъ въ дойную корову. Начинается рядъ безобразныхъ поборовъ и притѣсненій, свѣжо сохранившихся еще въ памяти старожиловъ. Вотъ примѣръ: однажды пріѣзжаютъ нѣсколько человѣкъ башкиръ во дворъ къ одному зажиточному мужику и кричатъ:

— Федунька, возьми лошадь... вяжи... корми...

Федунька безпрекословно исполняетъ требованіе башкира, привязываетъ лошадь и даетъ ей корма. По двору ходитъ скотъ.

— Федунька, обращается опять башкиръ къ мужику, вотъ

этотъ баранъ жирна, рѣжь его, наша ашать (ѣсть) хочетъ.

Федунька рѣжетъ, варитъ, а башкиры сидятъ въ избѣ и ашаютъ. Наѣлся башкиръ, оглядывается по сторонамъ, видитъ виситъ полотенце.

— Федунька, твоя полотенце больно хороша, ступай вяжи его сѣдла.

И полотенце привязывается къ сѣдлу. Во все это время хозяинъ угощаетъ гостей бражкой, пивомъ, виномъ. Когда башкиры „нажрутся", Федунька насыпаетъ въ ихъ мѣшки муки, крупы, кладетъ оставшуюся баранину или рыбу и съ миромъ отправляетъ ихъ во свояси. Такъ продолжалось до пятидесятыхъ годовъ. Въ это время основана коммиссія, подъ названіемъ Башкирской, которая, въ силу закона 1832 года, признала Урюшанъ, какъ неимѣющихъ крѣпостнаго акта, гражданскими припущенниками, а не собственниками. Но и это оставалось покуда на бумагѣ, а въ дѣйствительности крестьяне владѣли по прежнему, только стали уже хлопотать объ *укрѣпленіи* своихъ правъ. Въ 1865 году башкиры, признавая силу договора 13 года, составили приговоръ, чтобы выдать Урюшанамъ крѣпостной актъ, что было уже возможно вслѣдствіе указа 1832 года. Но акта все-таки выдано не было, такъ какъ башкирами было предъявлено требованіе объ измѣненіи нѣкоторыхъ границъ владѣнія, на что урюшане не согласились, и опять владѣніе продолжалось безспорно до 1871 года, въ тѣхъ границахъ, какіе значатся по первому договору. Въ это время уже имъ предполагалось дать душевой надѣлъ, какъ припущенникамъ. Надѣлъ утвердили и урюшанамъ выдали владѣнную запись, которую они не приняли. Тутъ-то уже урюшане поняли совершенно ясно, что дѣло ихъ пропащее, такъ какъ владѣніе ихъ по договору было 12 тысячъ десятинъ, а по надѣлу 900 десятинъ, слѣдовательно, уменьшалось въ тринадцать

разъ, да кромѣ того въ надѣлѣ были отведены земли по берегу р. Уфы, которыя во время весеннихъ разливовъ вода часто затопляетъ и смываетъ съ нихъ озимые посѣвы; да еще въ небольшихъ и узкихъ лощинахъ между горъ, гдѣ такъ же весною часто поля размываются и на нихъ наноситъ съ горъ громадныя буреломныя деревья и разный лѣсной соръ; такая отрѣзка земли уничтожала ихъ главный промыселъ—лѣсной, а хлѣбопашество здѣсь совершенно не развито. Кромѣ того, въ 1872 году часть земли, оставшаяся за надѣломъ, но принадлежащая по договору урюшанамъ, была захвачена разными лицами, купившими у башкиръ сосѣднія мѣста. Во время разныхъ хлопотъ о землѣ они уплатили башкирамъ болѣе 13.000 руб. ассигнаціями, (что подтверждается указомъ сената 1853 г.) да и самыя хлопоты стоили почти столько же. Все это заставило урюшанъ хлопотать объ укрѣпленіи своихъ правъ и о признаніи ихъ собственниками уже, если не по договору, то по давности 60-тилѣтняго владѣнія. Хлопоты ихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Уфимская палата уг. и граж. суда признала ихъ собственниками, согласно указаніямъ предъявленныхъ документовъ и произведенному на мѣстѣ дознанію окольныхъ людей въ числѣ 25 человѣкъ, которые подъ присягою подтвердили не только самый фактъ безспорнаго владѣнія, но и указали подробно границы, какія значатся въ договорѣ 13 года.

Башкиры вотчинники не оставались глухи къ этимъ хлопотамъ и, подстрекаемые заинтересованными лицами, захватившими землю урюшанъ, чрезъ повѣреннаго своего, (адвоката Казанцева), хлопотали въ апелляціонномъ порядкѣ въ сенатѣ. Но сенатъ оставилъ ихъ жалобу безъ послѣдствій. Выходитъ что тутъ произошло какъ бы состязаніе, въ которомъ урюшане остались побѣдителями, и 8 февраля 1877 года введены во владѣніе тою частію земли, которая оста-

лась отъ ихъ прежняго владѣнія незахваченною новыми сосѣдними владѣльцами и этою частью владѣютъ безспорно до сихъ поръ, а на захваченную часть въ 7 тысячъ десятинъ предъявили иски о неправильномъ владѣніи. Для точнаго опредѣленія захватовъ въ лѣто 1882 года былъ назначенъ землемѣръ Васильевъ, произвести техническое изслѣдованіе. Башкиры, опять-таки по проискамъ нѣкоторыхъ *промышленниковъ*, прогнали землемѣра съ межи, но по распоряженію высшей губернской администраціи Васильевъ пріѣхалъ вторично и окончилъ работу. Такимъ образомъ, урюшане стали собственниками, продолжающими платить выкупъ за землю въ казну по разсчету душеваго надѣла, опредѣленнаго въ владѣнной записи. Кстати о записи. Гдѣ она теперь пребываетъ,—остается въ неизвѣстности.

Когда Васильевъ обошелъ межи урюшанъ, то оказалось, что по лѣвую сторону рѣки Уфы землею завладѣлъ купецъ Тороторовъ, а захватъ этотъ равняется семи тысячамъ десятинъ, покрытыхъ прекраснымъ сроевымъ лѣсомъ хвойныхъ и лиственныхъ породъ. Тороторовъ Пименъ Фроловичъ купилъ землю у башкиръ по купчей крѣпости 1872 года 18 марта, согласно приговору, утвержденному бывшимъ мировымъ посредникомъ Ермоловымъ 2-го того же марта. Куплено имъ по крѣпости 25 тысячъ десятинъ въ слѣдующихъ урочищахъ: „отъ казенныхъ статей Баряжки внизъ по рѣкѣ Уфѣ до рѣчки Еманъ-Елги, *минуя межи жителей деревни Урюша*, (замѣтьте эту фразу), островъ противъ устья Ирышъ остается башкирамъ, *а рѣчку Еманъ-Елгу* вотчинники отдаютъ, *начиная съ устья* и пильный заводъ по истеченіи срока кортомы М. И. Кузнецова и вверхъ Еманъ-Елги двѣ версты до межи Морозова, какъ сказано въ приговорѣ о продажѣ земли ему, правами этими долженъ пользоваться Тороторовъ, а не вотчинники; но онъ не долженъ стѣснять Кузнецова до окончанія срока кортомы, согласно приговору, такъ равно

не стѣснять въ семъ году лѣсопромышленниковъ, о которыхъ вотчинники уже дали приговоръ, а вновь обязуются никому не давать. Съ таковыхъ арендныя деньги должны башкиры получать за издѣлія и лѣсъ, такъ равно и за пильный заводъ Кузнецова до окончанія оброчнаго содержанія, а потомъ они должны поступить въ распоряженіе и собственность Тороторова, согласно его приговора. По межѣ Морозова идти вверхъ по Еманъ-Елгѣ до генеральной Сунлярской межи, по Сунлярской межѣ до Тургенеевской межи и отъ нея до казенной межи Кирзи и ею, дойдя до рѣчки Баряжки, на рѣку Уфу, которая половиною будетъ принадлежать Тороторову; во всей землѣ безъ остатка по обоюдному согласію не стѣснять башкиръ рубить для себя ульи, крыть оныя и оставлять права звѣроловства, не стѣсняя однакожъ покупателя. А взяли вотчинники башкиры съ него, Тороторова, за эту землю 28.000 руб. сер., изъ коихъ третья часть, слѣдующая въ мірскую ссудную кассу 9.333 руб. 52½ коп., Тороторовымъ уже внесены въ волостное правленіе, 8.000 вотчинниками уже получены, а остальныя 10.666 рублей 66½ коп. *разсрочиваются* Тороторову на одиннадцать лѣтъ, начиная платить съ будущаго 1873 года, въ которомъ онъ долженъ внести 666 руб. 66½ коп., а остальныя по тысячѣ рублей въ годъ *безъ процентовъ*. Если въ означенныхъ урочищахъ болѣе 25,000 дес., то вотчинники предоставляютъ Тороторову землю всю, которая окажется въ урочищахъ за выговоренную выше цѣну; если же окажется менѣе 25.000 дес. въ сказанныхъ урочищахъ, то Тороторовъ не долженъ требовать прибавки земли или уменьшенія выговоренной цѣны. *Если возникнутъ споры по урочищамъ* между покутелемъ и сосѣдними владѣльцами, то вотчинники обязаны ограждать интересы покупателя и не допускать до убытковъ, вести дѣла обязаны на счетъ вотчинниковъ; въ случаѣ *уменьшенія* количества земли отъ споровъ или тяжбъ вотчинники

обязаны вознаграждать Тороторова землею въ другомъ мѣстѣ, въ такомъ же количествѣ изъ остающейся за продажей свободной земли; деньги на мировыя учрежденія за эту землю долженъ уплатить Тороторовъ со дня утвержденія приговора, такъ равно начать рубку лѣса; контракты, условія, заключенныя и выданныя нами, должны быть сохраняемы до окончанія срока и обратныя деньги поступать въ пользу вотчинниковъ".

Я привелъ купчую цѣликомъ и надѣюсь, что сдѣлалъ это вполнѣ основательно. Постараюсь объяснить теперь отмѣченную мною фразу: „минуя межи жителей деревни Урюша"—безсмысленная фраза, какъ безсмысленна и цѣлая купчая! Но это только такъ кажется на первый взглядъ: при знаніи мѣстныхъ условій эта безсмысленная фраза имѣетъ громадное значеніе. И вотъ почему: границъ участковъ Урюшанъ двѣ—одна душеваго надѣла, а другая по записи. Теперь, если бы урюшане дѣло свое проиграли—была бы межа надѣльная, когда же они выиграли, то фраза все-таки остается дѣйствительной, опять выходитъ, что межа Тороторова идетъ „минуя межи дер. Урюша". Только разница тутъ заключается въ 7 тыс. десятинъ! Быть можетъ скажутъ, что башкиры имѣли бы право искать судомъ эту разницу, доказывать, что они продали по границамъ записи. Но и этого они не могли сдѣлать на томъ основаніи, что на всякій случай въ купчей имѣется еще фраза тоже безсмысленная: „*а рѣчку Еманъ-Елгу вотчиники отдаютъ, начиная съ устья*", тогда какъ съ устья ея на четыре версты вверхъ простирается дача урюшанъ. Да и что такое означаетъ эта фраза?—рѣчку отдаютъ съ устья, но про землю здѣсь не сказано ничего; слѣдовательно, это просто пустая фраза и приписана она исключительно въ виду поземельнаго дѣла урюшанъ, а если бы они проиграли, то „рѣчка съ устья" получила бы иное значеніе. Теперь Тороторовъ захватилъ эту землю, то-есть онъ завладѣлъ всей землей урюшанъ по

ихъ надѣльную межу, но урюшане добились запрещенія на захваченную землю и, нѣтъ сомнѣнія, что они ее получатъ, такъ какъ дѣло въ принципѣ уже рѣшено въ ихъ пользу. Тороторовъ тутъ не теряетъ ничего, (хотя и могъ пріобрѣсти), еще и потому, что оговорилъ въ купчей *спеціально*: если возникнутъ споры по *урочищамъ*, то вотчинники обязаны ограждать его интересы. Но будетъ о купчей. Всякій прочитывая ее, конечно, остановится на этомъ документѣ.

При возбужденіи въ 1878 году Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ дѣла о преслѣдованіи неправильныхъ покупокъ и о кассаціи купчихъ крѣпостей, Губернскимъ присутствіемъ покупка Тороторова отнесена ко второму разряду въ числѣ другихъ 45 сдѣлокъ. Въ этотъ разрядъ вошли такія благопріобрѣтенія, которыя совершены при нарушеніи правилъ 10 февраля 1869 года, но безъ обнаруженія подлоговъ или насилій. Оказалось, что покупка Тороторовымъ совершена хотя и въ размежеванной дачѣ съ припущенниками, но прежде выдѣла самимъ вотчинникамъ 15 дес. пропорціи, также нѣтъ при дѣлахъ въ палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда слѣдовъ свидѣтельства о свободности вотчинныхъ земель къ продажѣ, выдаваемаго мировыми посредниками. По мнѣнію генералъ-губернатора, по этой покупкѣ должно было произвести разслѣдованіе, т.-е. слѣдствіе и преслѣдованіе объ уничтоженіи купчей, но почему-то это не оправдалось на дѣлѣ и сдѣлка осталась свободной отъ запрещеній. Говорятъ, просто позабыли.

Пименъ Фроловичъ—Казанскій мѣщанинъ, нынѣ купецъ. Появился онъ въ нашемъ краѣ съ спеціальною цѣлію купить башкирской землицы и сдѣлаться самостоятельнымъ помѣщикомъ. *Слухъ идетъ*, что у него не было ни гроша собственныхъ денегъ и, чтобы купить дачу, онъ употребилъ деньги малолѣтнихъ наслѣдниковъ купца Желтухина, надъ которыми состоитъ опекуномъ и управляетъ ихъ имѣніями.

Раньше Тороторовъ сунулся купить землю въ Балакчинскую поземельную башкирскую волость, составилъ тамъ приговоръ о продажѣ земли, затратилъ часть капитала, провладѣлъ года съ два, но башкиры забунтовали. Приговоръ уничтожили и Тороторовъ потерпѣлъ фіаско. Но воротимся непосредственно къ Пимену Фроловичу. По совершеніи купчей крѣпости, онъ выстроилъ на своей дачѣ хорошую усадьбу въ живописной мѣстности, на берегу рѣки Уфы и назвалъ ее „Казнакъ"; развелъ паркъ и въ немъ молодыхъ оленей, впрочемъ, не долго существовавшихъ. Какъ есть германскій герцогъ! Занялся лѣсной промышленностью и построилъ лѣсопильный и дегтярный заводы. Дѣло пошло быстро; эксплоатировать было чего и кого, и вотъ по Уфимкѣ и Бѣлой плывутъ Тороторовскія бѣляны и барки. Но удивительное дѣло! Вотъ уже третій годъ, какъ все у него несчастья: то бѣляна разбилась, то сѣла. Въ 1882 г. еще его бѣляна красовалась на пескѣ противъ Бирска. Она была перебрана изъ бѣляны прошлогодней, засѣвшей на Уфѣ и нагружена тесомъ для отправки купцу Максимову въ Саратовъ. По Уфѣ и Бѣлой кое-какъ плыли на ней *при шести четвертяхъ воды въ посудѣ*, которую еле успѣвали выкачивать; но далѣе уже не было справиться никакой возможности и бѣляна сѣла... только прямо на мель. Говорятъ, что бѣляна была застрахована и Тороторовъ получилъ вознагражденіе за убытки сполна.

Въ купленныхъ Тороторовымъ границахъ земли находится не 25, а 45 тысячъ, т.-е. почти вдвое больше, и покупная цѣна въ 1 р. 12 коп. за десятину слѣдовательно спустилась до 62 коп., тогда какъ имъ отдается поселенцамъ по 12 р. за десятину уже эксплоатированнаго и негоднаго лѣса; только поселенцы-то что-то плохо у него уживаются.

Я не долженъ умалчивать, что, какъ ни знаменито произведена эта покупка, но со стороны башкиръ не было еще заявлено ни одной претензіи и башкиры продолжаютъ спо-

койно платить разныя повинности за 20 тыс. десятинъ, которыми фактически владѣетъ Пименъ Фроловичъ, а на бумагѣ все еще онѣ числится за башкирами. Да впрочемъ, это послѣднее обстоятельство встрѣчается всюду, гдѣ только происходила покупка башкирскихъ земель и гдѣ еще не было произведено формальнаго межеванія.

Но молчаніе башкиръ достойно удивленія. Они почему-то молчатъ, несмотря на то, что Тороторовъ не платитъ разсроченныя ему покупныя деньги. Чудны дѣла!

Дешевле пареной рѣпы.

Однимъ изъ выдающихся скупщиковъ башкирскихъ земель, въ Бирскомъ уѣздѣ, былъ купецъ Василій Алексѣевичъ Уткинъ. Замѣчательная личность по этой части! Башкирскія земли онъ не покупалъ, а просто-на-просто бралъ даромъ.

Василій Алексѣевичъ выглядитъ совершеннымъ джентльменомъ. Средняго роста, красивый брюнетъ, одѣтъ всегда со вкусомъ. Онъ не получилъ никакого образованія, но имѣлъ довольно обширный природный умъ, хотя развитый крайне односторонне: больше по части пріобрѣтенія благъ земныхъ. Съ нимъ чрезвычайно пріятно было побесѣдовать. Онъ живо угадывалъ людей и находилъ всегда интересные предметы для бесѣды по какой угодно отрасли дѣятельности: коммерческой, земской, служебной, только не научной; это не въ его вкусѣ. Все это нисколько не мѣшало ему при случаѣ почесать язычекъ и на счетъ прекраснаго пола, если только онъ видѣлъ, что его собесѣднику не противны такіе разговоры; и въ этомъ онъ былъ тонкій судья, какъ человѣкъ „видавшій виды“. В. А. ловко умѣлъ держать себя и въ об-

ществѣ, сохраняя надлежащій тонъ и поддерживая полнѣйшую солидность, а вмѣстѣ съ этимъ и проявляя, какое-то свойственное только ему овечье смиреніе. В. А. родился, выросъ и развился въ башкирской сторонѣ; былъ съ башкирами постоянно въ сношеніяхъ по торговымъ дѣламъ, такъ что совершенно съ ними подружился; это тоже нужно имѣть въ виду при сужденіи объ его дѣятельности.

Однимъ изъ выдающихся доказательствъ его ума, смѣтливости и умѣнья ловить моментъ слѣдуетъ признать покупку имъ земли въ Уфатаныпской волости, Бирскаго уѣзда. Впрочемъ, В. А. совершилъ не одну покупку, а цѣлыхъ три, оставаясь самъ въ сторонѣ и всовывая въ оффиціальные документы своего роднаго отца Алексѣя Петровича, нынѣ уже умершаго. Знавшіе покойнаго вспоминаютъ его добрымъ словомъ. Онъ былъ сѣдой старичекъ, весьма слабый характеромъ и дѣйствовалъ по внушенію своихъ шестерыхъ сыновей, изъ которыхъ Василій Алексѣевичъ былъ „мѣсяцемъ предъ звѣздами". Передъ кончиною старика коммерческія дѣла Уткиныхъ оказались настолько запутанными, что это обстоятельство имѣло по слухамъ вліяніе и на жизнь Алексѣя Петровича, съ кончиною котораго развязывался какъ бы самъ собою Гордіевъ узелъ.

Покупка въ Уфатаныпской дачѣ совершена по крѣпости въ 1874 году 31 октября за № 105. Изъ нея видно, что башкиры Кубіязовскаго, Картъ-Кисяковскаго и Кигазинскаго сельскихъ обществъ продали Бирскому 2-й гильдіи купцу Алексѣю Петровичу Уткину землю 50.000 десятинъ, на лѣвой сторонѣ рѣки Уфы. Границы описаны въ купчей весьма несложно: „начиная съ лѣвой стороны рѣки Уфы, отъ устья рѣчки Лизскай, межею помѣщика Ермолова до Байкинской межи, идя *оною кругомъ* до устья лога Резленъ и тою же межею до Мурзаларской межи, идя *оною кругомъ* по границѣ Златоустовскаго уѣзда, проходя большую дорогу

изъ Уфы въ Златоустъ, далѣе тою же межею до Балакчинской межи, идя *оною* до вершины лога Быргатъ, внизъ *по оному* до большой дороги, *оною* чрезъ деревню Малую Абызову до рѣки Уфы и *оной* до почина". Земля куплена съ тѣмъ, чтобы „во-1-хъ, въ означенномъ участкѣ было отведено во владѣніе вотчинникамъ дер. Бартыма", на большой дорогѣ между станціями Каирово и Тастуба, „поселившимся внутри проданной земли послѣ X ревизіи на 30 душъ по 15 дес. всего 450 десят. удобной земли; во-2-хъ, въ центрѣ проданнаго участка поселены припущенники дер. Большой и Малой Абызовыхъ, Каировой и Апрѣловой, обмежеванные въ 1822 году, то земля эта остается неприкосновенной".

Но какъ бы вы думали, за какую цѣну пріобрѣлъ онъ эту землю?

— За 8.000 рублей, или по 16 коп. за десятину!

Но это еще не все. Въ описанныхъ урочищахъ находится не 50 тысячъ, а 100 тысячъ десятинъ, слѣдовательно, обошлась по 8 коп. десятина! Дешевле пареной рѣпы.

Но и это еще не все. Не удивительно, что сдѣлка совершена съ полудикими башкирами, которыхъ во всякое время, конечно, возможно обдѣлать, какъ угодно, и не только ихъ лично, но и потомство ихъ на вѣки, а вотъ что достойно удивленія: дачу эту Уткинъ заложилъ въ Саратовско-Симбирскій Земельный банкъ, гдѣ уже пришлось имѣть дѣло съ *образованными людьми* и взялъ оттуда 100 тысячъ руб.! Это составляетъ барыша противъ покупной цѣны 92 тысячи рублей, или 1.250%. Вотъ это коммерція!

Залогъ совершенъ по свидѣтельству Палаты 24 іюля 1875 года за №№ 7965—59. Да кромѣ того, по закладной 1 іюля 1877 года за № 4, Бирскому 2-й гильдіи купцу Дмитрію Тимофѣеву Севастьянову за 15.000 руб. на одинъ годъ.

Кстати нужно добавить, что Уфатанынская волость на-

ходилась въ участкѣ мироваго посредника Фока, отъ котораго главнымъ образомъ и зависѣло утвердить или уничтожить сдѣлку. О немъ еще мы поговоримъ.

Хотя Уткинъ и получилъ много денегъ, но и этого для него было мало. Ему хотѣлось заполучить еще сто тысячъ. Для этого В. А. ѣздилъ въ Петербургъ и являлся тамъ къ одной высокопоставленной особѣ по вѣдомству человѣколюбивыхъ учрежденій и предложилъ такую комбинацію. Дачу разбить на участки, составить лотерею и разыграть ее за 400 тысячъ руб., причемъ одну половину этой суммы должно было получить это учрежденіе за хлопоты, а другую половину Уткинъ разсчитывалъ раздѣлить съ однимъ изъ Казанскихъ адвокатовъ г. С., въ геніальной головѣ котораго зародилась великая эта идея. До чего только не додумаются умные люди, знающіе матушку Русь со всѣми ея своеобразностями, какъ собственную руку. Но тѣмъ не менѣе дѣльце облюбовать имъ не удалось. Въ Петербургѣ оказались люди поупрямѣе Саратовско-Симбирскихъ дѣльцовъ.

Купленная Уткинымъ дача простирается на 40 верстъ въ длину и на 25 въ ширину. Покрыта почти вся лѣсомъ хвойныхъ и лиственныхъ породъ, который во время покупки былъ почти цѣлъ, но теперь на 15 верстъ отъ сплавныхъ рѣчекъ вырубленъ и представляетъ пеньки да молодую поросль. Уткинъ пользовался ею года четыре, если не больше, и въ это время успѣлъ вырубить весь цѣнный лѣсъ въ мѣстахъ удобныхъ для сплава. Имъ выдѣлано въ одинъ только годъ однихъ сосновыхъ брусьевъ 40 тысячъ, самаго цѣннаго товара, сплавленнаго въ „мертвыхъ плотахъ“, приблизительно по средней стоимости въ Царицынѣ на сумму *300 тысячъ рублей*. Кромѣ этого, имъ сплавлены мочало, бревна, плашка и т. п. Уткинскій лѣсъ изъ Уфатаныпской дачи шелъ въ свое время безконечными плотами по Уфѣ и Бѣлой. Кромѣ названныхъ товаровъ, лѣсными издѣліями на-

гружались громадныя бѣляны, по двѣ и по три ежегодно, и сплавлялись въ Нижній и Астрахань. Однимъ словомъ все, что было возможно извлечь изъ этой дачи самымъ грубымъ эксплоататорскимъ образомъ, то все Уткинымъ взято.

Крестьяне и башкиры, работавшіе у Уткина, разсказываютъ, что расплата съ ними за работы производилась самымъ удивительнымъ (хотя и обыкновеннымъ) способомъ. Деньгами, изъ за которыхъ они трудились, выдавалось весьма мало, а уплата производилась гнилыми ситцами, съѣстными припасами, чаемъ, сахаромъ и т. п.; все это шло по самымъ высокимъ цѣнамъ и навязывалось даже тогда, когда не хотѣли брать. Одному, напримѣръ бѣдному крестьянину д. Пѣтуховой было выдано въ уплату *полпуда кирпичнаго чая*. Бился онъ два дня на пристани, чтобы взяли этотъ чай хоть за полцѣны обратно, но тщетно. Заплакалъ бѣдняга, да и уѣхалъ съ чаемъ домой. Если же платили деньгами, то вычетамъ, штрафамъ не было и конца. Обругаютъ коммерсанта рабочіе въ глаза да и уйдутъ по домамъ, а съ него, какъ съ гуся вода: только то и нужно было.

Хотя теперь въ дачѣ и есть еще цѣльные лѣса, но они такъ далеки отъ рѣчекъ, что не стоятъ вывозки. По крайней мѣрѣ, теперь вывозка бревна изъ лѣса до пристани будетъ равняться его цѣнности въ Саратовѣ, а на мѣстѣ его никто не возьметъ, такъ какъ кругомъ еще много лѣсовъ болѣе выгодныхъ для промышленниковъ.

Въ дачѣ этой поселены Уткинымъ два починка—Куярышъ и Мага, имѣющіе земли по 1.000 десятинъ и поселившіеся безъ всякихъ бумажныхъ документовъ, а только по однимъ платежнымъ книгамъ. Въ Магѣ 23 двора, а въ Куярышѣ 26; жители ихъ переселились изъ Вятской губерніи; живутъ въ совершенной глуши, въ лѣсныхъ дебряхъ, такъ что и волостное начальство едвали бывало у нихъ. Что теперь будетъ съ этими поселенцами—дѣло будущаго, но они, со

времени самаго заселенія съ 1875 года, живутъ себѣ преспокойно, расчищаютъ поля и не платятъ за землю ни копѣйки, такъ какъ не знаютъ, кому платить. Но, говорятъ, все-таки, что они всю выкупную сумму собрали и внесли въ государственный банкъ на храненіе, для выдачи тому владѣльцу, чья будетъ дача. Сколько Уткинъ съ нихъ не требовалъ денегъ и не угрожалъ имъ разными страстями, но они не устрашились и категорически заявили ему: „выдай настоящую купчую, деньги готовы", а этого то сдѣлать было и нельзя, по той причинѣ, что башкиры говорятъ: „земля наша"; земельный банкъ—тоже. И ни одинъ изъ трехъ названныхъ владѣльцевъ теперь не требуетъ съ поселенцевъ денегъ, такъ какъ всѣ не увѣрены въ своемъ правѣ.

Теперь я объясню почему башкиры и банкъ считаютъ себя владѣльцами дачи.

Вскорѣ послѣ покупки этой земли Уткинымъ, какъ и слѣдовало ожидать, башкиры подали по начальству жалобы на неправильность совершенной покупки и указывали на различные подлоги, которые практиковались при совершеніи сдѣлки. Въ 1878 году послѣдовало запрещеніе на всѣ вообще покупки башкирскихъ земель. Пошло дѣло, слѣдствіе, судъ, и т. д., а покамѣстъ вся эта канитель тянулась, башкиры преспокойно завладѣли опять лучшими мѣстами дачи, способными къ заселенію, напримѣръ по рѣчкѣ, противъ д. Усть-Байки. Да, впрочемъ, они и прежде не оставляли пользованія дачею и даже по совершеніи ввода во владѣніе Уткина продолжали отстаивать свои права фактически. Многаго уничтожить изъ дачи они не могли, и Уткинъ не обращалъ на нихъ вниманія: только бы не безпокоили его на первое время, „а тамъ, лѣтъ черезъ десять покойнаго владѣнія, мы свое возмемъ". Да, кромѣ того, и неудобно было заводить какого то бы ни было рода дѣла и ссоры: дачу нужно было заложить.

Башкиры послѣ запрещеній, слѣдствій и т. п. дѣйствій правительства, доказывающихъ недѣйствительность продажи, уже совершенно не признавали владѣльцемъ Уткина, но дали ему возможность пользоваться до рѣшенія дѣла, такъ какъ до тѣхъ поръ еще Уткинъ былъ силенъ въ своемъ правѣ и чрезъ мѣстную уѣздную администрацію могъ согнуть башкиръ въ бараній рогъ. Къ этому обстоятельству присоединяется и другое. Главныя башкирскія селенія, болѣе многолюдныя, находятся отъ дачи въ 25 верстахъ; ѣхать башкиру въ такую даль совершенно не къ чему—у него еще подъ бокомъ много лѣса; что же касается до жителей деревни Бартыма, что въ центрѣ дачи, то эта деревушка такъ немноголюдна, что не стоило и хлопотать о ней и послѣдніе *по прежнему* продолжаютъ ходить съ топоромъ, ружьемъ и косой по дачѣ, считая ее своею собственностью. Такимъ образомъ, башкиры, хотя и не всей дачей, но лучшими урочищами владѣютъ и считаютъ себя владѣльцами до сихъ поръ.

Теперь о банкѣ. Послѣ того, какъ дача была заложена и деньги выданы, Уткинъ въ теченіе двухъ лѣтъ платилъ проценты, потомъ пересталъ. Банкъ съ него тоже не требовалъ, такъ какъ въ это время было наложено запрещеніе и всѣ платежи по банкамъ на заложенныя въ нихъ имѣнія изъ башкирскихъ дачъ пріостановились. Такъ всѣ и молчали до 1881 г., время снятія запрещеній. Когда же банкъ потребовалъ платежа съ Уткина, то самъ владѣлецъ—старикъ—уже умеръ, а наслѣдники его, въ томъ числѣ и Василій Алексѣевичъ, *отказались отъ дачи*, что, конечно, и слѣдовало ожидать. Такимъ образомъ, банкъ и остался наслѣдникомъ Уткина, владѣльцемъ безъ *крѣпостей*. Уткины теперь въ сторонѣ, *а банкъ въ боронѣ*. Выслалъ банкъ своего довѣреннаго въ дачу; уплатилъ исправно всѣ подати и недоимки въ земство, *такъ какъ Уткинъ со времени пріі-*

обрѣтенія дачи ничего не платилъ; а для очищенія по покупкѣ, по жалобамъ башкиръ, выслалъ въ Уфу своего адвоката Блюммера, расходуя ежегодно болѣе 10 тысячъ рублей и не получая ни копѣйки дохода. Живетъ Блюммеръ въ Уфѣ два года, хороводится съ членами Палаты, а дѣло что-то туго подвигается... Ѣздилъ онъ, впрочемъ, и въ Петербургъ лѣтомъ 1882 года, тоже вѣроятно хлопотать, но результатовъ еще не слышно.

Мимоходомъ замѣчу и о Блюммерѣ: замѣчательный адвокатъ! Защищалъ онъ наприм. *скопцовъ*, взялъ съ нихъ приличный кушъ, и скопцы, послѣ его защиты, отправились въ обѣтованныя для нихъ мѣста Сибири и Кавказа. Теперь Блюммеръ составляетъ въ Уфѣ, какъ бы центръ юридическихъ знаній, вокругъ котораго концентрируются всѣ скупщики башкирскихъ земель, у которыхъ покупки были „нечисты"; тутъ и Бунаковъ, и Уткинъ, и Фокъ, и т. п. Адвокатъ беретъ, конечно, солидные куши денегъ, живетъ весьма роскошно по-уфимски, играетъ въ карты; за зеленымъ его столомъ можно часто встрѣтить одного члена соединенной палаты, Лаппо, живущаго не по своимъ средствамъ. Впрочемъ, это объясняется частыми выигрышами— фортуна стала къ нему передомъ.

Уфимскіе хищники.

Съ теченіемъ времени, по описанной въ предыдущемъ очеркѣ покупкѣ, фактъ за фактомъ, одинъ другаго безобразнѣе, возмутительнѣе выплываютъ на свѣтъ и невольно просятся подъ перо.

Какъ уже извѣстно, г. Уткинъ пріобрѣлъ у башкиръ 100.000 десят. сразу. Вѣдь это 100 квадратныхъ верстъ! пространство, равняющееся почти цѣлому западно европей-

скому государству, въ родѣ Бельгіи. И такая площадь пріобрѣтена за восемь тысячь руб. или по 8 коп. за десятину! Какъ не остановиться на такомъ фактѣ и не поговорить о немъ болѣе подробно.

Начало дѣла относится къ 1870 году, когда въ октябрѣ мѣсяцѣ Бирскій купецъ Алексѣй Петровичъ Уткинъ, чрезъ своего сына Василія Алексѣевича, получившаго славу знаменитаго скупщика башкирскихъ земель (чрезъ его руки перешло до 300 тыс. дес.), началъ торговать землю у башкиръ Уфатаныпской волости, того же уѣзда.

Эта поземельная волость входитъ въ составъ Кубіязовской административной волости и расположена на сѣверо-востокѣ уѣзда по обѣ стороны рѣки Уфы. На правой сторонѣ этой рѣки поселены всѣ деревни настоящей дачи, а на лѣвой только одна деревня Бертымъ. Все пространство дачи заключаетъ въ себѣ до 152.378 десят., изъ которыхъ 52 тыс. поступаютъ въ надѣлъ припущенникамъ и вотчинникамъ, а остальныя составляютъ свободную землю. Первая группа находится на правомъ берегу, а вторая на лѣвомъ и покрыта почти сплошнымъ роскошнымъ лѣсомъ. Это благодатное мѣстечко съ-издавна манило къ себѣ разныхъ проходимцевъ и аферистовъ, но ни одинъ изъ нихъ не могъ такъ ловко обработать дѣлишки, какъ Василій Алексѣевичъ, къ ихъ лику еще не причисленный. Повозившись немного съ башкирами, онъ заполучилъ два приговора.

Изъ перваго видно, что вотчинники отдаютъ по описаннымъ урочищамъ (все „кругомъ“, „кругомъ!“), примѣрно 50 тыс. десятинъ (впослѣдствіи въ этихъ кругахъ оказалось сто тыс.) въ аренду Уткину на 12 лѣтъ съ платою по 1000 руб. т.-е. по копѣйки за десятину въ годъ, изъ которыхъ 750 руб. поступаютъ въ уплату земельныхъ сборовъ, а остальные 250 руб. распредѣляются между вотчинниками. Съ тѣмъ, что если земля, принадлежащая вот-

чинникамъ, будетъ окончательно размежована ранѣе 12 лѣтъ и вотчинники получатъ право продажи, то они обязаны продать эту землю Уткину.

Во второмъ приговорѣ объяснены условія запродажи земли и сказано, что земля эта запродается за 6 тысячъ рублей, которые должны быть уплочены при заключеніи купчей крѣпости съ тѣмъ, что если при измѣреніи окажется земли менѣе 50 тыс., то цѣна остается таже, а если больше, то покупатель обязанъ доплатить за излишнее количество. Расходы по совершенію купчей и обмежеванію отнесены на счетъ Уткина, а неисполненіе условій обезпечивается 25 тыс. руб. неустойки.

Приговоры эти были повѣрены мировымъ посредникомъ Фокъ и оказались совершенно правильными.

Покончивши съ законной обстановкой дѣла, познакомимся теперь съ беззаконіемъ, котораго было такъ много при „оборудованіи" сдѣлки. Въ послѣдней принимали участіе, кромѣ названныхъ лицъ, еще волостной старшина Давлетбаевъ и писарь Крупинскій.

Какъ только разнесся слухъ о зарождавшемся еще дѣльцѣ, то явились прежде всего охотники легкой наживы, въ лицѣ мѣстныхъ мелкихъ коммерсантовъ. Такъ на первый сходъ пріѣхалъ купецъ Кузнецовъ и оффиціально предложилъ вотчинникамъ не 6 тыс., что давалъ Уткинъ, а 16 тыс. и внесъ въ волостное правленіе 120 руб. задатку. Но Уткинъ живо смекнулъ въ чемъ дѣло: онъ далъ Кузнецову отступнаго 2000 руб. и тотъ свое предложеніе взялъ обратно, а волостной писарь объявилъ сходу, что Уткинъ прибавляетъ 1000 рублей и этимъ вотчинники были *обмануты*, думая, что продаютъ за 17 тысячъ. При второмъ же сходѣ такое же предложеніе сдѣлалъ купецъ Модестъ Петровъ. Онъ давалъ башкирамъ 25 тыс., о чемъ письменно и заявлялъ по-

среднику, но Уткинъ и этому сунулъ отступнаго 500 руб. и тѣмъ заставилъ смолкнуть.

Затѣмъ оказалось, что въ запродаваемый участокъ вошли душевые надѣлы деревень Багазовъ и Бертыма; дача не была окончательно размежевана, т.-е. припущенники не получили надѣла. По словамъ самихъ же башкиръ, стоимость запродаваемаго участка далеко превышала предложенную сумму, такъ какъ изъ него вотчинники ежегодно сдаютъ до 5 тыс. десят. подъ пашню и сѣнокосъ, допускаютъ до 3 тыс. бортей пчелъ и производятъ значительную выработку лѣсныхъ издѣлій, постройку барокъ и т. п., чѣмъ и уплачиваютъ всѣ повинности.

На запродажу и отдачу въ аренду были несогласны цѣлыхъ три деревни: Багазы, Бертымъ и Разбахты и жители ихъ были вызваны на сходъ силою, подъ угрозою штрафа съ неявившихся; не соглашались же они потому, что цѣна была назначена слишкомъ низкая, что имъ предлагалъ за ту же землю 50 тыс. ихъ же однообщественникъ Салихъ Тунибаевъ, но что они дожидаются покупателя за 250 тысячъ.

Сдѣлка была заключена и подписана башкирами такихъ деревень, которыя находились въ дальнемъ разстояніи отъ участка, верстъ за 25—40.

Въ приговорѣ упоминалось, что земля продается по желанію всѣхъ башкиръ и что условія написаны въ приговорѣ съ ихъ словъ, тогда какъ башкиры согласны не были, а самый приговоръ написанъ старшиною, писаремъ и покупателемъ безъ волостнаго схода и цѣна назначена безъ торга съ вотчинниками.

Чтобы набрать должное количество голосовъ, приговоръ допускали подписывать неимѣющихъ на то права: состоящихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ, малолѣтнихъ, муллъ, по нѣскольку лицъ изъ одного дома, или бездомныхъ, нѣкоторые под-

писывались по два раза. При заявленіи же послѣдними, что они уже подписывали, имъ *приказывали* подписывать еще.

Само собою разумѣется, что все это было возможно дѣлать только очертя голову и Уткинъ дѣйствительно очертилъ всѣмъ головы... Онъ выпоилъ башкирамъ нѣсколько бочекъ вина, такъ что они подписывали пьяные, сами не зная что; дарилъ, или вѣрнѣе, подкупалъ „горлохватовъ"—міроѣдовъ деньгами, чаемъ, сахаромъ, виномъ и т. п.

Все это дѣлалось открыто, на глазахъ посредника Фока, и когда несогласные башкиры жаловались ему, то Фокъ отвѣчалъ, что „не обязывается входить въ разсмотрѣніе выгодности или невыгодности сдѣлки по закону".

Повѣрочный сходъ, бывшій черезъ два мѣсяца, имѣлъ тѣже аксессуары. Фокъ даже не потрудился на немъ опредѣлить правильно число домохозяевъ, которое по разнымъ свѣдѣніямъ колебалось между 510 и 459 человѣками. Приэтомъ онъ обнаружилъ не только свои симпатіи къ покупателю, покупкѣ, но и свою власть. При повѣркѣ подписей г. Фокъ на башкиръ кричалъ, топалъ ногами, грозилъ засадить подъ арестъ, въ тюрьму; а старшина Давлетбаевъ до того разошелся въ этомъ направленіи, что грозилъ прямо сослать несогласныхъ на Амуръ!

При повѣркѣ поднялся страшный шумъ, ругань; дѣло дошло бы до свалки, если бы не вступилась полиція. Пьяные башкиры до того расходились, что непремѣнно желали поколотить несогласныхъ и только до изступленія кричали: „согласъ, согласъ!" А противоположный лагерь, несогласныхъ, только заявилъ Фоку:

— „Если *ты продашь* землю, то плати за насъ и подати". И уходили со схода частію, а нѣкоторымъ Фокъ приказывалъ отходить въ сторону, а волостному старшинѣ уводить такихъ со двора и тамъ поступать съ ними по *своему благоусмотрѣнію*. И старшина такъ и поступалъ...

Можно было бы и еще прибавить кое что къ этимъ безобразіямъ, но думаю, что этого достаточно.

Само собою разумѣется, что послѣ такихъ продѣлокъ Уткина съ К° полетѣли жалобы въ разныя стороны. Не осталось ни одного начальства, которому не было бы подано ихъ по нѣскольку экземпляровъ.

Вскорѣ неопредѣленность и неточность границъ, показанныхъ въ приговорахъ, обнаружили свое значеніе и были причиною возникновенія громадныхъ недоразумѣній изъ-за владѣній и даже возбудилось уголовное дѣло, изъ-за котораго нѣсколько человѣкъ башкиръ попало въ тюрьму.

Все это до крайности возмутило даже такихъ спокойныхъ людей, какіе заправляли въ то время дѣлами. Начались дознанія, слѣдствія и т. п. Присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ въ 1871 году приговоры эти уничтожило и сообщило Уфимской палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда, чтобы она не совершала никакихъ сдѣлокъ по этой запродажѣ.

Уткинъ, конечно, остался недоволенъ такимъ оборотомъ дѣла и перенесъ его въ сенатъ, но послѣдній въ 1873 году призналъ уничтоженіе приговоровъ правильнымъ, а Фока предалъ суду, хотя по другой, Балакчинской покупкѣ.

Такимъ образомъ дѣло это прогорѣло. Но ему суждено было возродиться и изъ пепла!...

— Вѣдь это было назадъ тому цѣлыхъ 10 лѣтъ и, вѣроятно, читатель спроситъ, какое же имѣетъ значеніе оно теперь, когда все кануло въ вѣчность?

— Въ томъ-то и дѣло, что наоборотъ, отвѣчу я. Только теперь оно поднялось на *свѣтъ* во всемъ своемъ безобразномъ величіи.

На основаніи уничтоженнаго сенатомъ приговора, несмотря на предубѣжденіе крестьянскаго присутствія, Уфим. пал. угол. и гражд. суда 1874 года 31 октября № 103 ла Уткину на заторгованную землю *купчую крѣпость*!.

Комментировать не хватаетъ силъ, да оно и излишне!

А потомъ... а потомъ совершили вводъ во владѣніе и т. д. и т. п.

Уткинъ встрепенулся; онъ живо приступилъ къ эксплоатаціи дачи; валилъ направо и налѣво, и все, елико было возможно, изъ дачи выработалъ, подаривъ при этомъ совмѣстно съ Морозовымъ нѣсколько сотъ бревенъ на Уфимскій театръ; заложилъ дачу въ Саратовско-Симбирскій банкъ за 100 тысячъ рублей и самъ отказался отъ нея!

Теперь снова возбудилось дѣло объ уничтоженіи купчей крѣпости и все еще тянется и тянется... Пошло въ сенатъ, прошедши въ утвердительномъ смыслѣ въ палатѣ и неизвѣстно, чѣмъ кончится.

Опускаю завѣсу... Гадко!

Не даромъ же сложилась за границею поговорка, что въ Уфимской губерніи клали въ карманы цѣлыми провинціями. Да, клали, къ величайшему нашему стыду, подтверждаю и я, и клали самымъ грязнымъ, наглымъ образомъ.

Остроумный смѣльчакъ.

Всѣхъ „пріобрѣтателей“ башкирскихъ земель,—имъ же нѣсть числа—и до сихъ поръ можно раздѣлить на два рода по ихъ общественному положенію. Одинъ *низменный*, состоящій большею частію изъ ловкихъ, плутоватыхъ, мелкихъ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ; другой *высшій*,—цвѣтъ общества, состоящій изъ именитыхъ (по уфимски) столбовыхъ дворянъ и чиновниковъ—администраторовъ, а также изъ крупныхъ коммерсантовъ. Первые—низменные имѣютъ дѣло непосредственно съ башкирами и сельскими властями, вторые же обработываютъ механику въ „губерніи“. Вслѣдствіе

такого раздѣленія труда и самая покупка башкирскихъ земель рѣзко распадается на двѣ части: черновая—въ деревнѣ, чрезъ факторовъ низшаго сорта, знающихъ деревенскіе порядки и подходы, и другая часть въ „мѣстахъ и у лицъ", гдѣ дѣйствуютъ факторы высшаго разбора, хорошо знакомые съ порядками и законами.

Низшая братія, большею частію, скросна на одинъ ладъ, высшая же имѣетъ весьма разнообразныя физіономіи...

Къ числу высшей братіи, или бѣловыхъ мастеровъ дѣла покупки башкирскихъ земель, нужно причислить и Волкова Дмитрія Семеновича.

Волковъ высокій и представительный мужчина лѣтъ сорока; отъ него такъ и пышетъ дородствомъ; мощь его не только сказывается въ каждомъ мускулѣ и движеніи, но и въ каждомъ словѣ. Онъ обладаетъ замѣчательно твердымъ характеромъ; можно надѣяться, что всякое дѣло, разъ имъ взятое, уже не уйдетъ изъ его рукъ и будетъ закончено, *во что бы то ни стало*, тѣмъ болѣе, что девизомъ своимъ г. Волковъ избралъ знаменитое изрѣченіе: *цѣль оправдываетъ средства*. Говоритъ логично, дѣловито и убѣдительно.

По этой части онъ вѣроятно изощрился еще на скамейкѣ московской духовной академіи, гдѣ кончилъ полный курсъ. Какъ видно изъ этого, прошлое готовило Д. С. къ скромной дѣятельности духовнаго пастыря, предвѣщало ему скуфью и посохъ, но судьба повернула иначе. По окончаніи курса академіи, Д. С. послужилъ съ годъ учителемъ въ какой то семинаріи, но воспитаніе юношества показалось ему не по натурѣ. Онъ бросаетъ свою педагогическую каѳедру и является мелкимъ чиновникомъ въ канцеляріи уфимскаго губернатора, безъ всякихъ средствъ, имѣя, кромѣ вицъ-мундира, только бархатный пиджачекъ, въ которомъ помнятъ его уфимцы въ семидесятыхъ годахъ. Вскорѣ онъ

обратилъ на себя вниманіе начальства и, проходя рядъ должностей, достигъ наконецъ степеней извѣстныхъ.

Какъ ловкій, смышленый и практическій человѣкъ, Волковъ не могъ не видѣть тѣхъ обстоятельствъ, той мутной воды, въ которой началась ловля башкирскихъ земель. *А вода сдѣлалась мутной послѣ того, какъ политики—рыболовы внушили и пустили въ обращеніе геніальную идею, что земли для башкиръ составляютъ бремя, отъ котораго нужно ихъ избавить, чѣмъ и облагодѣтельствовать дикарей, и что громадное скопленіе поземельной собственности у нихъ только тормозитъ экономическое развитіе и производительность края.* Бывши въ то время у „источника", зная всѣ пружины покупокъ, Волковъ съ честью и достоинствомъ боролся противъ этого зла и далъ объ этомъ, какъ говорятъ, сильно почувствовать скупщикамъ. Но... на нѣкоторое время точки, означающія мракъ неизвѣстности... только послѣ этихъ точекъ Волковъ изъ яраго противника, дѣлается ярымъ скупщикомъ башкирскихъ земель и совершаетъ рядъ пріобрѣтеній, а именно:

а) По купчей крѣпости 1873 года 4 декабря за № 129 отъ башкиръ деревень Кубовой и Тауфтыменевой 2.500 десят. по 2 руб. за десятину.

б) По купчей того же года, мѣсяца и числа за № 130 отъ тѣхъ же башкиръ въ дачѣ Чершили 3357½ дес. по 1 руб.

в) По купчей того же года за № 149 отъ башкиръ Урманъ-Кудейской волости 2.500 дес. по 1 руб. 80 коп. По приговору 10 декабря 1873 года, было пріобрѣтено 14.000 дес. за 25.200 руб., совмѣстно съ Морозовымъ изъ этихъ денегъ договорено уплатить единовременно 8.400 руб., а остальные разсрочены на 10 лѣтъ. Но изъ этого количества досталось на долю предварительныхъ покупщиковъ только 5.000 дес., на остальные же 9.000 дес. баш-

киры отъ себя совершили купчія крѣпости съ согласія Волкова разному служилому люду, необходимому для замазки имъ ртовъ. Такъ что здѣсь г. Волковъ явился въ двухъ образинахъ (видахъ): скупщика и фактора.

г) По купчей 1874 г. 30 сентября за № 79, отъ тѣхъ же башкиръ 7.500 дес. по 1 р. 20 к.

д) По купчей 1876 г. 20 января, отъ башкиръ Бишъ-Аулъ-Табынской волости 1.346 дес. по 3 руб.

А всего 17.200 десятинъ, на сумму почти 25.000 р. Откуда такая оказія свалилась Волкову, послѣ бархатнаго пиджачка, судить не намъ. Кромѣ этого, онъ пріобрѣлъ еще въ городѣ Уфѣ домъ. Ходятъ по этому поводу слухи разные... Но кто знаетъ откуда у него взялись капиталы!?

Теперь прослѣдимъ дальнѣйшую судьбу этихъ покупокъ.

Подъ литерою „а)“ въ 1882 году 11 января № 6 продана уже Заварицкому за неуплату долга не по 2 р., а по 12 руб. за десятину, т. е. не за 5.000, а за 30.000 р.

Подъ литерою „б)“: изъ нея продано крестьянамъ починка Куликовскаго по купчей 1881 г. 600 десят. по $14^1/_2$ рублей, а не по 1 р. и запродано починку Черному Ключу въ 1877 г. 343 дес. по 20 р., починку Волковскому въ 1875 г. 741 дес. по $14^1/_2$ р., Барышевскому въ 1877 г. 188 дес. и Троицкому въ 1876 г. 185 дес. по той же цѣнѣ. Или всего не за 2.057 р. а за 31.713 р. Всѣ эти крестьяне переселенцы—изъ Вятской губерніи и имѣютъ на землю только одни частныя домашнія условія. Остальное количество изъ этой покупки осталось *у самого*.

Подъ литерою „в)“: изъ этой покупки, составляющей въ совокупности съ Морозовымъ участокъ по крѣпости въ 3.000 дес., а по межеванію оказалось два участка—1-й въ $3.726^1/_2$ дес., проданный четыремъ лицамъ по 7 р. дес. въ въ 1874 году; 2-й въ 2.000 дес. проданъ Чижову по куп-

чей 1881 года за № 590, за 18.000 р., а всего продано не за 4.500 р. а за 44.085 р.

Подъ литерою „г)“ земля заложена въ Саратовско-Симбирскій банкъ по 1 р. 30 к. десятина и продана Чижову въ 1882 г. 27 января, № 40, не за 9.000 р. а за 46.875 руб. Да кромѣ того, здѣсь не безъинтересно разсказать небольшую исторійку.

Покупка эта совершена по приговору 12 декабря 1873 года, на имя Морозова и Волкова на 15.000 дес. съ оговоркою, что если земли будетъ больше, то покупщики доплачиваютъ по той же цѣнѣ, а если меньше, то прирѣзать отъ башкиръ. Неустойки назначено 10.000 р. Въ пунктѣ 7 сказано, что цѣну за продаваемую землю назначаютъ 1 р. 20 к., что составитъ 18.000 р., изъ которыхъ Волковъ и Морозовъ должны уплатить при совершеніи купчей 6.000 р., а остальные 12.000 разсрочены на 10 лѣтъ.

Въ пунктѣ 10 сказано: „покупателямъ предоставляется право покупаемую землю, какъ *до совершенія купчей крѣпости* переуступать въ другіе руки, такъ и по совершеніи купчей цѣликомъ, или по частямъ, продавать, закладывать и отдавать въ арендное содержаніе, не испрашивая на то, нашего, башкиръ, согласія, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы новый покупатель, принялъ на себя обязательство уплаты долга денегъ пропорціонально десятинамъ по назначеннымъ цѣнамъ и въ тѣже сроки.

При залогѣ земли въ банкъ, послѣдній согласился принять не иначе, какъ уплативъ башкирамъ недополученные при совершеніи купчей деньги. Такъ и сдѣлали. Но покупщики своего не упустили. Саратовскій банкъ передалъ деньги башкирамъ, которые внесли ихъ въ Волжско-Камскій коммерческій банкъ, но проценты съ нихъ въ теченіи 10 лѣтъ *присуждено* получать Волкову и Морозову, а башкирамъ предоставлено получать только то количество

ежегодно, которое слѣдуетъ по приговору, т. е, по 1.200 рублей.

Подъ литерою „д)“ запродана крестьянамъ дер. Дмитріевки по 15 р. за десятину, т. е.. за 20.180 р.

Такимъ образомъ въ фактическомъ владѣніи г. Волкова состояло около 18.000 дес., если не считать того, что окажется по межеванію, послѣ котораго навѣрное тысячъ съ пятокъ набросится, а перепродано за 152.673 р. да еще осталось *самому* 2.500 дес. стоимостью по 25 руб., а всего, слѣдовательно, цѣнность благопріобрѣтеннаго составила 214.673 руб.!!—Я не считаю еще сколько выручено денегъ за эксплоатацію лѣса; такъ что вся та сумма плохо-плохо достигнетъ до 300.000 р. Послѣ бархатнаго пиджачка сумма изрядная и афера вышла выгодная!

Кажется, что уже довольно бы, но нѣтъ... мало... нужно еще... пока не ушло время... по пословицѣ: куй желѣзо, пока горячо... но тутъ уже вышло нѣчто необыкновенное: *время ушло и желѣзо остыло.*

Далѣе начинается уже скорбный листъ...

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ настоящаго года въ газетахъ появляется телеграмма такого содержанія: „извѣстное дѣло о башкирской землѣ, большая часть которой *перешла* къ ходатаю, всѣхъ интересуетъ. Не сомнѣваются, что *отошедшая* земля будетъ возвращена“.

По поводу этой телеграммы въ „Ежедневной Бесѣдѣ“ „Петербургской Газеты“ (№ 243, 15 октября) *отмѣчено*, что, проходя „сквозь столѣтія“, самыя естественныя событія принимаютъ иногда фантастическій и легендарный характеръ. Никто изъ насъ—людей высокообразованныхъ—не усумнится, что золотое руно Аргонавтовъ не имѣло ничего общаго съ овечьей шкурой и пр. и пр. „Интересно было бы знать, какъ поймутъ наши потомки чрезъ нѣсколько

столѣтій заурядн ѣйшее для насъ, современниковъ, явленіе— сказанную выше телеграмму?

Явится, пожалуй, сказаніе о движущихся земляхъ во время оно въ уфимскомъ краѣ, который, конечно, надолго еще сохранитъ свой нынѣшній фантастическій характеръ. И какъ не явиться такому сказанію, когда на нашихъ глазахъ въ этомъ чудесномъ краѣ изчезали совсѣмъ (даже съ топографической карты), чуть ли не цѣлые уѣзды земли, а затѣмъ, послѣ усиленныхъ исканій, снова возвращались на свѣтъ Божій".

Фантазія!—скажетъ читатель, и я это подтверждаю, но эта *фантазія* газетнаго сотрудника полна смысла и фактовъ въ дѣйствительности. Какъ-то, право, странно даже предположить, что все это истинная правда!

Какъ бы то ни было, однако телеграмма и газетныя фантазіи возбудили вниманіе петербуржцевъ: министры юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и сенаторъ Ковалевскій живо заинтересовались этимъ извѣстіемъ и съ той еще стороны, что, не смотря на новый изданный законъ (15 іюня 1882 года) о пріобрѣтеніи башкирскихъ земель, по которому они могутъ быть отчуждаемы только непосредственно крестьянскимъ обществамъ и казнѣ, явился человѣкъ-смѣльчакъ, вздумавшій *обойти* этотъ законъ, тѣмъ болѣе, что обходъ совершенъ 30 августа, или черезъ $2^1/_2$ мѣсяца по изданіи закона.

Смѣльчакомъ оказался Д. С. Волковъ, извѣстный своимъ остроуміемъ.

Вотъ что онъ придумалъ.

Въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ, по правую сторону рѣки Бѣлой, верстахъ въ 15 отъ города, есть бѣдная деревушка Ишеева, населенная башкирами вотчинниками, имѣющими общее владѣніе съ башкирами въ дачѣ Юрматинской волости Акчулпановой тюбы, состоящей изъ двухъ деревень Ку-

чербаевой и Юмагузиной. Когда еще существовали кочевки, то ишеевцы ѣздили по лѣтамъ кочевать въ Акчулпанову тюбу, на рѣчку Куганакъ, но потомъ, когда кочевки стали не возможны или же вслѣдствіе отдаленности, имѣя притомъ подъ бокомъ достаточно земли, Ишеевцы не принимали участія въ фактическомъ пользованіи угодьями, единственно степными, оставаясь лишь владѣльцами юридическими, — бумажными. Въ общемъ владѣніи этихъ трехъ деревень было прежде 35 т. десятинъ, но много земли было распродано прежде землевладѣльцамъ, много числилось за ними только на бумагѣ, а въ дѣйствительности осталось только $3\frac{1}{2}$ т. десятинъ.

Въ продажахъ земель участвовали кучербаевцы и юмагузинцы, ишеевцевъ же они не допускали, что и послужило для послѣднихъ мотивомъ къ начатію дѣла о возстановленіи своихъ вотчинныхъ правъ. Какъ совершено темный народъ, ишеевцы, само собой разумѣется, не могли сами хлопотать и поручили это дѣло стерлитамакскому купцу, Петрову-Улькину тожъ. И обѣщали ему дать $\frac{1}{4}$ выигранной по ихъ дѣлу земли изъ Акчулпановой тюбы.

Петровъ передалъ ходатайство Волкову. Въ 1878 году, 3 ноября, г. Волковъ заключилъ съ башкирами *контрактъ*, по которому ишеевцы въ вознагражденіе его „за труды, хлопоты и издержки по разъѣздамъ, собиранію свѣдѣній и документовъ, составленію и подачѣ жалобъ, просьбъ и всякаго рода бумагъ, уплатѣ гербовыхъ и судебныхъ пошлинъ и т. п.“ (Господи! дѣла-то сколько!) обязались, по рѣшеніи означеннаго тяжебнаго дѣла въ ихъ пользу не далѣе 3-хъ мѣсячнаго срока, уплатить Волкову *стоимость трехъ четвертей земли*, имѣвшей отойти въ ихъ распоряженіе, по цѣнѣ на сосѣднія земли, за вычетомъ изъ этой стоимости 2 руб. на каждую десятину (?). Въ настоящее время, означенное тяжебное дѣло о землѣ, „благодаря хлопотамъ

и усиліямъ Волкова" и на основаніи собранныхъ и представленныхъ *имъ* доказательствъ и документовъ, рѣшено въ пользу ишеевцевъ. И по рѣшенію Уфим. палаты, утвержденному сенатомъ безъ измѣненія, вся остающаяся въ дачѣ Акчулпановой тюбы, за надѣломъ припущенниковъ и за исключеніемъ земли, слѣдующей въ надѣлъ вотчинниковъ и проданной разнымъ лицамъ, свободная земля, въ количествѣ 6.900 дес. 1.121 саж., поступила въ собственность ишеевцевъ, которою они и введены во владѣніе.

Какъ бы то ни было, но дѣло выиграно и Волкову нужно получить условленное вознагражденіе. Для этого онъ не замедлилъ предъявить къ ишеевскимъ башкирамъ требованіе объ уплатѣ. Есть у насъ въ гражданскомъ уставѣ статья— о рѣшеніи дѣлъ *по совѣсти*. По совѣсти могутъ, въ силу этой статьи, рѣшать дѣла только мировые судьи—почетные и не почетные. Оказалось, что полудикимъ башкирамъ статья эта была небезъизвѣстна, такъ они просвѣтились, кружась съ Волковымъ. Избрали они троихъ уполномоченныхъ, которымъ предоставили право: выбрать судью, оцѣнить землю и, согласно оцѣнкѣ, отмежевать столько для продажи, сколько нужно для утоленія волчьяго аппетита. Повѣренные такъ и сдѣлали. Судьи въ Стерлитамакѣ не оказалось, а нашелся судья г. Раль, за 150 верстъ отъ Стерлитамака въ уфимскомъ округѣ. Г. судья долго не медлилъ. Въ тотъ же день, когда ему подано было прошеніе, то есть 30 августа 1882 года, онъ разобралъ это дѣло, и, опредѣливши цѣнность земли въ 17 р. десятину, на основаніи предъявленнаго Волковымъ удостовѣренія Рязановскаго вол. прав. о цѣнности земли въ дачѣ Акчулпановой тюбы отъ 20—15 р. за десятину, за вычетомъ 2 р., т. е. по 15 р. за десятину съ 5.175 $^1/_4$ десят., составляющихъ $^3/_4$ присужденной ишеевцамъ земли,—присудилъ взыскать съ нихъ 67.279 р.!!!

Что Волкову и было нужно! Заполучаетъ онъ исполни-

тельный листъ и предъявляетъ его приставу. Въ № 42 Уфимск. губ. вѣд. уже объявляется суд. пристав. Сомовымъ состоящимъ при палатѣ уг. и гр. суда, что на основаніи 1021, 1032 и 1141 ст. уст. граж. суд., будетъ произведена 5 *ноября сего года* публичная продажа недвижимаго имѣнія, описаннаго въ количествѣ 9831 дес. 2297 саж. земли, по иску съ башкиръ вотчинниковъ д. Ишеевой Д. С. Волковымъ, по контракту 67276 р. и т. д.

Все, кажется, шло хорошо. На торги бы явился одинъ Волковъ и дача осталась бы за нимъ, но въ томъ то и дѣло, что торги были отмѣнены. Въ дѣло вступилось губ.по кр. дѣл. присутствіе, губернаторъ и прокуроръ. Говорятъ, что башкиры хлопочутъ о томъ, нельзя ли эту землю оставить имъ, Волковъ о томъ чтобы ему $^3/_4$, а Петровъ, чтобы ему $^1/_4$. Такимъ образомъ, довѣрители и повѣренные составили два противоположные лагеря,—кто побѣдитъ!

Послѣ всего этого является вопросъ, о чемъ же хлопотали ишеевцы, если $^3/_4$ земли беретъ Волковъ, а $^1/_4$ Петровъ? Подобныя ходатайства только и возможны въ Уфимской губерніи. Недаромъ сказалъ бывшій уфимскій губернаторъ Щепкинъ, что у него окончательно не будетъ ни времени, ни силъ управлять губерніей, а долженъ слѣдить только за тѣмъ, чтобы бѣдное крестьянское населеніе не было окончательно обезземелено разными проходимцами.

Волки и овцы.

А вотъ и еще перлы изъ дѣятельности г. Волкова, одного изъ многочисленной компаніи „честныхъ и уважаемыхъ людей“, какъ они себя величаютъ. („К. Б. Л. № 13, 1883 г.).

14 сентября 1874 г. Волковъ заключилъ съ крестьянами переселенцами Вятской губерніи домашнее условіе, по которому онъ запродалъ имъ 500 дес. земли изъ принадле-

жащей ему Чершилинской дачи Уфимскаго уѣзда за 7250 руб. или по 14½ руб. за десятину. Уплата всей суммы разсрочена на 6 лѣтъ съ тѣмъ, чтобы покупщики производили ее два раза въ годъ по 600 руб. по полугодіямъ, 31 марта и 30 сентября, начиная съ марта 1875 г.; при чемъ въ послѣднее полугодіе должна быть внесена вся недоплаченная сумма. Купчую крѣпость Волковъ обязался совершить на свой счетъ, послѣ перваго полугодичнаго платежа и крестьяне въ недоплаченной суммѣ обязались выдать ему закладную. Въ случаѣ неуплаты крестьянами въ какой либо изъ опредѣленныхъ условіемъ сроковъ причитающейся суммы Волкову, тѣмъ же условіемъ предоставлено ему право взыскивать недоплаченную сумму чрезъ продажу принадлежащаго крестьянамъ скота и прочаго имущества.

Крестьяне поѣхали, по заключеніи таковаго условія на клочкѣ бумаги и подписаннаго только Волковымъ, во свояси—въ Вятку, а вскорѣ началось и переселеніе. Изъ числа прежде закупившихъ землю крестьянъ, нѣкоторая часть ихъ права свои на эту землю передала другимъ крестьянамъ, которые, поселившись на этой землѣ, образовали общество Волковскаго починка, вѣроятно, въ честь своего землевладѣльца, чтобы увѣковѣчить имя его въ исторіи.

Затѣмъ, по словесному договору, Волковъ запродалъ переселенцамъ еще 261 дес. на прежнихъ условіяхъ.

По подворной переписи, произведенной мною въ 1881 году, въ этомъ починкѣ уже значилось 52 двора, въ нихъ душъ: 127 ревизскихъ, 154 наличныхъ мужскихъ и 168 женскихъ, 87 муж. работниковъ, 66 лошадей и 73 коровы. Какъ видите, еще переселенцы не устроились, а все обзаводились въ продолженіе цѣлыхъ 8 лѣтъ. Жили они себѣ потихоньку, строились, разчищали лѣсъ подъ усадьбы, дороги, пашни, луга и т. п. и ждали купчей. Время шло, а купчей Волковъ не выдавалъ, къ тому-же подоспѣло

время запрещеній на продажу башкирскихъ земель. Крестьяне ждали, что противъ Волковскихъ покупокъ башкирскихъ земель начнутся разныя разслѣдованія и т. п. Слухи разнеслись, что всѣ покупки башкирскихъ земель будутъ уничтожены. Кромѣ того, сосѣдніе мужики, ключевцы и покровцы, настаивали, что проданная Волковцамъ земля присвоена у нихъ по полюбовной сказкѣ, объ уничтоженіи которой они хлопочутъ, и въ тоже время было производимо по настоящему дѣлу секретное дознаніе и что земля эта будетъ ихъ, такъ какъ ею они пользовались до межеванія безспорно.

Эти два факта не только мужиковъ, но и кого угодно заставили-бы призадуматься. Мужики смекнули, что дѣло что-то неладно, какъ бы имъ не пришлось выселяться. Начали они „зондировать почву"—приставать къ Волкову еще сильнѣе о выдачѣ купчей. Тотъ, конечно, не даетъ. Переселенцы увидѣли въ этомъ, окончательно, что если Волковъ купчей не выдаетъ, значитъ „дѣло нечисто". Доставшійся потомъ и кровью мѣдный грошъ, который долженъ былъ идти въ уплату за землю, заставилъ ихъ попридержаться. А ну, какъ землю отберутъ отъ Волкова или башкирамъ, или покровцамъ? Вѣдь, денежки должны пропасть; съ Волкова-то послѣ и шерсти клока не получишь. Думали, думали мужики и порѣшили идти съ жалобой къ начальству; начальство-де разберетъ. И, конечно, начальство ихъ разобрало!...

20 декабря 1878 г. повѣренный волковцевъ, ихъ-же деревенскій мужикъ—Макаровъ, въ исковомъ прошеніи поданномъ въ уф. палату уг. и гр. суда, объяснилъ, что довѣрители его уплатили Волкову 3.648 руб., но онъ, вопреки условію, купчей крѣпости на землю имъ не выдаетъ, почему и предъявили къ Волкову искъ, о взысканіи уплаченной суммы и убытковъ по переселенію и рас-

чисткѣ земли—всего 21148 руб. Начался процессъ. Противъ предъявленнаго иска Волковъ объяснилъ, что крестьяне сами нарушили условіе, не уплативъ въ срокъ всѣхъ слѣдующихъ за землю денегъ и потому, предъявляя къ нимъ встрѣчный искъ, просилъ палату обязать Волковцевъ *немедленно* уплатить ему остальную сумму за землю 4748 р. съ %, послѣ чего Волковымъ *немедленно* будетъ выдана крестьянамъ на эту землю купчая крѣпость, или, въ противномъ случаѣ, сдѣлать распоряженіе о немедленномъ выселеніи крестьянъ Волковскаго починка съ его земли.

Заявляя, что немедленно выдастъ крестьянамъ купчую, Волковъ буквально утаивалъ истину, потому что выдать купчую немедленно по уплатѣ было нельзя въ силу существовавшаго закона 9 мая 1878 г. о запрещеніи всѣхъ сдѣлокъ по башкирскимъ землямъ, продлившимся до 9 мая 1881 года.

При докладѣ настоящаго дѣла въ палатѣ 29 ноября 79 года крестьяне поручили вести защиту своихъ интересовъ частному повѣренному Крушинскому (пропавшему потомъ изъ Уфы безъ вѣсти), который заявилъ требованіе о понужденіи Волкова къ выдачѣ его довѣрителямъ-крестьянамъ купчей крѣпости на запроданную имъ землю, причемъ не отказался и отъ взысканія съ Волкова убытковъ. Рѣшеніемъ палаты 29 ноября въ искахъ какъ крестьянамъ, такъ и Волкову отказано и присуждено съ обѣихъ тяжущихся сторонъ по 362 р. 50 к. да по 170 р. *штрафа;* кромѣ того, на мужиковъ наложенъ *штрафъ* за недоказанную ими сумму убытковъ въ 21148 руб.—1057 руб.

Обѣ тяжущіяся стороны рѣшеніемъ остались недовольны. Дѣло пошло въ Сенатъ, который отмѣнилъ постановленіе Палаты и приказалъ постановить свѣжее.

Палата и постановила новое рѣшеніе, заключающееся въ томъ, чтобы мужиковъ выселить и взыскать съ нихъ штрафъ,

а также взыскать и съ Волкова въ пользу крестьянъ только уплаченныя ими деньги 3648 рублей. Это рѣшеніе Сенатъ утвердилъ и судебный приставъ выѣхалъ на мѣсто для приведенія его въ исполненіе.

Мужики, видя, что дѣло ихъ пропало, да еще присуждены уплатить громадную сумму, смирились. Пошли они къ Волкову и бухнулись въ ноги:

— Пощади, отецъ родной, не пусти по міру, помилуй!...

И Волковъ, вполнѣ довольный такимъ оборотомъ дѣла, помиловалъ. Да, помиловалъ! Онъ заключилъ съ ними новое домашнее условіе, такъ какъ выдать купчую еще не согласился, на томъ основаніи, что ему жалко ихъ, имъ трудно будетъ платить деньги сразу, а вотъ откроется Крестьянскій Банкъ, тогда будетъ легко. По новому условію крестьяне обязались заплатить не по $14^1/_2$ руб., какъ было раньше, а по 25 руб. за десятину. Это значитъ по $10^1/_2$ руб. надбавка за удовольствіе судиться съ Волковымъ!

Но этого еще мало. 14 семей онъ все-таки выгоняетъ изъ починка и не соглашается съ ними ни на какую сдѣлку. Этимъ несчастнымъ 14 семьямъ не отдаютъ построенные ими дома и другія сельско-хозяйственныя постройки, не дали и сѣять, не говоря уже о томъ, что они расчистили до 100 десятинъ лѣса и лишаются только на этомъ 4 тысячъ рублей.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, оставшіеся мужики вздумали было просить Волкова о выдачѣ имъ условія „какъ слѣдуетъ, законнаго“, но онъ категорически заявилъ имъ, что такого не дастъ, а „хотятъ, такъ пусть и такъ живутъ!“... И мужики пошли съ новою жалобой, о чемъ и куда—уже не вѣдаю.

— И туда же еще суются, съ своимъ суконнымъ рыломъ, да мутить его питье, говорилъ мнѣ одинъ изъ поклонниковъ Волкова,—своими жалобами и тяжбами поколебать честное

имя уважаемаго человѣка! Да, для этого нужно, чтобы свѣтъ вверхъ дномъ перевернулся!

Но *свѣтъ* еще не перевернулся и если такія дѣла Волкова князь Кугушевъ называетъ красивыми, то, послѣ всего сказаннаго, просто становишься въ тупикъ и не знаешь, что же называть другимъ именемъ.

Не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія, я долженъ замѣтить, что положеніе переселенцевъ въ нашемъ краѣ очень неприглядно: *это новая дойная корова* разныхъ эксплоататоровъ и скупщиковъ башкирскихъ земель, и я надѣюсь, что, наконецъ, администрація обратитъ вниманіе на такія безобразія. Вѣдь, выйдетъ то, что всѣ господа землевладѣльцы потянутся по Волковской дорожкѣ и масса крестьянъ будетъ снова ходить съ котомками и обивать пороги у начальства.

Новый герой набѣговъ на сдобную башкирію.

Расхищеніе полутора милліоновъ десятинъ башкирскихъ земель—вотъ явленіе нашей провиціальной жизни прошлаго десятилѣтія.

Это хищеніе распадается на два вида: первый—пріобрѣвшій себѣ названіе *захвата* башкирскихъ земель (знаменитыя *раздачи*), второй—*покупка* земель непосредственно у башкиръ.

Относительно перваго рода хищенія въ печати появлялось очень много свѣдѣній и она принимала дѣятельное участіе въ разъясненіи многихъ темныхъ сторонъ, сопровождавшихъ это хищеніе, благодаря чему захваты пріостановились, а дѣятели сего „полетѣли кувыркомъ“...

Но въ отношеніи втораго вида хищенія въ печати свѣдѣній появлялось очень мало, гг. уфимцы почтительно о семъ

умалчивали, такъ какъ говорить объ этомъ было крайне неудобно. Дѣятели сего все еще благоденствуютъ и наслаждаются плодами своихъ трудовъ „праведныхъ“, забравши въ свои руки земство.

Между тѣмъ изъ этого міра хищеній жизнь выдѣляетъ крупные факты сама, и одинъ изъ нихъ я разскажу теперь.

Недавно уфимскою палатой уголовнаго и гражданскаго суда уничтожена купчая крѣпость купца Кузнецова на покупку имъ 15 тысячъ десятинъ у башкиръ Урманъ-Кудейской волости,—того самого Кузнецова, Капитона Ивановича, про котораго разсказываютъ, что онъ *во время оно*, когда еще былъ зрячій (теперь онъ слѣпъ), раскутившись разъ въ одномъ изъ трактировъ на нижегородской ярмаркѣ, приказалъ вымыть въ немъ полы шампанскимъ или въ банѣ поддавалъ пару коньякомъ—„духъ больно хорошъ!“

По разсказамъ близко знающихъ, Капитонъ Ивановичъ обладаетъ замѣчательною энергіей и быстротой соображенія; велъ прежде хлѣбную торговлю, но потомъ вошелъ во вкусъ лѣсной. Къ этому времени открылось широкое поприще къ скупкамъ башкирскихъ земель и лѣсовъ, и Капитона Ивановича „засосало“...

По приговору 16 октября 1871 г. онъ, чрезъ содѣйствіе нѣкоего г. Лепницкаго, близкаго родственника мѣстнаго мироваго посредника Резанцева, купилъ у сказанныхъ башкиръ 15 тыс. десят. лѣса, по 2 р. за десятину, съ разсрочкою платежей на 10 лѣтъ и съ неустойкой въ 15 тыс. рублей. Лучше сказать: просто заполучилъ даромъ.

Несмотря на то, что при составленіи этого приговора дѣятельное участіе принималъ посредникъ Резанцевъ, приговоръ былъ составленъ незаконно, потому что башкиры вовсе не хотѣли продавать землю, за то Резанцеву хотѣлось непремѣнно продать, а Кузнецову непремѣнно купить.

Такъ какъ по закону на продажу требовалось согласіе

$^2/_3$ голосовъ, а таковыхъ въ волости 900, то разсуждать о сдѣлкѣ съ такою оравой было не совсѣмъ-то удобно, а въ особенности при отрицательномъ ихъ настроеніи. Да, кромѣ того, тутъ нужны были разныя „карманныя" деньги, чтобы заполучить на свою сторону горлохватовъ и міроѣдовъ, а послѣдніе, безъ сомнѣнія, сбили бы и остальныхъ бѣдняковъ, но пожалѣли капиталовъ; хотѣлось елико возможно подешевле заполучить.

И вотъ сей славный мужъ, блюститель интересовъ башкиръ, Резанцевъ, побуждаемый тайною причиной, о которой неудобно разсказывать въ печати (потому что не имѣется на это письменныхъ доказательствъ), купно съ покупщиками ухитряется не только обойти законъ, но поступить прямо противъ его точнаго смысла: они отъ 25 дворовъ каждаго селенія „облюбовали" выборныхъ. Эти облюбованные—преимущественно лица, имѣющія надъ собой непосредственное давленіе власти посредника: волостной старшина, 6 сельскихъ старостъ, 6 волостныхъ судей, 5 сборщиковъ податей и затѣмъ остальные 13 человѣкъ изъ рядовыхъ башкиръ, такъ что всего набралось 32 человѣка; дѣльцы воображали, что эти облюбованные въ ихъ рукахъ и будутъ согласны, но и изъ нихъ не согласились на продажу 7 человѣкъ; однако несмотря на это, сдѣлку все-таки устроили.

Между тѣмъ въ составъ продаваемаго этимъ *резанцовскимъ способомъ* участка вошли земли и даже выгонъ душеваго надѣла деревни Казаякъ-Кутушевой, а также и берегъ-пристань Казыльяръ, лежащій по теченію рѣки Сима 162 саж. въ длину и въ ширину 500 саженъ, по которому расположены сѣнокосы, всегда находившіеся, въ пользованіи дер. Тикеевой и также поступившіе по акту того же посредника, въ душевой надѣлъ этой деревни.

По составленіи приговора *въ тотъ же день* (прошу обратить вниманіе на дни и числа), посредникъ, покупщикъ и

продавцы двинулись въ Уфу за 100 верстъ, въ палату, для совершенія *крѣпи*, сирѣчь купчей крѣпости. А на другой день были уже въ палатѣ и подали предъявленіе вмѣстѣ съ неправильнымъ свидѣтельствомъ, выданнымъ Резанцевымъ, о свободности одной только продаваемой земли, тогда какъ такое свидѣтельство требовалось закономъ на всю свободную, т.-е. оставшуюся за душевымъ надѣломъ, землю.

Несогласные на продажу башкиры тоже не дремали. Они 19 октября, при содѣйствіи враждовавшихъ на Кузнецова лицъ, подали прошеніе начальнику губерніи о наложеніи запрещенія по совершенію крѣпости и на безобразія, допущенныя посредникомъ.

Губернаторъ Ушаковъ, тотчасъ же по полученіи просьбы, призывалъ Резанцева и словесно объяснилъ ему, что требуемые закономъ душевые надѣлы въ Урманъ-Кудейской волости еще не отведены и, чтобы предупредить незаконную продажу, совѣтывалъ Резанцеву немедленно отправиться въ палату и заявить въ ней о допущенной имъ ошибкѣ, прося пріостановить совершеніе купчей или предлагалъ, тотчасъ же дать письменный отзывъ по прошеніямъ для того, чтобы въ тотъ же вечеръ дать возможность обсудить дѣло присутствію по крестьянскимъ дѣламъ и во́-время сообщить палатѣ о неправильной продажѣ.

Первое Резанцевъ совершенно не исполнилъ, а второе обѣщалъ сдѣлать черезъ два часа, но вмѣсто того 20 октября написалъ въ присутствіе бумагу, гдѣ сказалъ, что продажа совершена „правильно“.

И вышелъ маленькій курьезъ: губернаторъ назвалъ продажу незаконной, а посредникъ правильной. И незаконно да правильно!

Купчую въ палатѣ совершили 21 октября. Мнѣ разсказывали за самый достовѣрный фактъ, что когда совершали купчую, то недовольные продажею башкиры пришли въ па-

лату съ прошеніемъ остановить совершеніе. Жалобщики осадили переднюю и стали „ломиться въ присутствіе“, но тутъ у затворенныхъ дверей явилось препятствіе въ лицѣ сторожа-Держиморды. Онъ плотно приперъ плечомъ дверь и ни за что не хотѣлъ отворять, а тамъ въ „присутствіи“... тамъ уже „совершали“ и „подписывали“... Жалобщики, выйдя изъ терпѣнья, какъ-то отдернули сторожа и пріотворили дверь, но удалось просунуть только одну руку съ „бумагой“, какъ сторожъ снова справился и прищемилъ руку въ двери. Такимъ образомъ въ „присутствіи“ оказалась только одна махающая прошеніемъ рука. „Палата“, конечно, возмутилась такимъ оборотомъ дѣла; она велѣла впустить жалобщиковъ, но было уже поздно: *купчую совершили*.

Между тѣмъ неправильное свидѣтельство о свободной землѣ къ продажѣ и неотводъ душевыхъ надѣловъ безпокоило посредника, покупщика и *даже палату*, поторопившуюся совершить крѣпостной актъ. Поэтому въ тотъ же день, 21 октября, поздно вечеромъ, Кузнецовымъ были отправлены въ Лемезы, мѣсто продажи, жившіе у него повѣренные башкиры, уполномоченные для совершенія крѣпости, а 22 въ 12 часовъ туда прибылъ Резанцевъ, и тамъ 23 составилъ приговоръ отъ 28 человѣкъ выборныхъ, продавшихъ землю, о раздѣлѣ душевыхъ надѣловъ, которые, само собою разумѣется, были отведены фиктивно, на бумагѣ только, а не въ натурѣ, какъ требуетъ законъ.

Затѣмъ Резанцевъ выдаетъ новое свидѣтельство о свободныхъ земляхъ за тѣмъ же № 418, за какимъ было выдано и первое, которое, по минованіи въ немъ надобности, „улетучилось“ неизвѣстно куда.

Несмотря на то, что палата приняла это свидѣтельство и въ купчей крѣпости, въ концѣ которой сказано было, что она писана 1871 года 21 октября, послѣдняя цифра 1 за-

мѣнена на 6 и стало 26, несмотря на то, что въ заголовкѣ и осталось прописью написанное „перваго“ числа.

Но этого все еще мало. Палата позабыла даже законъ (еще статью), по которой требовалось при совершеніи купчей предъявленіе покупщикомъ квитанціи волостнаго правленія во взносѣ имъ $^1/_3$ покупной суммы въ мірскую и ссудныя кассы; по этого не было сдѣлано и даже сумма въ 10 тыс. руб. не была удержана при совершеніи крѣпости. Да не знаю хорошенько, заплатилъ ли еще Кузнецовъ что-нибудь башкирамъ до сего времени. Оговаривается это потому, что примѣры показывали, какъ только начнутся преслѣдованія, такъ покупщикъ и пріостановитъ платежи, а вѣдь въ настоящей покупкѣ преслѣдованія начались со дня совершенія крѣпости...

Обдѣлали дѣло и у Кузнецова слетѣло бремя съ плечъ. Онъ до того считалъ себя осчастливленнымъ и спокойнымъ на первое время, что разщедрился „не въ примѣръ прочимъ“ и растопырилъ свою мошну на *благотворительное дѣло*.

Онъ открылъ въ Уфѣ 2-е приходское училище и пожертвовалъ въ пользу Уфимскаго попечительнаго о бѣдныхъ комитета 7.000 рублей, которые обязался внести въ теченіе 5 лѣтъ по акту, засвидѣтельствованному 17 октября 1872 года. Въ обезпеченіе же взноса онъ предоставилъ 2.000 десятинъ изъ купленной земли, на которыя и было наложено запрещеніе.

Все сказанное достаточно ясно показываетъ, какъ у насъ *ковали*. Результатомъ этой ковки явилось то, что Резанцева отдали подъ судъ, подъ которымъ онъ состоитъ и до сихъ поръ—въ теченіе 12 лѣтъ, а купчую, несмотря на щедрое пожертвованіе, уничтожили.

Вотъ нѣкоторыя подробности, вызванныя по этому дѣлу на

сѣтъ при слѣдствіи надъ Резанцевымъ и достаточно ясно его характеризующія.

При слѣдственной ревизіи членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Миклашевскимъ денежной книги Урманъ-Кудейскаго волостнаго правленія оказалось, что изъ числа 1.500 руб., слѣдующихъ съ купца Софронова за купленную имъ землю 300 дес., 1.000 руб. получены были изъ Уфимской Палаты Угол. и Гражд. Суда въ 1872 году Резанцевымъ и затѣмъ до ревизіи, произведенной принимавшимъ отъ него должность посредникомъ Сергѣевымъ, неизвѣстно кто ими пользовался и распоряжался. Спросили объ этомъ Резанцева. Онъ съ гордостью отвѣтилъ, что деньги *онъ* положилъ въ банкъ на текущій счетъ башкиръ, гдѣ за $2^1/_2$ года на нихъ накопилось 100 руб. процентовъ, каковая сумма была потомъ взята изъ банка для башкиръ и что онъ *„ставитъ себѣ въ заслугу этотъ первый опытъ помѣщенія мірскихъ капиталовъ въ кредитныя учрежденія“*.

Но по разслѣдованію оказалось, что деньгами пользовался самъ Резанцевъ и въ банкъ ихъ не клалъ! То-есть положилъ ихъ въ свой карманъ. Хорошо кредитное учрежденіе, можно имъ гордиться!

Когда съ Резанцева стали эти деньги требовать, то къ нему за ними ходилъ старшина Даушевъ. Какъ и слѣдовало ожидать, Резанцевъ его угощалъ нѣсколько разъ „завтраками“, а потомъ, когда уже тотъ насытился и сталъ приставать, то сознался, что денегъ у него нѣтъ въ наличности и повелъ Даушева къ Капитону Кузнецову, разсчитывая на помощь послѣдняго. Кузнецовъ, по словамъ Даушева, большой пріятель Резанцева. Отношенія ихъ характеризуются слѣдующимъ на этотъ разъ.

У Кузнецова денегъ тоже не случилось, но онъ упросилъ Даушева внести свои деньги, говоря: *„надо уважать* Резанцева. Посредникъ былъ хорошій; теперь я долженъ платить

за него". Даушевъ согласился внести своихъ 500 рублей, на которыя Кузнецовъ выдалъ вексель, а Резанцевъ подписался на немъ свидѣтелемъ. Остальные же 500 руб. собрали Кузнецовъ съ Резанцевымъ. Такимъ образомъ все дѣло обработали „по домашнему".

Несмотря на возникшіе споры, Кузнецовъ все еще до сихъ поръ продолжаетъ пользоваться дачей. Онъ отмежевалъ ее формально, чрезъ *полюбовный разводъ* и поселилъ на ней двѣ деревни. На рѣшеніе палаты онъ подалъ прошеніе въ сенатъ и теперь нужно дожидаться, что скажетъ послѣдній.

Дѣло это настолько ясно, что не требуетъ особенныхъ затрудненій при рѣшеніи, но для Кузнецова важно протянуть время, годъ, два, можетъ быть и три, въ теченіе котораго будетъ еще возможность кое-что, тысячъ на 150 покрайней мѣрѣ, выработать лѣснаго товара. А тамъ, пожалуй, наплевать и на дачу: свое возьмемъ!

Что же станется съ двумя деревнями переселенцевъ, трудно угадать. Имъ предстоитъ только надѣть на шею котомки и именемъ Христа сбирать на разоренное мѣсто, если власти не обратятъ на нихъ вниманія и какъ-нибудь не устроятъ ихъ судьбу.

Цивилизованный кулакъ.

Башкирскія земли въ старину просто захватывались силой,— коротко и ясно. Когда этого дѣлать оказалось уже нельзя, стали покупаться, но покупка была лишь предлогомъ, въ сущности же брались тоже силой; сдѣлался невозможнымъ и этотъ способъ пріобрѣтенія земель, начали устраиваться разные подвохи: отчуждали земли по давности владѣнія, брали за веденіе судебныхъ дѣлъ, въ видахъ обхода закона, а въ сущности тоже проявляли силу.

Въ общественномъ положеніи первые пріобрѣтатели были служилые люди: разные воеводы. Вторыхъ пріобрѣтателей раньше составляли они же, а позднѣе—всякій сбродъ; третьи, по большей части купцы—кулаки, а четвертые—„юсы“.

Кажется, что всѣ случаи возможности урвать башкирской землицы перечислены, а между тѣмъ еще есть туда лазейка, это съемки земель въ аренду на долгій срокъ, что составляетъ ту же собственность. И на этотъ разъ прозорливымъ дѣльцомъ является человѣкъ не изъ нашей грубой русской породы, а нѣмецъ. Узрѣлъ онъ, что эта лазейка еще не заклепана, да и попробовалъ. Хитеръ!

И на самомъ дѣлѣ, разсуждая по-нѣмецки, приходишь къ тому убѣжденію, что зачѣмъ въ Башкиріи собственность? Къ чему она ведетъ? Развѣ къ тому только, что самъ ею попользуешься, а потомъ и потомству передашь. Но вѣдь это не въ Германіи, да и зачѣмъ же покупать? Капиталъ въ карманѣ вѣрнѣе, а съ нимъ и потомство лучше можетъ расправиться, съ чѣмъ какимъ-нибудь клочкомъ земли въ сердцѣ Башкиріи.

Нѣмцы — народъ смышленый, разсудительный; недаромъ говорятъ, что нѣмецъ обезьяну выдумалъ.

Лѣтъ пять тому назадъ объявился въ нашихъ дикихъ мѣстахъ такой просвѣщенный человѣкъ, Вейнбергъ, лифляндскій гражданинъ. Въ это время близъ деревни Тикеевой, Урманъ-Кудейской волости, на рѣкѣ Симъ, Уфимскаго уѣзда, появляется въ лѣсу на поляночкѣ хуторокъ. Возлѣ него заводится пчельникъ по всѣмъ правиламъ современной науки о пчеловодствѣ. Какъ пчелы ни старались наполнять свои ячейки медомъ, который хозяинъ вынималъ оттуда при посредствѣ разныхъ машинокъ, а не могли удовлетворить его. Приставилъ хозяинъ къ пасѣкѣ пчеловода, а самъ занялся по лѣсной части и приступилъ къ торговлѣ и выработкѣ

лѣсныхъ издѣлій, со всею страстью, насколько таковая можетъ обрѣтаться въ нѣмецкой натурѣ.

Да и на самомъ дѣлѣ, какъ не явиться такой страсти. Кругомъ лѣса, рѣки, дешевыя рабочія руки... на глазахъ рой промышленниковъ копошится на этихъ мѣстахъ и черезъ два, три, пять лѣтъ они превращаются въ тузовъ, крезовъ, забираютъ все въ свои лапы и съ быстротою вѣтра наживаютъ тысячи.

И вотъ Вейнбергъ потихоньку, полегоньку начинаетъ выдѣлывать дубовую доску и поставлять ее не внизъ, къ Каспію, а на оборотъ, въ степи на винокуренные заводы Паклевскаго, у котораго служилъ какимъ-то управляющимъ. Барышъ отъ этого получался хорошій, гораздо большій, чѣмъ у другихъ промышленниковъ, сплавлявшихъ въ Астрахань и Нижній, несмотря на то, что поставка происходила гужемъ верстъ за двѣсти.

Дѣло развилось прочное, хорошее, остановиться на которомъ стоило. Башкирскихъ лѣсовъ кругомъ много, люди пользуются и—ничего; покупили даже въ вѣчное владѣніе; отчего же, въ самомъ дѣлѣ, и не пристроиться къ этимъ лѣсамъ? Купить запрещено, такъ въ аренду можно снять!

И вотъ 16 февраля среди улицы д. Лемезовъ, собирается Тикеевскій сельскій сходъ. Башкиры галдятъ. Это составляется сельскій приговоръ объ отдачѣ женѣ титулярнаго совѣтника Вейнбергъ (брата пчеловода, какого-то казанца) чрезъ повѣреннаго Ивана Вейнбергъ въ кортомное содержаніе двухъ участковъ лѣса на 12 лѣтъ, съ правомъ продолжить срокъ аренды еще на 12, итого на 24 года. Одинъ участокъ въ 50 дес. находится въ душевомъ надѣлѣ башкиръ-вотчинниковъ дер. Тикеевой. На немъ допущено устроить дегтярный заводъ и производство *другихъ* торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, за плату ежегодно 25 рублей. Второй участокъ внѣ душеваго надѣла въ границахъ разныхъ

рѣчекъ, дорогъ и т. п. урочищъ, *примѣрно* въ количествѣ 2.000 дес., для съемки бересты, вырубки дровъ и выработки *прочихъ* лѣсныхъ издѣлій за 125 руб. въ годъ! Или по 6 коп. за десятину, а если примѣрно будетъ 4.000 дес., что есть дѣйствительно, то цѣна за десятину будетъ 3 коп. И это въ мѣстности, гдѣ одинъ дубъ иногда даетъ доски двѣ сотни или на 25 руб. на мѣстѣ. И такая цѣна, за такое пространство, когда сами башкиры платятъ за него въ одно земство 400 руб. ежегоднаго сбора.

По написаніи приговора, предоставлялось право арендатору приступить съ того же дня къ заготовкѣ матеріаловъ и расчисткѣ мѣста для постройки заводовъ.

Приговоръ этотъ составлялся не на сходѣ, какъ бы слѣдовало, а домохозяева башкиры приглашались по одиночкѣ въ отдѣльную комнату волостнаго правленія и тамъ отъ нихъ отбирались подписи и тамги. 28 марта приговоръ этотъ былъ утвержденъ волостнымъ сходомъ. Непремѣнный членъ Уфимскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Березовскій приговоры эти утвердилъ и нашелъ настоящую сдѣлку для башкиръ чрезвычайно выгодной, „такъ какъ отдаваемые въ аренду участки, какъ прежде, такъ и теперь, вырубаются безплатно Кузнецовымъ“. Чудеса!...

Такимъ образомъ дѣло сдѣлано, въ деревнѣ оно катилось какъ по маслу, теперь переходитъ въ городъ; но тутъ— стопъ машина! Мулла дер. Тикеевой Хабибуллинъ подалъ въ палату, куда представленъ былъ приговоръ для заключенія по нему контракта, прошеніе о недѣйствительности приговора, слѣдовательно и сдѣлки. Палата, вслѣдствіе такой просьбы, не рѣшилась сама совершить контрактъ, а спросила губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе (въ то время въ Уфѣ былъ сенаторъ Ковалевскій). Послѣднее, разсмотрѣвши дѣло, нашло, что приговоръ недѣйствительный, по многимъ причинамъ, чисто формальнымъ, и поста-

новило не только уничтожить сдѣлки, но передать даже на распоряженіе уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія должностныхъ лицъ сельскаго управленія за незаконныя дѣйствія.

Вотъ что значитъ начальство близко!

Вейнбергъ жаловался въ сенатъ, говоря, что его сдѣлка бѣлѣе снѣга, но сенатъ, въ то же время получивъ свѣдѣнія отъ оренбургскаго генералъ-губернатора о замѣченномъ стремленіи разныхъ лицъ *къ захвату*, подъ видомъ аренды, значительныхъ участковъ башкирской земли за ничтожную цѣну и притомъ на долговременные сроки, и опытъ доказалъ, что при продажахъ башкирскихъ земель, съ обозначеніемъ количества десятинъ по урочищамъ, покупщики пріобрѣтали вдвое болѣе условленной земли,—указомъ 26 ноября 1882 года, за № 16064, въ домогательствѣ Вейнбергу отказалъ и сдѣлку уничтожилъ безслѣдно.

Вѣра въ возможность осуществленія сдѣлки у Вейнберга дошла до того, что онъ, какъ говорятъ, ѣздилъ уже на свою сторону въ Лифляндію и тамъ подговорилъ латышей къ переселенію въ Уфимскую губернію. Но тутъ вступились остзейскіе бароны и дѣло доходило до министра. Не знаю, прибудутъ ли сюда латыши, а поѣздка для Вейнберга не пропала даромъ: онъ исхлопоталъ какую-то поставку своего меда и люда.

Но какъ ни старался онъ обставить себя всевозможными формальностями, какъ ни вѣрилъ въ успѣхъ своего предпріятія, а дѣло все-таки не выгорѣло.

Выгодный договоръ.

На самой почти границѣ Сибири съ Россіей „за Уралъмъ“ есть Кислинскій заводъ, Екатеринбургскаго уѣзда,

Пермской губерніи. Въ Кислинскомъ заводѣ жилъ-былъ мастеровой Алексѣй Злоказовъ. Преданіе говоритъ о немъ, какъ о ловкомъ человѣкѣ. У него было два сына. По освобожденіи отъ обязательныхъ работъ, братья Злоказовы пріобрѣтенный отцомъ капиталъ не дѣлили между собою и не дремали. Они занялись виноторговлей. Вмѣстѣ имъ жить было тѣсно: кинули жребій, кому изъ нихъ идти въ чужую дальную сторонушку искать счастія, и вотъ одинъ направилъ свои стопы въ Уфимскую губернію. Не долго ему пришлось путешествовать по ней: онъ скоро облюбовалъ Златоустовскій уѣздъ, гдѣ въ Айлинской башкирской волости былъ построенъ купцомъ Мотовиловымъ винокуренный заводъ, не дававшій вначалѣ послѣднему большихъ барышней. Ѳедоръ Злоказовъ все свое вниманіе обратилъ на него и скоро ему удалось заграбастать въ свои руки винокуреніе подъ фирмою „Братья Злоказовы".

Звѣзда его на Златоустовскомъ горизонтѣ засіяла.

При содѣйствіи собутыльниковъ, онъ, по случаю подчиненія опекѣ Юрузанскихъ желѣзо-дѣлательныхъ заводовъ Сухозанета, запустилъ свою лапку и въ эти заводы. Много было выжато съ нихъ соковъ и еще было бы выжато, еслибы, по распоряженію правительства, не была снята опека. Съ уничтоженіемъ опеки и съ передачею заводовъ въ распоряженіе владѣльца Сухозанета, казалось, звѣзда Злоказова начала меркнуть. Но это только казалось. Въ сущности снятіе опеки съ Юрузанскихъ заводовъ заставило Злоказова обратить все свое вниманіе *на Башкирію*, земли которой впустѣ лежали. Одна изъ большихъ вотчинныхъ волостей въ Златоустовскомъ уѣздѣ пролегаетъ внизъ по теченію сплавной рѣки Юрузани; на нее-то Злоказовъ обратилъ все свое вниманіе. Чрезъ своихъ агентовъ Злоказовъ узнаетъ, что башкиры, вотчинники Мурзаларской волости, желаютъ продать или отдать землю въ аренду. Такое же-

ланіе вотчинниковъ близко было принято Злоказовымъ къ сердцу. Пошла усиленная и оживленная переписка между братьями Злоказовыми съ одной стороны и башкирами-вотчинниками Мурзаларской волости съ другой; переписка эта увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1872 года потянулись подводы съ чаемъ, сахаромъ и виномъ отъ Златоуста до Мурзаларской волости, погнались лошади, и такимъ образомъ открытъ былъ въ той волости Валтазаровъ пиръ.

Башкиры распивали чаи, кушали превкусное, по ихъ мнѣнію, лошадиное мясо и поливали „арака": это—простые изъ смертныхъ; а воротилы получали подарки вещами и деньгами. Долго продолжался пиръ, пока одурманенные водкой башкиры не были готовы приложить тамгу къ какой угодно бумагѣ.

Мѣстная адвокатура тоже не дремала: она строчила на всѣ лады приговоры объ арендѣ и куплѣ-продажѣ земли въ проектахъ, и послѣдніе постоянно редактировались знаменитымъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ. Наконецъ редакція была установлена. И вотъ въ книгѣ на записку сдѣлокъ и договоровъ Мурзаларскаго волостнаго правленія 12 декабря 1872 года, за № 2, значится записаннымъ слѣдующій приговоръ отъ башкиръ-вотчинниковъ той волости: „Выслушавъ заявленіе Ѳедора Алексѣевича Злоказова о желаніи пріобрѣсти вообще со статьями въ оброчное содержаніе участокъ земли съ лѣсомъ подъ устройство завода изъ вотчинной дачи, башкиры нашли: а) что арендуемый Злоказовымъ участокъ земли никогда не войдетъ въ душевой надѣлъ; б) что означенная дача по лѣвую сторону рѣки Юрузани настолько отдалена отъ мѣста жительства вотчинниковъ, что не представляла прежде и не представляетъ нынѣ никакихъ рѣшительно выгодъ, а потому башкиры-вотчинники Мурзаларской волости постановили: отдать въ об-

рочное содержаніе на 12 лѣтъ подъ устройство фабрики или завода братьямъ Злоказовымъ на нижеслѣдующихъ условіяхъ: а) на арендуемомъ участкѣ по лѣвую сторону рѣки Юрузани братья Злоказовы имѣютъ право устроить фабричное или заводское заведеніе по своему усмотрѣнію; б) 12-лѣтній срокъ аренды считать со дня устройства фабрики или завода; в) Злоказовы, какъ полные хозяева, въ теченіе 12 лѣтъ должны пользоваться на арендуемомъ участкѣ, по своему усмотрѣнію, всѣми угодьями и богатствами, лѣсами, минералами, безъ всякой особой платы и безъ всякихъ стѣсненій и ограниченій какъ въ потребности для фабричнаго или другаго заводскаго заведенія, такъ и въ сбытѣ для продажи и для сплава произведеній, выдѣлываемыхъ фабрикой или заводомъ; г) арендная плата за весь 12-ти-лѣтній срокъ 24 тыс. руб., кои Злоказовы должны уплатить такъ: при заключеніи контракта 7.348 р. 4 к., а остальные уплачивать: половину чрезъ годъ послѣ заключенія контракта, а другую на другой годъ послѣ заключенія контракта; д) съ постановленія сего приговора вотчинники не могутъ распоряжаться отданнымъ въ аренду участкомъ земли, такъ какъ всѣ права настоящимъ приговоромъ на пользованіе землею переданы Злоказовымъ; е) всѣ пошлины, какія падутъ, по распоряженію правительства, на отданный въ аренду участокъ, должны платить особо отъ арендной платы Злоказовы; ж) всѣ постройки Злоказовы вправѣ убрать съ участка себѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, если Злоказовы не будутъ впредь владѣть имъ". Далѣе въ той же книгѣ, подъ № 3, значится записаннымъ составленный тогда же приговоръ башкиръ-вотчинниковъ Мурзаларской волости о продажѣ той же самой земли за 60 тыс. руб. Въ восьмомъ пунктѣ этого приговора изложено: „Такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ приговоромъ составленъ другой, по коему эта же самая дача сдана въ аренду братьямъ Злоказовымъ впредь до совершенія купчей крѣпости,

то деньги 24 тыс. руб. должны быть зачтены въ уплату 60 тыс. руб., по заключеніи купчей крѣпости".

Приговоръ о куплѣ-продажѣ Злоказовымъ земли не былъ утвержденъ мировымъ посредникомъ 2 участка Златоустовскаго уѣзда, такъ какъ дача башкиръ-вотчинниковъ Мурзаларской волости окончательно размежевана въ концѣ 1873 года, но приговоръ объ арендѣ провѣренъ, причемъ братья Злоказовы пожертвовали на какія-то школы триста рублей. Такимъ образомъ посредствомъ пущенной Злоказовымъ тенеты башкиры-вотчинники помянутой волости совершенно опутаны.

Итакъ, въ пользованіи братьевъ Злоказовыхъ очутилось болѣе 60 т. десятинъ земли по лѣвую сторону рѣки Юрузани, покрытой прекраснымъ еловымъ и сосновымъ лѣсомъ, отъ котораго въ недалекомъ будущемъ останется только одно воспоминаніе. Со дня постановленія приговора проживающій постоянно въ Златоустовскомъ уѣздѣ „Ѳедоръ Ликсѣичъ" вырабатываетъ лѣсныя издѣлія и вырубаетъ лѣсъ, сплавляя въ низовые по рѣкѣ Волгѣ города включительно до Астрахани и набивая свою и безъ того толстую отъ винокуренія и кабаковъ мошну, а бѣдные башкиры думаютъ одну горькую думу: когда именно братья Злоказовы вздумаютъ строить фабрику или заводъ на арендованномъ участкѣ, такъ какъ только съ этого времени начинается исчисленіе 12 лѣтняго срока аренды. Правда, на арендованномъ участкѣ есть дегтярный заводъ братьевъ Злоказовыхъ, но онъ устроенъ такъ, что и на заводъ не похожъ. Этотъ заводъ „братья Злоказовы" не считаютъ за заводъ, о которомъ упоминается въ приговорѣ 12 декабря 1872 года, за № 2.

Наконецъ, по приговору тому, Злоказовы за арендованный участокъ должны платить особо отъ арендной платы всѣ пошлины, какія падутъ по распоряженію правительства. Башкиры понимаютъ подъ пошлинами всѣ казенные и земскіе налоги,

а Злоказовы объясняютъ, что подъ пошлиной слѣдуетъ разумѣть пошлину при засвидѣтельствованіи контракта. Правительство требуетъ и казенные и земскіе налоги за арендованный Злоказовыми участокъ земли съ башкиръ, а послѣдніе указываютъ на обязательство Злоказовыхъ платить ихъ; по поводу этихъ пререканій въ 1877 и 1878 годахъ у башкиръ описывались имущества за неплатежъ недоимки земскаго и государственнаго налога, но не продавались потому, что башкиры вносили подати.

Мѣстное крестьянское учрежденіе, хотя въ немъ присутствуетъ исправникъ, которому все это извѣстно, стоитъ не на сторонѣ интересовъ башкиръ-вотчинниковъ Мурзаларской волости, послѣдніе же бояться заявится съ жалобой на „Ѳедора Ликсѣича", и вотъ, по незаконно-составленному приговору, одинъ наживается, а цѣлая масса простаго народа, состоящая изъ 1.538, по сказкамъ X ревизіи, душъ, терпитъ громадные убытки и разоренія. До рукъ же губернской администраціи дѣло это никогда не доходило....

Эту статью подписалъ „Человѣкъ" и помѣщена она въ № 90 „Казанскаго Биржеваго Листка" 1883 года. Вѣроятно почтенный авторъ не будетъ на меня въ претензіи, что я помѣстилъ его статью безъ его вѣдома; сдѣлалъ же я это потому, что, во-первыхъ, не зналъ къ кому обратиться за разрѣшеніемъ и, во-вторыхъ, статья эта чрезвычайно подходитъ къ моимъ и по духу, и по складу, и по содержанію.

Оговорившись въ этомъ, я долженъ сдѣлать нѣкоторыя добавленія.

Поземельная дача Мурзаларской волости находится въ западномъ углу уѣзда, въ смежности съ Бирскимъ и Уфимскимъ, съ землями, расхищенными Морозовыми, Тороторовымъ и Уткинымъ съ прочими. Набѣгъ Злоказовыхъ на эту дачу уже второй, — первый совершенъ Бунаковымъ, — и граничатъ эти благопріобрѣтенія только рѣчкою Юрузань. Зло-

казовъ собирался уже совершить купчую крѣпость, но слишкомъ медлилъ; въ ожиданіи этого его засталъ извѣстный запретительный законъ и дѣло лопнуло на вѣки. Но коммерсантъ свое возьметъ и арендой, благо для этого нѣтъ никакой узды. Дѣлай что хошь!

Винокуреніе и лѣсная торговля составляютъ главный промыселъ Злоказовыхъ, причемъ по первому кабаки и погребки раскинулись по всему Уралу, я видѣлъ ихъ даже въ Тагильскомъ заводѣ, гдѣ, какъ извѣстно, воцарился кабачный монополистъ Паклевскій-Козелъ и вѣроятно братья Злоказовы находятся у него въ ленномъ откупу.

Федоръ Алексѣевичъ состоитъ гласнымъ земствѣ отъ Златоуста и даже одно время предсѣдательствовалъ въ земской управѣ, но дѣятельность его ограничивалась только званіемъ предсѣдателя, такъ какъ его личная виноторговля и лѣсной промыселъ не позволяли заняться земскимъ дѣломъ.

Метаморфозы.

Мнѣ кажется, что ни въ одной губерніи не является столько крайностей, противоположностей и не происходитъ столько всевозможнаго рода метаморфозъ въ „землѣ и людяхъ“, какъ въ Уфимской. „Сила земли“ здѣсь громадная и „люди“, зависящіе отъ нея и притягиваемые ею, находятся на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ гражданственности: начиная отъ перваго сановника и кончая полудикимъ инородцемъ. Переходъ поземельной собственности или „земли“ изъ однихъ рукъ въ другія совершается здѣсь съ удивительною быстротой, а въ параллель съ нею мѣняются также скоро и „люди“. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ поземельныхъ сдѣлокъ совершалось только въ одной палатѣ до 400 ежегодно, да столько же, если не больше, въ быв-

шихъ уѣздныхъ судахъ. Перепродавались земли всякія: и помѣщичьи, и казенныя, и крестьянскія, но большинство все-таки относится къ *башкирскимъ*. И эти перемѣны какъ „въ землѣ", такъ и „въ людяхъ" такъ рѣзки, что когда мнѣ случалось проѣзжать по губерніи три раза, то трудно было узнавать тѣ мѣста, гдѣ былъ раньше. Губернія буквально перерождается, и между тѣмъ такой крупный фактъ изъ жизни края, остается не только не изученнымъ, но даже на него не обращаютъ вниманія, какъ будто это весьма обыкновенноа явленіе. Когда губернское земство, при производствѣ учета земель въ губерніи въ 1878 году, чрезъ землемѣровъ, производившихъ эту работу, вздумало нанести на уменьшенные ими планы дачъ новыя поселенія, то по губерніи таковыхъ набралось болѣе двухъ сотъ; но когда я, проѣзжая въ прошломъ году по губерніи, вздумалъ изъ любопытства пересчитать таковыя поселенія вновь, то насчиталъ ихъ около четырехъ сотъ, — количество, равняющееся любому уѣзду въ прежнемъ населеніи. Кажется, что можетъ быть крупнѣе этого явленія, а между тѣмъ оно осталось въ безъизвѣстности. Сплошь да рядомъ здѣсь встрѣчаются въ лѣсныхъ дебряхъ такія деревни, о которыхъ не только какая бы то ни было администрація губерніи не вѣдаетъ, но даже не знаютъ и въ волостныхъ правленіяхъ. Когда я спрашивалъ таковыхъ, сколько въ волости новыхъ поселеній, то не только не могъ получить подробныхъ свѣдѣній о числѣ дворовъ, душъ, земли и т. п., но даже не могли мнѣ отвѣтить и о количествѣ поселковъ. „Говорятъ, что есть на землѣ такого-то, а Богъ ихъ знаетъ гдѣ и какой" — вотъ одинъ стереотипный отвѣтъ. И это потому, что большая часть поселившихся — переселенцы изъ другихъ губерній, не перечисленные, живущіе часто безъ всякихъ видовъ по нѣскольку лѣтъ и лишь доставляющіе своимъ существованіемъ обильную жатву для всякаго рода эксплоататоровъ.

М. Г. К. ... им. А.

Теперь позволю себѣ передать впечатлѣнія, которыя я вынесъ во время объѣзда губерніи.

Въ первый разъ мнѣ случилось быть въ 1873 и 1874 гг. въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ, по лѣвую сторону рѣки Бѣлой, и въ Белебеевскомъ въ восточной части. Здѣсь я встрѣчалъ только безпредѣльныя степи, поросшія ковылемъ, да возлѣ рѣчекъ кочевки башкиръ. Лѣтомъ я часто плуталъ по этимъ степямъ, такъ какъ перемѣнять лошадей приходилось въ кочевкахъ, а не въ деревняхъ, въ коихъ во все лѣто нельзя было найдти ни одной души, а кочевки мѣнялись чрезъ каждыя двѣ недѣли. Это была совершенно дикая мѣстность. Въ ней я не встрѣчалъ ни одной русской души, даже русскаго слова, да и башкиры или совершенно не умѣли говорить по-русски, или же — и то рѣдкіе — весьма плохо. Итакъ, въ этотъ разъ, я кромѣ степи, кочевокъ и башкиръ ничего не встрѣтилъ.

Во второй разъ я посѣтилъ тѣ же мѣста въ 1877 и 1878 гг., т.-е. черезъ четыре года, но уже тутъ встрѣчалъ кое-гдѣ хутора и заимки переселенцевъ, и новыхъ помѣщиковъ, и часть распаханныхъ степей. Кочевки кое-гдѣ существовали, хотя выѣзжали въ нихъ только богатые башкиры, обладающіе большимъ количествомъ скота, бѣднота же преимущественно сидѣла въ деревняхъ или зимовкахъ,— кстати сказать,—въ избахъ, битыхъ изъ глины, мазанкахъ, и съ брухавицами въ окнахъ вмѣсто стеколъ, безъ крышъ, сѣней и другихъ необходимыхъ пристроекъ.

Въ третій же разъ я былъ въ 1881 году, т.-е. черезъ три года. Въ это время уже положительно нигдѣ не встрѣчалъ кочевокъ, хотя и хотѣлось ихъ посѣтить исключительно съ этнографическою цѣлью. На мѣстѣ кочевокъ теперь тѣснятся цѣлые десятки селъ и деревень, усадьбъ и хуторовъ. Все степное пространство засѣяно хлѣбами и на мѣстѣ серебристыхъ волнъ ковыля переливаются волнистыя

волны пшеницы. Подобная быстрая перемѣна меня крайне поразила; о степи, о кочевкахъ не было и помина. Башкиръ, который отощавъ, за зиму въ своей лачужкѣ, откармливался вмѣстѣ со своимъ скотомъ въ степяхъ и самодовольно любовался на свои необозримыя владѣнія, — теперь совершенно опустился, *отощалъ*, стада пораспродалъ, а частію Богъ прибралъ въ частые падежи; неумѣло принимается онъ за сабанъ и, кое какъ ковыряя свой *надѣлъ*, тихо, безъ ропота, вымираетъ. Русская рѣчь уже лилась тутъ свободно и башкиръ четко и ясно произносилъ фразу: *„Подайте Христа ради"!*.

Я говорилъ про свои впечатлѣнія только въ степной части Стерлитамакскаго и Белебеевскаго уѣздовъ, теперь же перейду къ другому углу губерніи, это—по правую сторону рѣки Бѣлой, Стерлитамакскаго, Уфимскаго да, по обѣ стороны рѣки Уфы, Бирскаго уѣздовъ. Если посмотрѣть на карту военно-топографическаго депо въ 10-верстномъ масштабѣ, слывущую подъ именемъ столистовой, то на названныхъ мѣстахъ можно видѣть пространство, покрытое зеленою краской, означающею лѣсъ. Карта эта составлена по съемкѣ, кажется, пятидесятыхъ годовъ или немного ранѣе. Такъ эти лѣса и были цѣлехоньки до начала 60-хъ годовъ. Но посмотрѣть на эти мѣста теперь въ натурѣ, то ихъ невозможно узнать: тамъ, гдѣ были дѣвственные лѣса, нынѣ поля; гдѣ были болота, тамъ луга; гдѣ была непроходимая глушь, теперь, черезъ каждыя пять верстъ, починки, села, хутора, пристани; гдѣ прежде не безопасно было отъ медвѣдей и ревъ ихъ постоянно раздавался по окрестностямъ, тамъ нынѣ не встрѣтишь и зайца... Однимъ словомъ—свѣтъ на изнанку!

И надъ всѣми описанными пространствами въ милліонъ и болѣе десятинъ господствуетъ кулакъ, грубый, невѣжественный, который истощаетъ лѣса и порабощаетъ населе-

віе. И эта общественная язва еще будетъ долго давать себя чувствовать!...

Но, кромѣ этого кулака-невѣжды, здѣсь народился новый кулакъ — цивилизаторъ, со всѣми орудіями знанія, силой и капиталомъ. Онъ весьма ловко обдѣлываетъ свои дѣлишки, забравъ въ руки земство и даже среднюю администрацію, не говоря уже о мелкой. Кулакъ этотъ достоинъ вниманія и о немъ придется говорить въ одномъ изъ слѣдующихъ очерковъ.

Изучать губернію для такихъ людей невыгодно и они всѣми силами стараются тормазить это дѣло, потому что тогда раскроются сами собой ихъ хитросплетенія и обнаружатся ихъ безобразія. А пока мутна вода, имъ покланяются и считаютъ ихъ за способныхъ, преданныхъ дѣлу, необходимыхъ и честныхъ дѣятелей.

Сила и право.

Въ обширной залѣ общественнаго клуба засѣдаетъ губернское земское собраніе. Происходятъ выборы губернской управы. Какъ извѣстно, это самый интересный день въ жизни земства, и потому публики набралась цѣлая масса. Всѣ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ слушали чтеніе записокъ. Предводитель дворянства, при водворившейся въ залѣ тишинѣ, громко читалъ имена кандидатовъ на должность предсѣдателя.

— Дашковъ... Дашковъ... Дашковъ...—произноситъ онъ.

Когда сосчитали голоса, то оказалось, что большинство предложило въ предсѣдатели управы Андрея Дмитріевича Дашкова, занимавшаго уже эту должность два трехлѣтія, съ открытія у насъ земства. Меньшинство же головертѣлось на Волковѣ, Останковѣ и Миклашевскомъ.

Послѣ обычнаго вопроса предсѣдателя собранія, желаетъ ли А. Д. баллотироваться, Дашковъ въ короткой рѣчи благодаритъ собраніе за довѣріе и присовокупляетъ, что будетъ баллотироваться только тогда, когда собраніе *оставитъ служить при немъ старую управу!*

Все это было сказано такимъ повелѣвающимъ, увѣреннымъ, хотя и взволнованнымъ тономъ (!), что всѣ буквально были поражены такимъ заявленіемъ, а собраніе гласныхъ только руками развело. Нашелся возразить лишь единственно гласный Останковъ, который указалъ, что г. Дашковъ, „приказывая“ собранію оставить старую управу, нарушаетъ права земцевъ, дарованныя „Положеніемъ“, что выбирать управу могутъ только совѣсть и убѣжденіе гласныхъ, а не „приказъ“ г. Дашкова, почему и предложилъ ему свои слова взять обратно. Дашковъ такъ и сдѣлалъ, но оставилъ за собою право отказаться отъ предсѣдательства въ случаѣ, если выберутъ „новую“ управу.

— Дѣло-то обработали!—какъ выразился одинъ изъ „неприкосновенныхъ“ къ дѣлу земскихъ мундирныхъ представителей, и выбрали, конечно, управу „старую“, существующую и до днесь.

На такой безцеремонный поступокъ г. Дашкова, высказанный открыто и „безъ обиняковъ“, при искреннемъ желаніи его оставить въ своихъ рукахъ „власть“, возможно было рѣшиться только съ полною увѣренностью, твердостью и надеждою. Иначе стыдъ и срамъ.... А эта увѣренность и надежда, конечно, основывались на большинствѣ сторонниковъ Андрея Дмитріевича или, какъ называютъ здѣсь, „партіи“. Да иначе и быть не могло.

Такое обстоятельство невольно наводитъ на размышленіе. Казалось бы страннымъ, почему г. Дашковъ имѣетъ у насъ въ земствѣ такой вѣсъ и значеніе, что „приказываетъ“ собранію что ему угодно. Въ особенности эта странность за-

мѣтна потому, что г. Дашковъ не имѣетъ здѣсь положительно никакихъ родственныхъ связей, происходитъ не изъ старинныхъ уфимскихъ дворянъ. Такъ почему же онъ пріобрѣлъ себѣ такую *большую и послушную партію?* Это тѣмъ болѣе странно, что мѣстное старое дворянство нэ только А. Д. не симпатизировало, но даже противодѣйствовало и составило оппозиціонную партію во главѣ съ покойнымъ предводителемъ Новиковымъ.

Въ общественномъ же мнѣніи симпатіи тоже не на сторонѣ Дашкова. Онъ извѣстенъ былъ еще по устройству своихъ крестьянъ въ Благовѣщенскомъ заводѣ, которые цѣлымъ селеніемъ въ 2.000 душъ переселились на казенныя земли въ Томскую губернію, и чтобъ уменьшить надѣлъ оставшихся, онъ возстановилъ *на бумагѣ* фиктивную межу двухъ смежныхъ своихъ дачъ: заводской и помѣщичей.

Вполнѣ очевидно, что, помимо высказаннаго, должна существовать еще причина, кроющаяся не въ такихъ мелочныхъ отношеніяхъ къ своимъ крестьянамъ.

Андрей Дмитріевичъ, какъ умный, образованный и къ тому же очень богатый и современный человѣкъ, не могъ, конечно, не уразумѣть, что поддержку въ нашемъ земствѣ нужно искать не въ родственныхъ традиціяхъ отживающаго боярства, а въ поддержкѣ экономическихъ принциповъ крупныхъ землевладѣльцевъ, нашихъ россійскихъ буржуа, каковыми здѣсь являются преимущественно скупщики башкирскихъ земель. Даже не только въ поддержкѣ принциповъ, но и самихъ землевладѣльцевъ и самыхъ земель, пріобрѣтенныхъ ими, такъ какъ послѣднія еще до сего времени составляютъ сомнительную собственность. А чтобы заявить себя въ этомъ направленіи буржуазной политики, такъ нужно было пріобщиться къ скупщикамъ еще заранѣе.

Пріобщеніе это заключалось въ слѣдующемъ. Въ 1875 году, въ которомъ здѣсь открыто земство, іюля 4 дня, за № 171,

совершается купчая крѣпость на продажу земли башкирами Кумрукъ-Табынской поземельной волости, Стерлитамакскаго уѣзда, статскому совѣтнику А. Д. Дашкову и купцу Өедору Семеновичу Софронову, въ количествѣ 15.000 десят., цѣною по 1 руб. за десятину. Это въ мѣстности, гдѣ одинъ дубъ оцѣнивался, при порубкахъ башкирами, по суду въ 50 и болѣе рублей.

Въ обществѣ объ этой покупкѣ ходятъ весьма разнообразные толки, о которыхъ я не считаю себя вправѣ умалчивать. Такъ, одни говорятъ, что покупка совершена только на имя Дашкова, что фактическій владѣлецъ—другой, Алексѣй Семеновичъ Софроновъ, дѣла котораго находятся въ конкурсномъ управленіи, и что г. Дашковъ своимъ именемъ только прикрылъ его имущество; другіе,—что А. Д. нужно было только объявить свою солидарность со скупщиками башкирскихъ земель и тѣмъ пріобщить себя къ „ихъ лику", чтобы потомъ въ открывающемся земствѣ имѣть ихъ поддержку, и что Өедоръ Семеновичъ предложилъ ему свои услуги; третьи, съ которыми и я согласенъ,—что эта покупка есть истинная, какъ значится въ крѣпостяхъ.

Дача Кумрукъ-Табынской волости расположена на сѣверѣ уѣзда, по обѣ стороны рѣки Инзеря и Басы, и заключаетъ въ себѣ 54 тысячи десятинъ, находящихся въ общемъ владѣніи 9 деревень. Хлѣбопашества въ этой дачѣ нѣтъ, вслѣдствіе суровости климата и гористаго лѣснаго мѣстоположенія, отчего населеніе здѣсь, исключительно башкиры, существовало скотоводствомъ, пчеловодствомъ, звѣроловствомъ и вело кочевой образъ жизни. Но въ послѣднее время весьма значительный и единственный для башкиръ заработокъ составлялъ лѣсной промыселъ, почти вытѣснившій остальные, и въ немъ-то главнымъ образомъ башкиры видѣли свое спасеніе.

Нечего и говорить, что всякій смышленый лѣсопромыш-

ленникъ надувалъ башкиръ и эксплоатировалъ самымъ безцеремоннымъ образомъ.

Такую-то мѣстность и выбралъ для покупки Анд. Дмит. купно съ Ѳед. Семен. Но оба названные владѣльца не принимали въ покупкѣ и во владѣніи землею никакого фактическаго участія даже до сего времени; они едва ли тамъ были хоть разъ, а всѣмъ дѣломъ орудовалъ Алексѣй Семеновичъ Софроновъ, человѣкъ испытанный, смѣтливый и ловкій. Этому Алексѣю Семеновичу гг. уфимскіе скупщики башкирскихъ земель должны воздвигнуть въ приличномъ сему мѣстѣ памятникъ, такъ какъ онъ первый открылъ путь въ башкирскую Калифорнію, купивъ въ 1865 году 600 десятинъ башкирской земли въ Уфимскомъ уѣздѣ. А съ его легкой руки и пошло, и пошло!...

Всякая покупка башкирскихъ земель начиналась составленіемъ приговора, въ которомъ прописывались тѣ условія, на какія согласились стороны, т.-е. продавцы и покупщики. Изъ этихъ условій въ настоящей покупкѣ интересны только два: во-первыхъ, изъ уплаты за землю 15.000 руб., 10.000 руб. *разсрочены* на 7 лѣтъ, по 1.428½ руб. въ годъ и, во-вторыхъ, назначена неустойка съ обоихъ сторонъ по 15.000 руб.

Право, нужно удивляться безцеремонности гг. покупщиковъ!... Неустойка относилась, конечно, прямо къ башкирамъ, чтобы хорошенько закрѣпить покупку, такъ какъ отказываться отъ таковой гг. Дашкову и Софронову было бы крайне не логично: покупать, расходоваться и потомъ отказаться, заплативъ 15 тыс. рублей неустойки. Это было бы сумашествіемъ! Я неописанно удивляюсь, какъ это гг. скупщики промахнулись въ томъ, что, на основаніи того же приговора, землю можно было заполучить даромъ! Не удивляйтесь, это очень просто. Если *заставили* башкиръ продать, то легко [illegible] заставить и отказаться, тѣмъ болѣе, какъ узнаемъ

послѣ, что это сдѣлать было весьма легко; а разъ бы башкиры отказались отъ продажи, то должны были бы заплатить неустойку. Платить нечѣмъ, единственное обезпеченіе— земля. И вотъ та же бы земля пошла въ продажу съ молотка на удовлетвореніе неустойки, а покупщиками явились бы тѣ же господа, и дѣло въ шляпѣ!

Въ первый разъ Софроновъ, пріѣхавъ въ Узунларову, пригласилъ старшину Аюпова къ себѣ въ гости; угощалъ виномъ, а онъ собралъ сходъ; но когда сходу было предложено продать землю, то старики разошлись и слушать не хотѣли. Тогда покупщики стали дѣйствовать иначе. Результатомъ сего было то, что на продажу изъявили согласіе, но только мало заинтересованныя деревни. Это долженъ бы вѣдать мировой посредникъ г. Падейскій, утверждавшій приговоръ, какъ ближайшій опекунъ башкиръ, но ему нужно было согласіе $^2/_3$ голосовъ домохозяевъ всей дачи, какъ написано въ законѣ, а интересы меньшинства трехъ деревень Аитмамбетевой, Узунларовой и Азовой, не составлявшихъ и $^1/_3$, были явно нарушены, да они и совершенно не соглашались на продажу. Они прикладывали къ приговору тамги (руки) не добровольно, вслѣдствіе насилія и угрозъ, а отъ старосты ихъ Росгулева буквально *требовали* созывать сходы и оказывать содѣйствіе къ продажѣ земли. Приложили они тамги свои потому еще, что держали ихъ на сходѣ 6 дней и они, „не имѣя чѣмъ прокормиться“ (сходъ былъ въ Архангельскомъ заводѣ, въ 25 верстахъ отъ ихъ деревень), наконецъ, сдались, тѣмъ болѣе, что ихъ увѣрили, будто земля все равно отойдетъ отъ нихъ, такъ какъ большинство $^2/_3$ состоялось уже. А башкиры дд. Тереклиной и Кизгиной говорятъ, что они согласились еще и потому, что получали карманныя деньги отъ 20 коп. до 1 руб. Душевые надѣлы были распредѣлены раньше, которыми башкиры и владѣли, но при продажѣ земли г. Дашкову стало

необходимымъ ихъ измѣнить. На это измѣненіе были не согласны цѣлыхъ 5 деревень и какъ утвержденъ приговоръ, это остается загадкой. На все это башкиры жаловались Падейскому, а потомъ въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, но жалобы ихъ оставались безъ послѣдствій.

Не знаю, получили ли башкиры за землю на руки сколько-нибудь денегъ, такъ какъ примѣры прочихъ покупокъ указываютъ противное. Такъ, напримѣръ, дворянинъ Давлеткильдеевъ и жена оренбургскаго муфтія Тевкелева заплатили на руки башкирамъ только по 1 фунту чаю и сахару за ревизскую душу; то же заплатили крестьянинъ Сушкинъ и Новиковъ, предводитель дворянства, но уже не за душу, а за тамгу; въ д. Кисандиной отъ Карташевскаго получили за тамгу (т.-е. каждый домохозяинъ, имѣющій право голоса на сходкѣ) наличными по $6^1/_2$ р. и на такую же сумму чаю.

Приговоръ о продажѣ земли Дашкову былъ составленъ въ 1874 г. 5 іюля, за № 9, а спустя годъ были совершена купчая крѣпость и вводъ во владѣніе. Этотъ промежутокъ объясняется тѣмъ, что три деревни Узунларова и другія были не спокойны: онѣ не желали разставаться съ землей, потому что она была имъ необходима, находилась въ $^1/_2$ верстѣ отъ ихъ деревень и заключалась въ лучшемъ сохранившемся лѣсѣ и единственныхъ лугахъ на лѣсныхъ полянахъ. Вотъ почему и медлили,—вѣроятно, думали, что по жалобамъ несогласныхъ не будетъ ли чего... Но ничего не было, а слѣдствія и дознанія начались уже много позже.

Какъ только была совершена купчая, то Алексѣй Софроновъ немедленно приступилъ къ эксплоатаціи дачи и въ 1876 г. вырубилъ 50 тысячъ деревъ на мочало и лубокъ, отъ котораго получилъ въ одинъ годъ болѣе 15 тысячъ рублей барыша, т. е. больше стоимости самой дачи! Столько же было выручено и за другой товаръ.

Узунларовцы съ другими башкирами были вполнѣ увѣре-

ны, что правда будетъ на ихъ сторонѣ, и преспокойно ходили съ топоромъ въ Дашковской дачѣ, вырубая что кому нужно. Доходили дѣла объ этихъ порубкахъ до мироваго судьи, но тотъ, говорятъ, оставлялъ виновныхъ „безъ примѣрныхъ наказаній“ на томъ простомъ основаніи, что Дашковская дача не была отмежевана (что весьма резонно). Нужно было, слѣдовательно, отмежеваться, для чего и сочинили полюбовную сказку; но какъ опять обошли въ этомъ дѣлѣ увунларовцевъ, трудно догадаться, такъ какъ по закону требуется согласіе на размежеваніе всѣхъ владѣльцевъ дачи.

Затѣмъ наступили для скупщиковъ башкирскихъ земель трудныя времена. Оренбургскій генералъ-губернаторъ Крыжановскій не могъ не возбудить дѣла о преслѣдованіи этихъ покупокъ вслѣдствіе тысячъ прошеній, указывающихъ на подлогъ, обманъ, насилія и т. п. Въ данномъ случаѣ Крыжановскому нужно отдать справедливость: онъ иногда пытался быть строгимъ, хотѣлъ уничтожить это зло, но дѣйствовалъ или не достаточно энергично, или не умѣлъ взяться за дѣло. Начали писать бумаги, стали ѣздить чиновники и пошло „на основаніи“ да „принимая во вниманіе“, „а потому“—и дѣло завязло.

Но все-таки скупщикамъ это событіе надѣлало массу хлопотъ, а изъ ихъ кармановъ вылетѣла не одна сотня тысячъ рублей.

Когда миновало „трудное“ время, г. Дашковымъ было приступлено, осенью 1881 года, къ межеванію, чрезъ состоящаго въ „его“ распоряженіи землемѣра межевой канцеляріи Траппера, спеціально опредѣленнаго для межеванія покупныхъ башкирскихъ земель вообще и въ частности земель г. Дашкова. Управляющій межевою частью не соглашался на откомандированіе казеннаго землемѣра въ распоряженіе земства, но это дѣло уладили.

Но воротимся къ прежнему. Трапперъ выѣзжаетъ на межу съ купцомъ А. Софроновымъ, понятыми, повѣренными и т. п. лицами, которымъ необходимо находиться на межѣ по закону. Но кромѣ ихъ въ компаніи находились два казачьихъ офицера и нѣсколько рядовыхъ казаковъ изъ стоявшаго въ то время въ Уфѣ полка. Алексѣй Семеновичъ, какъ дальновидный человѣкъ, вполнѣ понималъ, что межевка не обойдется безъ происшествія, что казаки въ мундирахъ и въ вооруженіи могутъ повліять на башкиръ своимъ воинственнымъ видомъ, и потому пригласилъ ихъ не на межу, а на медвѣжью охоту, иначе казаки не согласились бы. Разумѣется, выѣздъ на охоту совпалъ съ выѣздомъ на межу!

Лишь только компанія Траппера въѣхала въ дер. Узунларову, чрезъ которую лежалъ путь къ починному пункту, какъ башкиры, собравшіеся изъ нѣсколькихъ деревень, преградили дорогу. Стой!... Прежде они не вѣрили своей бѣдѣ, а тутъ она явилась уже воочію. И вотъ среди деревни началась баталія... Башкиры поколотили Траппера съ компаніей и отняли ружья у казаковъ. Самъ Трапперъ насилу убралъ ноги и то, какъ онъ самъ говорилъ, не по дорогѣ, гдѣ хотѣли его убить, а на плоту внизъ по рѣкѣ Инзерю. Это происходило 23 сентября 1881 года.

Дѣло объ этомъ „бунтѣ“ разбиралось въ уфимской палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда 14 іюня 1882 года и башкиры присуждены приговоромъ палаты къ слѣдующимъ наказаніямъ: бывшій староста Аитмамбетевскаго сельскаго общества, башкиръ д. Азовой, Файзулла Расулевъ и указный мулла той же деревни (онъ проповѣдывалъ „бунтъ“ въ мечети и башкиры клялись тамъ передъ Кораномъ), Файзулла же Расулевъ, къ заключенію: первый—въ исправительныя арестантскія отдѣленія на $3^1/_2$ года, а второй—къ заключенію въ рабочемъ домѣ на $3^1/_4$ года, оба съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ; башкиры дер. Узунла-

ровой Гайнеевъ, Гизитовъ и Юломановъ: первый — въ арестантскія отдѣленія на $2^3/_4$ года, второй—въ рабочій домъ на тотъ же срокъ, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, и третій, какъ несовершеннолѣтній, къ заключенію въ тюрьмѣ на $1^1/_4$ года; башкиры той же деревни: Габитдиновъ, Файзуллинъ и уволенный въ запасъ арміи рядовой Годыша Файзуллинъ—къ тюремному заключенію на полгода каждый.

За 8 дней до объявленія приговора, т. е. 6 іюня 1882 года, Трапперъ снова приступилъ къ отмежеванію дачи и для содѣйствія ему явились уже не казаки-охотники, а мѣстный уѣздный исправникъ Бородинъ съ понятыми изъ русскихъ сосѣднихъ селеній крестьянъ, полицейскими урядниками, сотскими и десятскими. Собралась такимъ образомъ цѣлая административная армія! Тотчасъ по ихъ пріѣздѣ, на улицѣ д. Аитмамбетевой собралась большая толпа народа изъ жителей этой деревни и сосѣдней съ нею д. Азовой. Толпа запрудила улицу и не позволила понятымъ идти на мѣсто работы. На увѣщаніе исправника разойтись толпа отвѣчала криками и угрозами убить каждаго, кто только осмѣлится идти въ ихъ дачу. Попытка арестовать наиболѣе буйствовавшихъ осталась безъуспѣшна, такъ какъ арестованные были толпою тотчасъ же вырваны „изъ рукъ исправника". Бывшаго при послѣднемъ урядника Киселева кто-то изъ толпы ударилъ палкою такъ сильно, что тотъ едва устоялъ на ногахъ. Приглашенные въ понятые были выгнаны изъ деревни.

По приговору палаты, 18 февраля 1883 года, изъ 130 человѣкъ обвиняемыхъ 10 башкиръ приговорены къ отдачѣ въ исправительное арестантское отдѣленіе на 1 годъ каждый, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ, 1 въ рабочій домъ съ тѣми же послѣдствіями, 16 въ тюрьму на 4 мѣ-

сяца, 1—на одинъ мѣсяцъ, 19—аресту при полиціи на три недѣли, остальные оправданы.

Такимъ образомъ, по двумъ процессамъ всѣхъ обвиненныхъ было 55 человѣкъ, которые и отбываютъ свое наказаніе, а сколько было всего привлекаемо на судебныя слѣдствія, дознанія и т. п., сколько высидѣло въ острогахъ, тюрьмахъ, кутузкахъ, холодныхъ и т. п. учрежденіяхъ во время производства слѣдствія и суда!... Можетъ-быть пострадали бы еще многіе, но два раза повторившееся сопротивленіе башкиръ заставило губернскую администрацію, во главѣ съ бывшимъ губернаторомъ Щепкинымъ, обратить серьезное вниманіе на положеніе этого дѣла.

Отъ Траппера были отобраны всѣ дѣла и документы и пересмотрѣны вновь въ губернскомъ правленіи, такъ какъ по жалобамъ башкиръ явилось сомнѣніе въ „дѣяніяхъ" г. Траппера. Оказалось, что сказка составлена незаконно и подписана повѣренными отъ башкиръне уполномоченными на это, т.-е. такими лицами, которыя были еще при совершеніи приговора и купчей крѣпости облюбованы г. Софроновымъ, да оказалось, что Трапперъ не объявлялъ башкирамъ о межеваніи, и другое... Дѣло пошло въ сенатъ и послѣдній полюбовную сказку *уничтожилъ*. Хорошо, что хоть въ будущемъ башкиры могутъ быть спокойны; но, спрашивается, за что пострадали тѣ, которые и теперь сидятъ въ тюрьмахъ? Не мѣшало бы по крайней мѣрѣ губернской администраціи хорошенько приняться за всѣхъ тѣхъ „дѣятелей", вслѣдствіе злоупотребленій которыхъ возникаютъ подобныя возмутительныя дѣла. По крайней мѣрѣ была бы хоть острастка для другихъ...

Пѣсню эту можно бы и дальше протянуть, но думаю, что и эти факты могутъ служить прекрасною иллюстраціей нашихъ поземельныхъ отношеній и распространеніе нѣкоторыми гг. хищниками взгляда на башкиръ, какъ на жажду-

щихъ крови и мщеній, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики; они ищутъ въ сопротивленіяхъ властямъ только возстановленія своихъ нарушенныхъ законныхъ правъ.

Лѣсоистребитель.

Самымъ крупнымъ лѣсоистребителемъ въ Уфимской губерніи нужно признать вятскаго 2 гильдіи купца Артемія Дмитріевича Лаптева, спеціалиста своего дѣла въ полномъ смыслѣ слова. Оголивши лѣса Костромской (на Ветлугѣ), Пермской (на Чусовой и Бую), Вятской и Уфимской губерній, А. Д. передвинулъ свою дѣятельность и на сѣверозападную часть Оренбургской. Его плоты ежегодно въ теченіе всей навигаціи плывутъ по рѣкамъ Бѣлой, Камѣ и Волгѣ и дѣятельность по лѣсной торговлѣ имъ доведена до совершенства. Его лѣсныя конторы и склады имѣются во всѣхъ главныхъ волжскихъ пристаняхъ: въ Саратовѣ, Царицинѣ, Астрахани, даже на Донскихъ пристаняхъ,—кругъ дѣятельности, слѣдовательно, обхватываетъ всю юго-восточную окраину Россіи. Благодаря громадному оборотному капиталу, Лаптевъ имѣетъ возможность выжидать лучшихъ цѣнъ и потому барыши получаются самые большіе.

Какъ видно, Лаптевъ особенно любилъ башкирскіе лѣсочки, потому что вырабатывать изъ владѣльческихъ дачъ слишкомъ дорого, а тутъ съ башкирами можно вести дѣла практично, можно имъ платить и чаемъ, и сахаромъ, и сальными свѣчами, и ситцемъ гнилымъ, и мукой съ душкомъ и т. п. необходимыми въ домашнемъ обиходѣ башкира продуктами, ставя все въ двойную и даже въ тройную цѣну, да и самый товаръ, поставляемый ими изъ своихъ дачъ, тоже вдвое дешевле, такъ что послѣдній приходится коммерсанту всего за четверть цѣны. Такъ поступаютъ здѣсь

положительно всѣ лѣсопромышленники и Лаптева, конечно, исключать нечего.

Я сказалъ, что Артемій Дмитріевичъ близко стоялъ къ башкирскимъ дачамъ, и потому общій соблазнъ семидесятыхъ годовъ, или какъ уже начали называть здѣсь не соблазнъ, а *болѣзнь*, не минулъ и его, и ему захотѣлось „урвать" клокъ башкирскихъ лѣсовъ.

Не долго думая, А. Д. „снаряжаетъ въ походъ" и уполномочиваетъ довѣренностью сына своего Романа Артемьевича, который въ сентябрѣ 1875 г. прибылъ въ Гирей-Кипчатскую волость, стерлитамакскаго уѣзда, и предложилъ башкирамъ продать довѣрителю его 10.000 десятинъ лѣса. Для того, чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, Романъ Артемьевичъ пригласилъ съ собою еврея Кроль, опытнаго въ этомъ дѣлѣ практиканта, испробовавшаго свои способности по этой части факторствомъ по покупкѣ земли у настоящихъ же башкиръ купцамъ-петербуржцамъ, Фридланду и Комарову. Онъ имѣлъ уже на своей сторонѣ и прекрасно зналъ всѣхъ „горлохватовъ" и „міроѣдовъ" изъ гирей-кипчатцевъ и потому службу сослужить могъ вѣрную. Собрали сходъ. На немъ свою миссію покупщики начали рѣчью, въ которой объяснили башкирамъ, что въ скоромъ времени въ Уфимской губерніи предстоитъ введеніе земства и что съ этимъ всѣ земли будутъ обложены большимъ земскимъ сборомъ; а такъ какъ у вотчинниковъ земли очень много, 114,000 десят., то за нее придется платить земскаго сбора громадную сумму. Башкиры не въ состояніи платить этотъ сборъ и тѣмъ будутъ принуждены если не вовсе отказаться отъ излишнихъ земель, то продать ихъ за безцѣнокъ; что они, покупатели, хотятъ ихъ избавить отъ этого, хотя и немного... О, благодѣтели рода человѣческаго!!...

Этимъ вступленіемъ Лаптевъ ударилъ въ самое больное

мѣсто; башкиры вѣдали, что сосѣдніе съ ними единоплеменники юрматынцы и бушманъ-кипчатцы уже предложили казнѣ 57,000 десятинъ за недоимки. Къ тому же нѣкоторые изъ вліятельныхъ башкиръ (сирѣчь горлохваты), обольщаясь щедрыми вознагражденіями, стали уговаривать толпу къ продожѣ.

Послѣ долгихъ споровъ между башкирами состоялось наконецъ соглашеніе. Изъ приговора на 16-е сентября видно, что башкиры продали Лаптеву 10 тысячъ десятинъ по 60 коп. съ тѣмъ, что если будетъ больше, то Лаптевъ за излишекъ долженъ доплатить по 1 р. за десятину, если меньше, то вотчинники не обязаны прирѣзывать, а въ случаѣ отказа отъ продажи, назначена неустойка съ каждой стороны по 12 тысячъ руб.; кромѣ того, башкиры настояли, чтобы вотчинникамъ д. Ново-Сеитовой и Кулгиной дозволено было пользоваться построенными на продажномъ участкѣ кочевками со съемкою сѣна, лубьями, драньемъ и лѣсомъ, требующимся для ремонта и постройки кочевокъ *), валежникомъ и сухостойными дровами для отопленія кочевокъ, и пользованіе этими преимуществами должно перейти и потомству ихъ.

Свидѣтельство приговора мировымъ посредникомъ было произведено 1 октября (чрезъ 14 дней), а купчая крѣпость совершена 14 октября 1875 года, за № 76. Въ ней границы и урочища описаны болѣе чѣмъ туманно, а именно: „начиная отъ межи генеральнаго межеванія рѣчки Нугуша, составляющей живую межу между дачами Карагай-Кипчатской—Бурзянской—Тангаурской волостей дер. Махмутовой съ деревнями, при устьѣ впаденія въ оную первой рѣчки по теченію Нугуша отъ д. Новой Сеитовой, Боль-

*) Здѣсь башкиры кочуютъ не въ войлочныхъ кибиткахъ (кошахъ), а въ постоянныхъ маленькихъ клѣткахъ изъ дерева, въ видѣ избушекъ, безъ полу и потолка, крытыхъ драньемъ. Крайне незатѣйливое зданіе.

шаго Кудаша, по линіи значущейся по плану генеральнаго межеванія подъ румболомъ ZW: 22° мѣрою 2.560 саженъ, отсюда идти этою межею внизъ означенной рѣчки Нугушъ до поворота линіи ZW: 69 $^1/_2$° мѣрою 970 саж. и NW: 28° мѣрою 3.180 саженъ, отсюда поворотить вправо одною прямою линіею на столбъ 9 верстъ отъ д. Кулчиной по большому тракту, лежащему изъ города Стерлитамака въ г. Верхнеуральскъ, отъ этого столба поворотить вправо прямою линіею на столбъ того же тракта 13 верстъ отъ нижеписанной д. Кулгиной, а отсюда поворотить вправо тоже одною прямою линіей до первоначальнаго пункта, на устьѣ впаденія рѣчки Большаго Кудаша въ рѣчку Нугушъ".

Совершивъ крѣпь, Лаптевъ постарался, чтобы въ нее не включить тѣ особыя условія о кочевкахъ, подъ тѣмъ видомъ, что будто бы допущеніе такихъ условій въ купчей невозможно. Башкиры начали приставать къ нему, чтобъ онъ обезпечилъ ихъ права, и вотъ въ удостовѣреніе этого Лаптевъ наконецъ согласился выдать особые договоры 30 сентября 1875 года и 3 января 1876 года.

Совершили крѣпь, нужно и отмежеваться, и черезъ 10 дней, т.-е. 23 октября, совершается полюбовная сказка. Такимъ образомъ все дѣло юридически и практически обдѣлали въ одинъ мѣсяцъ, за одинъ пріемъ.

Вскорѣ башкиры „очухались", что застращиваніе громадными земскими налогами есть ни больше, ни меньше какъ *сбманъ*, потому что впослѣдствіи налоги оказались вовсе не такъ велики, чтобы не въ состояніи платить ихъ; затѣмъ обнаружилось, что башкиры не имѣли права продавать земли, потому что душевые надѣлы вотчинникамъ еще не отведены въ натурѣ и башкиры не получили свидѣтельства, требуемаго закономъ, о свободной къ продажѣ землѣ, да и приговоръ о самой продажѣ Лаптеву подписали 5 человѣкъ, не бывшіе на сходѣ, а 2 хотя и были, но не подписыва-

ли, какъ оказалось по дознанію члена уфимскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

Лаптевъ, крѣпко утвердившись въ участкѣ, вскорѣ „показалъ“ себя башкирамъ. Весною 1879 года башкиры, выработавъ изъ своей лѣсной дачи 273 бревна, сплавили по рѣкѣ Бѣлой для доставки по подряду; но бревна эти, при содѣйствіи становаго, арестовали, на томъ основаніи, что будто бы бревна были выбраны и выработаны въ дачѣ Лаптева, хотя послѣдній и не могъ этого доказать.

Далѣе. Въ силу договоровъ 30 сентября и 3 января, которыми предоставлялись преимущества вотчинникамъ, Лаптевъ вмѣсто того, чтобы выполнять свои обязательства въ этомъ отношеніи, совершенно отказалъ кулгинцамъ и новосеитовцамъ тѣми выгодами и самъ построилъ разныя строенія на кочевныхъ мѣстахъ и разрушилъ у кулгинцевъ 12 кирпичныхъ ямъ для сидки дегтя.

Кромѣ того, при отграниченіи душевыхъ надѣловъ, вопреки желанія вотчинниковъ, имъ досталась совершенно неудобная и каменистая земля и участокъ Лаптева оказался въ $1^1/_2$ верстѣ отъ Ново-Сеитовой; удобная же земля, которую сеитовцы требовали себѣ, включена въ участокъ Лаптева. Когда же кулгинцы и ново-сеитовцы стали возражать противъ этого, то на нихъ взвели преступленіе и обвиняемые были арестованы, хотя обвиненіе и не было доказано.

Здѣсь является весьма важнымъ еще одно обстоятельство. Для отвода душевыхъ надѣловъ былъ командированъ въ Бушманъ Кипчатскую дачу землемѣръ межеваго корпуса Лавровъ. Послѣдній для обхода Лаптевскаго участка выѣхалъ на межу не самъ, а послалъ своего помощника, совершенно частное лицо, какого то татарина. Но такъ какъ это частное лицо, не отвѣчающее за свои работы ничѣмъ, зашло въ дачу башкиръ, то они и попросили его удалиться съ межи.

Это сочтено было за бунтъ, за „сопротивленіе властямъ“ и нѣкоторыхъ башкиръ за арестовали.

Это событіе объясняется тѣмъ, что урочища по приговору башкиры принимали одни, а Лаптевъ другія. Вотъ почему я подробно и описалъ границы по купчей крѣпости.

Это обстоятельство, въ свою очередь, совпадаетъ съ тѣмъ, что на хуторѣ Лаптева произошелъ пожаръ, въ который сгорѣли всѣ документы находящіеся у Лаврова не только по Бушманъ-Кипчатской дачѣ, но и по многимъ другимъ. Пожаръ этотъ случился такъ. Лавровъ уѣзжаетъ съ хутора съ помощникомъ на межу и флигель Лаптева, гдѣ квартировалъ Лавровъ загорѣлся. Этотъ флигель стоилъ много, много сто рублей, и потому жалѣть его было нечего. На пожаръ прибѣжали было нѣкоторые башкиры, находившіеся въ то время на хуторѣ и хотѣли затушить или же спасти документы и имущество землемѣра, но ихъ недопустили до этого и даже, какъ говорятъ обнаружено слѣдствіемъ или дознаніемъ, что ихъ отбивали рычагами. Такимъ образомъ всѣ необходимые *концы* сдѣлались жертвою пламени.

Несмотря на возраженія башкиръ непремѣнному члену, на отводъ неудобныхъ душевыхъ надѣловъ, чему способствовалъ изъ личныхъ своихъ интересовъ ихъ повѣренный Сулеймановъ, „членъ *никакого удовлетворенія недалъ*“.

Башкиры, не имѣя защиты отъ ближайшаго начальства, стали жаловаться генералъ-губернатору Крыжановскому и сенатору Ковалевскому на бездѣйствіе властей и объ уничтоженіи купчей, причемъ прибавили, что при медленности исполненія въ недалекомъ будущемъ лѣсная дача „превратится въ дикія скалы“, такъ какъ Лаптевъ ежегодно быстро истребляетъ красный лѣсъ и сплавляетъ его въ низовыя губерніи, что всѣ надѣлы, отведенные непремѣннымъ членомъ, неудобные, все вырубленные лѣса, а тамъ, гдѣ лѣсъ со-

хранился, попали къ Лаптеву, почему и просили отмѣнить всѣ распоряженія непремѣннаго члена.

Результатомъ просьбъ было дознаніе, а потомъ объявили Лаптеву, что если онъ не согласится на уступку земли изъ своей дачи въ надѣлъ сеитовцамъ, то будетъ возбуждено судебное преслѣдованіе объ уничтоженіи купчей крѣпости. Лаптевъ, конечно, согласился; землю ему отмежевали и купчую признали правильной.

Но теперь остается открытымъ вопросъ относительно кочевокъ и другихъ льготъ вотчинниковъ, и это тѣмъ болѣе важно, что для башкиръ кочевки—насущная необходимость: онѣ доставляютъ имъ единственную возможность кормить и водить по лѣтамъ скотъ и гораздо важнѣе, чѣмъ самая дача. Нужно въ заключеніе замѣтить, что дача Гирей-Кипчатской волости расположена на границѣ Верхнеуральскаго уѣзда, на самомъ хребтѣ Урала; хлѣбопашество въ ней немыслимо, да имъ и не занимаются; лѣса, когда-то великолѣпные сосновые боры, теперь вычищены, а не въ далекомъ будущемъ, при содѣйствіи, конечно, Лаптева, останется объ нихъ только воспоминаніе; пчеловодство и звѣроловство—пропитаніе для всѣхъ не составятъ, слѣдовательно средство къ существованію единственное можетъ доставлять скотоводство, которое башкиры вели на кочевкахъ среди лѣсовъ; эти мѣста, лучшія, попали къ Лаптеву, вотъ почему вотчинники и хлопотали и стояли за нихъ такъ крѣпко, а тутъ ихъ обманываютъ, что же послѣ этого должны они дѣлать?

Уфимскій Крезъ.

Самою неприглядною и безобразною покупкою башкирскихъ земель, стоящею по своимъ прелестямъ наравнѣ съ Уткинско-Фоковскими, нужну признать и покупку, совер-

шенную уфимскими купцами Корниломъ Аверьяновичемъ Морозовымъ съ Ѳедоромъ Егоровичемъ Чижовымъ у башкиръ Булекей-Кудейской волости Уфимскаго уѣзда.

Съ Морозовымъ мы уже знакомы (смот. „Уфимскій Колупаевъ-Дурновъ“). Ѳедоръ же Егоровичъ считается въ Уфѣ первымъ Крезомъ. Начавши свою карьеру съ мальчика-прислужника въ конторѣ Катавскихъ заводовъ князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, онъ постепенно проходилъ цѣлый рядъ должностей по заводскому управленію, когда по „силѣ рока“ ему было суждено взять поставку издѣлій Катавскихъ заводовъ до Нижняго. Наживая ежегодно отъ этой поставки десятки тысячъ рублей, онъ переѣхалъ потомъ въ Уфу, началъ скупать башкирскія земли, завелъ широкую лѣсную торговлю и зажилъ паномъ,—забралъ въ свои руки городское самоуправленіе и потихоньку ворочаетъ дѣлами по своему благоусмотрѣнію. Занимая обязанность гласнаго думы и уѣзднаго собранія, Чижовъ не проявляетъ особенно явнаго участія, а ограничивается только подпольнымъ давленіемъ и играетъ въ руку городскому головѣ Волкову, въ благодарность послѣднему, какъ адвокату по своему одному дѣльцу. Занимая, далѣе, обязанности по финансовымъ и благотворительнымъ уфимскимъ учрежденіямъ, Чижову, безъ сомнѣнія, въ скоромъ времени Уфа преподнесетъ „почетное гражданство“ свое, на которое она такъ расточительна. Но оставимъ это и перейдемъ къ дѣлу.

Дача Булекей-Кудейской волости, имѣющая 178.195½ десятинъ, подвергалась нашествію шайки, съ Морозовымъ во главѣ, нѣсколько разъ. Нужно замѣтить, что Морозовъ для Уфимскаго уѣзда составлялъ то же, что для Бирскаго Уткинъ. Такъ что въ результатахъ нашествій было исчезновеніе ни много, ни мало, а 95 тысячъ дес. Дача эта расположена въ сѣверной части Уфимскаго уѣзда, по обѣ стороны рѣки Уфы, на границѣ съ Бирскимъ и Златоустов-

скимъ уѣздами, составляетъ собою не только отдѣльную волость поземельную, но и административную. Въ ней, въ части, прилегающей къ горнозаводской Симской дачѣ гг. Балашовыхъ, въ горахъ, покрытыхъ дѣвственнымъ, почти непроходимымъ лѣсомъ, имѣются богатыя и громадныя залежи разныхъ рудъ. Говорятъ, что есть и золото, и Морозовъ назвалъ одинъ изъ своихъ участковъ „золоторазсыпной". Очень часто дѣлаетъ своеобразныя, по его мужицко-кулацкому способу, разслѣдованія, но обрѣлъ ли что—не знаю.

Такъ какъ дача Булекей-Кудейская удалена отъ центровъ населенія городовъ (сто верстъ отъ Уфы), окружена своими же единоплеменниками, да и расположена за горами, за лѣсами, такъ что условія самой природы какъ бы способствовали тому, что башкиры остались почти дѣвственно-нетронутыми, какъ бы полудикарями, такъ и оставались до 1870-хъ гг. Теперь, въ какія-нибудь 15 лѣтъ, башкиры много измѣнились, голодъ заставилъ ихъ образумиться, но все еще они дикари и, безъ сомнѣнія, дикарями и вымрутъ,—пѣсенка ихъ спѣта.

На такую-то мѣстность и „накинулись" наши незабвенные любители башкирскихъ землицъ.

Опишемъ пока общій ходъ дѣла.

По приговору 30 октября 1872 года башкирами Булекей-Кудейской дачи запродано Чижову и Морозову 7.000 десятинъ съ тѣмъ, что если будетъ земли въ извѣстныхъ урочищахъ больше или меньше, то прирѣзки и отрѣзки не дѣлать, и плата разсрочена на 8 лѣтъ; неустойка назначена 15.000 рублей. Изъ купчей же крѣпости, совершенной въ Уфимской палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда 28 февраля 1873 года за № 59, видно, что земля продана за 21.000 рублей въ слѣдующихъ границахъ: начиная отъ межеваго столба близъ Бедеевскаго перевоза идти Бедеевскою и Быково-починовскою межами къ рѣкѣ Усѣ, внизъ по теченію

этой рѣки до Минской межи до рѣки Уфы, оттуда вверхъ по теченію рѣки Уфы *лѣвымъ берегомъ* до починнаго пункта.

Но рядомъ съ купчей въ тотъ же день покупщики выдали башкирамъ на эту землю закладную за № 60 въ томъ, что купленная земля заложена имъ на 8 лѣтъ за 30000 р. Очевидно, что тутъ какой-то „фортель", но въ чемъ онъ заключается, составляетъ не рѣшенную для меня задачу. По всей вѣроятности, при совершеніи купчей башкирамъ не дано ни гроша и дача, слѣдовательно, просто покуда пріобрѣтена даромъ...

Теперь аксессуары.

Дознаніемъ и формальными слѣдствіями вполнѣ обнаружено слѣдующее. Осенью 1872 года башкиры были собраны на сходъ въ деревню Ново-Кулеву, гдѣ имъ прочитали заранѣе приготовленный приговоръ о продажѣ. Удивительно, какая предупредительность! Приговоры и по закону, и по обычаю пишутся прямо на сходѣ, какъ результатъ разсужденій и постановленій, а тутъ прямо „изготовили",—только подписывайся и дѣлу конецъ.

Приговоръ этотъ написанъ о продажѣ Морозову и Чижову 20.000 десятинъ, находящихся въ двухъ участкахъ; первый въ 7.000 дес. за рѣкой Уфой, на который совершена купчая, а другой въ 13.000 дес. по рѣкѣ Салдыбашу, находящійся въ арендномъ содержаніи у крестьянина-кулака Яркина, и предполагалось уступить покупщикамъ арендную плату съ Яркина до окончанія имъ срока аренды въ 1884 году, но на этотъ участокъ и не совершена поэтому купчая.

Нѣсколько человѣкъ башкиръ подписали приговоръ этотъ, но остальные на такую продажу не согласились, такъ какъ предположенный къ продажѣ первый участокъ входитъ въ душевой надѣлъ вотчинниковъ, а второй—въ арендѣ, и арендную плату они передавать покупщикамъ не желаютъ.

Поднялись шумъ, крики, толкотня, драка.

Старшина съ писаремъ струсили и первый, Баишевъ, приговоръ разорвалъ у всѣхъ на глазахъ.

Сходъ распустили и дѣло затихло.

Но вотъ 30 октября того же года о томъ же былъ изготовленъ новый приговоръ, опять безъ участія схода, и мировой посредникъ Дмитрій Васильевичъ Нагаткинъ негаданно пріѣхалъ въ деревню Щиды повѣрять этотъ приговоръ. Поднялся опять шумъ, драка, башкиры-старики объяснили посреднику причину несогласія и выпроводили его изъ своей деревни. Нагаткинъ переѣхалъ въ деревню Исаеву, и здѣсь оказалось то же, причемъ сталъ въ такое положеніе отъ трусости и страха, что самъ же объяснилъ вотчинникамъ, что „приговоръ этотъ дѣйствительно фальшивый“ и что онъ броситъ это дѣло.

Этотъ „Нагаткинскій“ способъ составленія и собиранія подписей путемъ разъѣздовъ по домамъ вотчинниковъ, а также и способъ повѣрки достойны вниманія. Здѣсь вполнѣ рельефно обнаружилась та роль, которую онъ принялъ на себя по причинамъ, не имѣющимъ письменныхъ доказательствъ,— роль повѣреннаго и ходатая покупщиковъ, которую играли также и другіе мировые посредники.

Несмотря на несогласія башкиръ и на тотъ пріемъ, который они оказывали Нагаткину въ деревняхъ, послѣдній все-таки не „угомонился“ и въ ноябрѣ опять пріѣхалъ въ волостное правленіе въ дер. Кулевой и засвидѣтельствовалъ тотъ же приговоръ, который самъ же называлъ фальшивымъ.

Во время этой повѣрки старики послали башкира Кучербаева, волостнаго судью, доложить Нагаткину, что приговоръ, который хочетъ онъ повѣрять, фальшивый, и опять заявить объ арендныхъ деньгахъ за Яркинскій участокъ, но мировой посадилъ его за это подъ арестъ въ баню, а обществу сказалъ, что „кто потачку дастъ и слушать станетъ

смутьяновъ, того онъ въ Сибирь можетъ сослать!" На башкира же д. Исаевой, Юсупа, при подписи приговора подъ страхомъ Сибири, старшина Баишевъ указалъ посреднику, какъ на кляузника, а также и на нѣкоторыхъ другихъ, которыхъ всѣхъ послѣ подписи препроваживали въ кутузку и Нагаткинъ заявлялъ имъ, „чтобы не смѣли ѣздить въ городъ съ жалобой; а кто будетъ кляузничать, того въ острогъ посадитъ!"

На основаніи этого приговора и была совершена впослѣдствіи купчая, а одновременно съ нимъ былъ составленъ другой приговоръ о замѣнѣ прежнихъ душевыхъ надѣловъ, которымъ суждено существовать только на бумагѣ, а не въ натурѣ, какъ требуетъ законъ.

Въ числѣ учавствовавшихъ на сходѣ и подписавшихъ приговоръ показаны: 11 человѣкъ умершихъ ранѣе составленія приговора, 25 малолѣтнихъ такихъ, которымъ во время составленія приговора было отъ 6 до 10 лѣтъ, 31 неимѣющіе своего хозяйства, а слѣдовательно—и права голоса на сходѣ, 9 неимѣющихъ того же права по дурному поведенію и подсудности, 4 записаны вдвойнѣ и 1 солдатъ находящійся въ службѣ. Всего 81 человѣкъ! И это оказалось послѣ повѣрки приговора Нагаткинымъ, который удостовѣрилъ, что всѣ подписи вѣрны и подписаны самими башкирами.

Весьма очевидно, что произведенная имъ повѣрка была пустая формальность, да иначе и быть не могло: всѣ торопились, чтобы поскорѣе провести эту церемонію...

По приговору 30 октября предназначена была къ продажѣ, за душевымъ надѣломъ, земля 20 тысячъ десятинъ, за 45 тысячъ рублей и, какъ сказано было раньше, въ двухъ участкахъ. Границы перваго участка „Соколиной Горы" первоначально были описаны такъ: „начиная отъ устья рѣчки Салдыбаша, идти Бедеевской межей до межи Быко-

ва починка, отсюда внизъ по рѣкѣ Уфѣ до межи Минской волости къ межѣ Каргинской и потомъ *вверхъ по теченію* рѣки Уфы *правымъ* берегомъ до починнаго пункта". и А потомъ границы эти послѣ подписи башкиръ и свидѣтельства поправлены слѣдующимъ образомъ: „идти отъ перевоза Бедеевской межей до межи Быкова починка, отсюда по рѣкѣ Уфѣ до межи Минской волости и потомъ *вверхъ рѣки* Уфы *лѣвымъ* берегомъ до починнаго пункта". Тутъ, какъ видите, произошло какое-то смѣшеніе языковъ: лѣвый и правый, правый и лѣвый! По смыслу купчей и приговора выходитъ, что рѣка Уфа попала Морозову и Чижову съ обѣими берегами! Только это и нужно было, чтобы вытѣснить башкиръ отъ воды...

Но такъ какъ по этому приговору продавался еще и участокъ, находящійся въ арендѣ у Яркина, который башкиры обязались не продавать до окончанія срока, то Нагаткинъ въ концѣ января 1873 года пріѣзжалъ въ деревню Ново-Кулеву составлять новый приговоръ на продажу все той же земли. Хотя вышло и странно, что на одну и ту же землю составляется новый приговоръ, но это вышло потому, что палата отказала въ совершеніи купчей на Яркинскій участокъ и вѣроятно по совѣту спеціалистовъ скупки башкирскихъ земель, чтобъ укрѣпить этотъ участокъ, необходимо было составить другой приговоръ, въ которомъ нужно было оговорить такъ, чтобъ этотъ участокъ не вырвался изъ рукъ. Для сего Нагаткинъ прожилъ въ Кулевой два дня. Опять собирали сходъ, и хотя до 30 человѣкъ подписались, но остальные не согласились. И этотъ третій уже приговоръ до засвидѣтельствованія его пропалъ изъ стола волостнаго правленія писаря Иванова со взломомъ замка, о чемъ производилось судебное слѣдствіе, и чѣмъ оно кончилось—неизвѣстно. По всей вѣроятности, тутъ замѣшали „кляузниковъ", „смутьяновъ" и другихъ несогласныхъ на продажу башкиръ. Вѣдь нужно же

оправдать Нагаткинскія слова, что онъ сошлетъ въ Сибирь!

Въ февралѣ мѣсяцѣ для разслѣдованія о пропажѣ привора пріѣхалъ въ Ново-Кулеву бывшій уфимскій исправникъ Матрохинъ и объявилъ, что Морозовъ отказывается отъ земли и *требуетъ немедленной уплаты неустойки*. Не удивляйтесь,— этого и нужно было ожидать!

Весьма ясно, что здѣсь дѣйствовалъ принципъ „цѣль оправдываетъ средства", хотя навѣрно у Морозова и Чижова этотъ принципъ и не формулировался такъ ясно, но вышло уже такъ по „натурѣ кулацкой".

Не знаю, для какой цѣли, но въ то же время находился въ Кулевой и судебный слѣдователь Павловскій.

Исправникъ началъ настаивать о немедленной уплатѣ неустойки, а старшина Баишевъ, угрожая продажей имущества, тутъ же началъ работать—составлять новый приговоръ все о той же продажѣ, счетомъ, по порядку, четвертый. Это было 24 февраля 1873 года.

Приговоръ составили и къ нему многіе подписывались единственно потому, что не имѣли средствъ уплатить неустойку 15.000 руб.; другіе принуждены къ тому угрозами отправить ихъ въ тюрьму и арестомъ въ банѣ, а также и отъ страха, напущеннаго на башкиръ этими мѣрами и коллективнымъ присутствіемъ всѣхъ властей. Вотъ одинъ характерный примѣръ. Башкирецъ Габдулнасыровъ, „для спасенія своего отъ тюрьмы", которою ему угрожали, подписался къ приговору, а также, „его жалѣючи", тоже сдѣлали братъ его и отдѣленный родной сынъ; но какъ только они приложили тамгу, такъ его и отправили въ острогъ.

Тутъ же сталъ провѣрять приговоръ Нагаткинъ, причемъ были вотчинники всѣхъ 6 деревень дачи. При повѣркѣ на стѣнѣ былъ вывѣшенъ планъ душеваго надѣла, и на вопросъ башкиръ о томъ, кто его составлялъ, Нагаткинъ отвѣчалъ, что губернское присутствіе. Башкиры и думали поэтому,

что и высшія власти—за Морозова съ Чижовымъ, значитъ ихъ дѣло—швахъ!

Повѣрка происходила въ волостномъ правленіи. Народъ стоялъ—одни въ избѣ, другіе на дворѣ, третьи на крыльцѣ, на улицѣ. Многіе изъ послѣднихъ отзываются, что не знаютъ, что при этомъ происходило и ихъ ни о чемъ не спрашивали. Другіе же, вѣроятно, изъ стоявшихъ въ комнатѣ, утверждаютъ, что посредникъ читалъ приговоръ, окликалъ каждаго поименно и спрашивалъ, согласенъ ли на продажу, на что всѣ безусловно сказали, что на продажу не согласны и не соглашались ни при составленіи приговора, ни при повѣркѣ. Многіе показали, что хотя и отвѣчали мировому—согласны, но къ этому вынуждены были тѣмъ, что во время самой повѣрки несогласные старики сидѣли подъ арестомъ, а башкиръ Валишинъ при повѣркѣ сказалъ: „нельзя сказать не согласенъ, потому что кого посадили въ баню, кого въ острогъ.“

Въ числѣ подписавшихся въ приговорѣ этомъ были: 4 состоящіе подъ судомъ, 3 недомохозяева, 1 вдвойнѣ и малолѣтній. Всего подписало 383 чесовѣка и вмѣстѣ съ неимѣющими права на это все-таки не составили $^2/_3$ голосовъ. Число домохозяевъ разнилось во всѣхъ приговорахъ и точно не было опредѣлено и 540, и 673, и 383, такъ что чему вѣрить—вѣдаетъ только одинъ Аллахъ.

Итакъ, изъ четырехъ приговоровъ только второй мало-мало подходилъ подъ виды покупщиковъ, почему его и представили въ палату на совершеніе купчей крѣпости, 28 февраля совершенной, а прочіе приговоры или „сами уничтожились“, или ихъ просто уничтожали.

Теперь другая картина.

На неправильное составленіе приговоровъ, на царившія здѣсь угрозы, насилія, безобразія и тюрьмы башкиры въ разное время обращались или по одиночкѣ, или партіями съ

жалобами какъ къ разному губернскому начальству, такъ и къ мировому же посреднику Нагаткину, но всѣ подобныя заявленія оставались безъ отвѣта или оканчивались тѣмъ, что Нагаткинъ отсылалъ жалующихся домой, только обѣщаясь пріѣхать и разобрать дѣло. Но все безуспѣшно.

Наконецъ, башкиры два раза выбирали довѣренныхъ на принесеніе жалобы по настоящему дѣлу и явились въ правленіе для засвидѣтельствованія довѣренностей, но оба раза волостной старшина Баишевъ и писарь Ивановъ отказывали имъ въ томъ, заявляя, что довѣренности не засвидѣтельствуютъ, а землю продадутъ и безъ нихъ. Башкиры уже на это жаловались Нагаткину два раза, причемъ во второй разъ отъ всѣхъ 6 деревень коллективно. Но Нагаткинъ передавалъ ихъ жалобы на должностныхъ лицъ послѣднимъ, т. е. Баишеву же.

Вслѣдствіе этого Баишевъ доставилъ Нагаткину актъ волостнаго правленія и приговоръ частнаго волостнаго схода на 19 марта, которымъ просьба башкиръ признана подложной и въ приговорѣ всѣ тамги писаны одною рукой; причемъ сходъ заявилъ, что будто бы довѣренности башкирамъ на подачу жалобъ не выдавали. Между тѣмъ дознаніемъ положительно открыто, что самый приговоръ 19 марта—подложный, что просьба башкиръ предъявлялась только нѣсколькимъ выборнымъ, которые притомъ говорили, что довѣренность дать слѣдуетъ, и большинство изъ 12 человѣкъ, подписанныхъ подъ приговоромъ, положительно утверждаютъ, что они ничего подобнаго не слыхали и приговора не подписывали. Притомъ же и само волостное правленіе, за подписомъ того же самаго Баишева, сообщало, что въ 1873 году частныхъ волостныхъ сходовъ не было, а 200 человѣкъ дачу довѣренности подтвердили.

Такимъ образомъ исторія подложнаго приговора была

изобрѣтена Баишевымъ съ единственною цѣлью парализовать жалобы башкиръ.

Независимо отъ этого башкиры жаловались Нагаткину, что Баишевъ самъ себя выбралъ въ старшины, но и по этому заявленію ничего не сдѣлано и старшина утвержденъ имъ въ должности. Между тѣмъ дознано, что на сходѣ объ избраніи Баишева было 10 выборныхъ и тѣ заявили старшинѣ, что ихъ мало, а нѣкоторые, что нехотятъ его выбирать. Но старшина говорилъ: „самъ себя выберу!“ Силой заставлялъ подписывать приговоръ, а многихъ заставлялъ подписывать уже послѣ, разъѣзжая по деревнямъ и заявляя: „пришло предписаніе отъ посредника, чтобы мнѣ быть старшиной“.

Кромѣ того, башкиры жаловались, что Баишевъ и Ивановъ растратили принадлежащіе башкирамъ 31.603 рубл., что подтвердилось и при слѣдствіи, но Нагаткинъ ни на что не обратилъ вниманія и аттестовалъ Баишева передъ властями, увѣряя, что онъ пользуется довѣріемъ башкиръ, и указалъ, какъ на доказательство этого, его избраніе на новое трехлѣтіе.

Между тѣмъ жалобы башкиръ дошли до высшаго начальства. Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, отказавъ въ началѣ на жалобу 600 человѣкъ башкиръ, потому что она подана отъ имени всѣхъ, а никѣмъ подписана не была, въ концѣ концовъ потребовало отъ Нагаткина объясненіе. Но онъ упорно молчалъ нѣсколько мѣсяцевъ и на нѣсколько вопросовъ.

Наконецъ, когда уже было назначено произвести дознаніе, онъ представилъ въ доказательство несправедливости жалобъ башкиръ аттестацію старшины и подложный приговоръ на 19 марта.

По произведенному дознанію обнаружились всѣ безобразія. Нагаткина отдали подъ судъ со всѣми его сподвижниками, такъ что дѣло о покупкѣ Морозовымъ и Чижовымъ

земли распалось на нѣсколько дѣлъ, потребовавшихъ, кромѣ дознанія о дѣяніяхъ Нагаткина, еще три судебныхъ слѣдствія, такъ какъ слѣдователи производили свои порученія такъ, что ихъ работы не выдерживали ни малѣйшей критики и, обѣляя дѣло, умалчивали о преступленіяхъ и въ параллель фантазировали объ очень важныхъ матеріяхъ. Два первые слѣдователя, пересолившіе въ усердіи, слетѣли потомъ съ своихъ мѣстъ: одинъ пораньше, Лопатинъ, а другой, Шаповаленко, кумъ Морозова, при сенаторской ревизіи; только уже третій слѣдователь, Клеберъ, доставилъ для суда полный матеріалъ.

Дача все еще находится во владѣніи Морозова и Чижова и они всю ее оголили, да населили 8 починковъ, запродавая теперь по 40 рублей за десятину.

Такъ какъ эта покупка была оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ кассирована и *безусловно подлежитъ уничтоженію*, то покупщики и не платили по закладной денегъ, такъ что пользуются дачею даромъ, да еще переселенцевъ обираютъ.

Лѣтомъ 1883 г. Нагаткина оправдали и освободили отъ суда, по коронаціонному манифесту.

Нахальство его не имѣло предѣловъ: состоя подъ судомъ, онъ служилъ два года членомъ уѣздной управы и только тогда, когда гласные узнали объ этомъ, выгнали его съ позоромъ изъ своей среды.

Факты къ исторіи «Раздачъ».

I.

Пріобрѣтеніе башкирскихъ запасныхъ земель, какъ уже извѣстно, достигло самаго крайняго предѣла. Въ свое время очень много выплывало наружу разныхъ фактовъ самыхъ

невѣроятныхъ, но вполнѣ вѣрныхъ. Хотя эти факты и достаточно освѣтили дѣло раздачъ запасныхъ участковъ, но съ теченіемъ времени открываются все новые и новые факты. Вотъ примѣръ: черемисы деревни Аскишъ, Бирскаго уѣзда, поселились на занимаемомъ ими мѣстѣ около 200 лѣтъ тому назадъ. По договору 1752 года, выданному башкирами-вотчинниками деревни Кубіязовой, они *пріобрѣли покупкою въ вѣчное и потомственное владѣніе* землю, которою съ тѣхъ поръ и владѣли на вотчинныхъ правахъ спокойно; но впослѣдствіи башкирскою коммиссіей были признаны припущенниками военнаго вѣдомства, подлежащими надѣлу землею по 30 десят. на душу 7 ревизіи. Когда же было приступлено къ размежеванію вотчинной дачи, то, по распоряженію уфимскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, вмѣсто предположеннаго количества земли, они получили въ надѣлъ только третью часть, такъ что въ настоящее время по числу наличныхъ 70 душъ имъ приходится терпѣть большой недостатокъ въ землѣ, а арендовать ее отъ казны или постороннихъ лицъ совершенно негдѣ. Если не нашли удобнымъ оставить въ ихъ владѣніи $^2/_3$ земли, то нашли возможнымъ оставить эту землю въ запасѣ. Кройка башкирскихъ земель зависѣла вполнѣ отъ посредника и землемѣра, которые и распорядились отрѣзать при деревнѣ Аскишъ въ запасъ только около 300 десятинъ, а остальное количество поступило башкирамъ и другимъ припущенникамъ. Запасный участокъ при деревни Аскишъ въ 1877 году *достался* дѣйствительному статскому совѣтнику Галкину-Врасскому; въ настоящее время участкомъ завѣдуетъ крестьянинъ деревни Королевой Иванъ Зуевъ. На какомъ *правѣ* онъ пользуется участкомъ, т.-е. какъ владѣлецъ или арендаторъ, или управляющій, Зуевъ держитъ въ секретѣ, и хотя объ этомъ черемисы и спрашивали его чрезъ волостное правленіе, но отвѣта не послѣдовало. Участокъ

этотъ находится на другой сторонѣ рѣчки Аскиша, противъ самой деревни, такъ что между черемисами и Зуевымъ безпрестанно являются столкновенія и онъ устраиваетъ черемисамъ самыя невыносимыя стѣсненія, а потомъ жметъ ихъ чрезъ посредство мѣстныхъ волостныхъ властей. На эти многочисленныя стѣсненія черемисы очень часто жаловались въ крестьянскія и другія административныя учрежденія, но все оставалось глухо, такъ что они 25 февраля 1881 г., 19 января, 30 марта и 17 іюня 1882 года обращались къ министру внутреннихъ дѣлъ. Между тѣмъ только весной того-же года аскишевцы уплатили Зуеву *выкупа* за пойманныхъ имъ на общей рѣчкѣ Аскишѣ *гусей* болѣе 70 рублей! Можно было бы привести и много другихъ примѣровъ эксплоатаціи Зуева, но для характеристики его отношеній, мнѣ кажется, достаточно и этого. Если принять во вниманіе, что цѣлью раздачъ запасныхъ участковъ было *выставлено* привлеченіе въ край *образцовыхъ хозяевъ*, которые своимъ хозяйствомъ могли бы служить примѣромъ для населенія и тѣмъ подняли бы упадающее сельское хозяйство у крестьянъ, а вмѣстѣ съ этимъ увеличилась бы и производительность края, то достаточно приведеннаго образца, чтобы понять всю неточность этого понятнаго мотива.... И выкупы, и отношенія на манеръ Зуева далеко не единичные,—они наблюдаются по всей губерніи.

Съ продажею Галкину-Врасскому запаснаго участка дер. Аскиша, прискорбнѣе всего для черемисъ оказалось то, что они лишились священной рощи,—*кереметь*,—служившей имъ мѣстомъ для отправленія религіозныхъ обязанностей (черемисы дер. Аскишъ—язычники). Роща эта со времени основанія поселенія сохранялась въ полной чистотѣ, огороженная изгородью, и находится за рѣчкой Аскишъ, въ 150 саж. отъ селенія. За эту рощу, *несмотря* на то, что предки ихъ и они владѣли ею сотни лѣтъ, они готовы были по-

жертвовать всѣмъ своимъ состояніемъ, но дѣло поставлено такъ, что они должны были ея лишиться. Вѣрованія черемисъ-язычниковъ опираются на слѣдующій главный догматъ: всемогущество Бога, его бытіе и величіе познается и созерцается по его твореніямъ. Все видимое, кромѣ твореній рукъ человѣческихъ, есть твореніе Бога и управляется по Его законамъ. У черемисъ нѣтъ никакого писаннаго закона. Они говорятъ, что человѣкъ такъ ничтоженъ по своему мѣсту въ природѣ, что онъ не можетъ получить законъ отъ Бога и законъ есть созданіе чисто-гражданское. У нихъ есть только священные завѣты и то относящіеся до нѣкоторыхъ обрядовъ, но не догматовъ. Мѣстомъ для молитвъ имъ служатъ рощи, такъ какъ, по ихъ убѣжденіямъ, древесная растительность напоминаетъ величіе Бога больше другихъ предметовъ на землѣ. Во время моленія они зажигаютъ на деревьяхъ восковыя свѣчи и приносятъ въ извѣстное время жертву Богу, не пользуясь изъ рощи не только деревьями, но ни вѣткой, ни травинкой. Теперь же Зуевъ не только не пускаетъ ихъ въ рощу для совершенія своихъ богослуженій, но въ ней, на томъ мѣстѣ, гдѣ они молились, построилъ домъ со службами, рубитъ лѣсъ, пускаетъ скотъ (что противно кореннымъ завѣтамъ черемисъ) и вообще всѣми мѣрами старается *издѣваться* надъ тѣмъ дорогимъ для нихъ мѣстомъ, которое было предкамъ и имъ самымъ заповѣднымъ и священнымъ, куда они ходили не иначе какъ предварительно омывшись и надѣвши чистое бѣлье, сохраняя такимъ образомъ не только чистоту самой рощи, но и чистоту собственнаго тѣла при входѣ въ это мѣсто. Однимъ словомъ, это ихъ храмъ.

Въ іюнѣ сего года черемисы дер. Аскишъ подали прошеніе въ государственный совѣтъ, гдѣ просятъ сдѣлать распоряженіе о разрѣшеніи имъ воспользоваться, чрезъ выкупъ или арендованіе, запаснымъ участкомъ, который по самому

назначенію своему, какъ запасный, долженъ былъ идти на прибылыя ихъ души, и заявляютъ, что управленіе государственными имуществами, продавъ его въ частныя руки, поставило этимъ ихъ въ самое безвыходное положеніе.

Да и не одна черемисская деревня лишилась такой рощи. На эти священныя мѣста смотрѣли при отрѣзкѣ ихъ какъ на доходныя статьи. Вотъ почему и старались всѣми мѣрами вербовать эти рощи въ запасныя земли еще задолго до раздачъ.

II.

Всякій, читавшій газеты за послѣдніе годы, конечно, знаетъ, какъ раздавались въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ запасныя башкирскія земли разному служилому люду. Много по этому поводу говорилось своевременно въ печати. Но тогда еще не могли предвидѣть послѣдствій. Между тѣмъ, время даетъ намъ факты само, и факты весьма рельефные. Всѣмъ, конечно, извѣстенъ бывшій оренбургскій генералъ-губернаторъ Крыжановскій, смѣненный, по его словамъ, „газетчиками". У него была дочь, вышедшая замужъ за Римскаго-Корсакова. Эта дочь *во время оно* пріобрѣла отъ какого-то полковника Тилло два участка земли: Самарскій № 1 и Грязнухи, въ Оренбургскомъ уѣздѣ. Эти участки лежали въ безлюдной мѣстности, слѣдовательно были не особенно-то доходны, почему и были промѣнены на участокъ Курскій, Стерлитамакскаго уѣзда, въ 1.744 десятины, болѣе доходный. Проходитъ съ этого времени 4 года—и что же? участокъ этотъ переходитъ обратно въ казну въ октябрѣ 1882 года и проданъ крестьянамъ, поселившимся на Курскомъ участкѣ, дер. Тюрюшлѣ, за 34.000 рублей, на что и совершена купчая крѣпость 1883 года 24 февраля, № 97-й. Если участокъ проданъ крестьянамъ, то тутъ, конечно, ничего нѣтъ удивительнаго, но съ какой же стати тутъ казна? Дѣло было очень просто: когда участокъ былъ

отмежеванъ изъ башкирской дачи, то часть его была сдана крестьянамъ въ аренду на три года и они поселились здѣсь деревнею слишкомъ въ 60 дворовъ. Между тѣмъ наступило жаркое время „раздачъ". Ковали такъ усердно, что даже и не замѣтили цѣлой деревни и.... участокъ этотъ получаетъ дочь генералъ-губернатора вмѣстѣ съ деревней! Мужики въ жалобы ударились и вотъ теперь казна должна выкупать проданный ею и оцѣненный въ 2.000 руб. участокъ за 34.000 руб., или ровно въ 17 разъ дороже.

Въ одномъ изъ нумеровъ „Недѣли" 1883 года было, между прочимъ, упомянуто, что еслибы дѣло раздачъ подвергнуть тщательному изслѣдованію, то оказались бы дѣла почище Бушевскаго и Макшеевскаго. Я вполнѣ присоединяюсь къ этому и скажу, что тогда открылись бы такія вещи, которыя и не снились еще нашимъ мудрецамъ.

Вродѣ этого, хотя и съ другими послѣдствіями, мы имѣемъ еще дѣло съ починкомъ Вознесенскимъ, поселившимся въ дачѣ Канлинской волости, Бирскаго уѣзда. Крестьяне этого починка поселились вначалѣ на землѣ башкиръ по тремъ отъ нихъ приговорамъ и контрактамъ и закупили землю 1.500 дес. по запродажной записи въ вѣчное владѣніе. Но сенатъ, до котораго доходило дѣло, призналъ всѣ запродажи башкирами по 8 записямъ незаконными и уничтожилъ въ томъ числѣ и запись вознесенцевъ. Но, несмотря на это, они все-таки продолжали еще спокойно жить. Когда закупленную ими землю отрѣзали въ запасъ, то они обращались нѣсколько разъ лично съ прошеніями въ мѣстное управленіе государственныхъ имуществъ, къ управляющему Ивашинцеву, ставшему „козлищемъ отпущенія" въ дѣлѣ „раздачъ", чтобъ эту землю оставили за ними. Но вмѣсто того, чтобы надѣлить ихъ или продать, управленіе по купчей крѣпости 1878 года 2 іюня продаетъ участокъ на льготныхъ условіяхъ вдовѣ генералъ-лейтенанта Аннѣ Алексѣевнѣ

Багратіонъ въ количествѣ 1.800 десятинъ, по 3 руб. за десятину, тогда какъ мужики давали по 10 рублей, но имъ отказали. Когда все это дѣлалось, то въ починкѣ Вознесенскомъ къ 1882 году было уже 42 двора, а въ нихъ 284 души обоего пола населенія.

Теперь предоставляю судить читателямъ, что думали вознесенцы, когда узнали, что они отданы казною княгинѣ. Неужели снова настали Екатерининскія времена, когда раздавались населенныя имѣнія? Неужели снова воскресло крѣпостное знамя?

Мужики сомнѣвались и прежде всего, конечно, въ жалобы ударились. Дѣло дошло до того, что понадобилось Высочайшее повелѣніе, по которому княгинѣ приказано подарить мужикамъ по $5^1/_2$ десят. удобной земли на дворъ, а всего 105 дес., на что и выдана дарственная запись 1882 года 24 сентября № 397 и въ то же время за № 396 княгиня продала тѣмъ же крестьянамъ 210 дес. удобной по $14^1/_2$ рублей, а теперь остальное количество продаетъ имъ же чрезъ крестьянскій банкъ за 31.500 руб. Такимъ образомъ дача, пріобрѣтенная за 5.400 руб., перепродана за 35.000 рублей. Что же это, какъ не выгодный гешефтъ?

Неудавшееся коллективное хищеніе.

До сего времени я посвящалъ свои очерки хищеніямъ башкирскихъ земель, произведеннымъ непосредственно единицами—покупщиками. Но теперь я сообщу о цѣлой коллекціи такихъ скупщиковъ, какъ будто наскучило расхищать въ одиночку, такъ надо компаніей.

Нужно замѣтить, что въ Уфимской губерніи было два центра, прославившіеся хищнической скупкой башкирскихъ

земель: Уфа и Бирскъ. Уфа распространила свои операціи на свой и сосѣдній съ нею Стерлитамакскій уѣзды, послѣдній же, т. е. Бирскъ, ограничился дѣятельностью только въ районѣ своего уѣзда. Впослѣдствіи же и Стерлитамакъ не ударилъ лицомъ въ грязь: сталъ самостоятельнымъ центромъ и даже, имѣя передъ глазами примѣры уфимско-бирскіе, велъ дѣло уже гораздо тоньше.

Причину такого распредѣленія нужно искать въ тѣсныхъ, пожалуй и родственныхъ, связяхъ и въ то же время общихъ интересахъ нѣсколькихъ между собою лицъ, преимущественно завѣдывавшихъ башкирами мировыхъ посредниковъ. Но въ особенности эта связь рѣзко очерчивается въ Бирскѣ.

Итакъ, начнемъ. Въ трехъ уѣздахъ: Бирскомъ, Белебеевскомъ и Уфимскомъ раскинулась громадная дача подъ именемъ Канлинской, Дуванейской и Шамсутдинской волостей, на пространствѣ 300.000 десятинъ, и лежитъ она, начиная отъ выгонной земли города Бирска, внизъ по Бѣлой, по обѣ ея стороны, и кончается въ степяхъ Белебеевскаго уѣзда по рѣчкѣ Тюрюшъ. Все это пространство „со всякими угодьи“ было во владѣніи только двухъ деревень башкиръ-вотчинниковъ: Лачинъ-тау (Сокольи горы) и Гумеровой. Но это еще было въ XVII столѣтіи; вотчинники начали допускать къ поселенію разныхъ припущенниковъ, которыхъ теперь до 100 деревень: тутъ и русскіе, и инородцы, государственные и удѣльные крестьяне, мещеряки и тептяри, князья и мурзы, живущіе въ такихъ же мазанкахъ, какъ и прочіе инородцы, считающіе своимъ гербомъ собачій хвостъ въ зеленомъ полѣ.

Жили всѣ они мирно и тихо и пользовались угодьями безспорно въ тѣхъ границахъ и тѣмъ пространствомъ, какое заняли естественнымъ путемъ. Но потомъ, въ 1832 году, вышли правила о межеваніи и начали ихъ размежевывать. Болѣе 12 землемѣровъ перебывало въ теченіе 40 лѣтъ, а

все еще не могутъ кончить; такъ незаконченною, не размежеванною она остается и до сихъ поръ.

Настаютъ потомъ, знаменитые въ исторіи хищеній башкирскихъ земель, семидесятые года. Канлинская дача представляла „лакомый кусочекъ" и она потому не убереглась, и на нее „налетѣли злые коршуны".

Попользоваться лакомымъ кусочкомъ захотѣлось многимъ, и вотъ собирается компанія мѣстныхъ воротилъ и составляются въ 1873 году запродажныя записи:

1) 3-го февраля, мировому посреднику, отставному гвардіи поручику Николаю Александровичу Ермолову 2.500 десятинъ по 4 рубля.

2) 6-го февраля, чиновнику Константину Петровичу Петрову 4.000 дес. по 1 руб.

3) 15-го марта, предводителю дворянства Бирскаго и Златоустовскаго уѣздовъ, Ѳедору Евграфовичу Шестакову 600 дес. по 2 руб.

4) 29-го марта, крестьянамъ Десяткину, Овечкину и Роженцовой 1.500 дес. по 3 руб.

5) 27-го августа, Уфимскому купцу Михаилу Мироновичу Гирбасову 5.500 дес. по 2 руб.

6) 16-го ноября, вторично тому же Петрову 232 дес. уже по 3 руб.

7) 23-го ноября, купцамъ Андрею Дмитріевичу Позолотину и Ермолаю Ефимовичу Ромадину 1.700 дес. по 3 руб.

8) 3-го декабря, тѣмъ же Позолотину, Ромадину и вдовѣ ротмистра Марьѣ Михайловнѣ Топорниной*) 7.000 дес. по 1 рублю.

Такимъ образомъ всего продано 23.032 десят., какъ значится по актамъ, на самомъ же дѣлѣ растащено земель до 80.000 дес., т. е. вся свободная за надѣломъ.

*) Предсѣдательница дамскаго отдѣленія уфимскаго комитета о бѣдныхъ и вообще дама *благотворительница*, старая барыня.

По совершенію запродажныхъ записей почти всѣ покупщики совершили кромѣ того еще и долгосрочные контракты объ арендѣ закупленныхъ земель. Это покажется немного страннымъ, но такъ было устроено потому именно, что опасались, какъ бы не уничтожили запродажныя записи. Послѣднее и случилось, какъ узнаемъ послѣ, такъ какъ по закону башкиры не имѣли права запродавать изъ неразмежеванныхъ дачъ, потому что черезъ это могли припущенникамъ да и самимъ вотчинникамъ достаться дурные, неудобные надѣлы. Отъ этого всѣ расходы покупщиковъ могли бы лопнуть, арендные же контракты, а съ этимъ и эксплоатація земель, вполнѣ гарантировали эти расходы.

Изъ описанныхъ предварительныхъ закупокъ нѣкоторыя передавались другимъ лицамъ, или въ „третьи руки", по техническому выраженію, такъ какъ прямо купить на ихъ имена было нельзя,—сдѣлка могла рухнуть. А именно: отъ Гирбасова перешла земля 18 марта 1875 года Виктору Александровичу Фокъ, а отъ Позолотина, Ромадина и Топорниной, по духовному завѣщанію послѣдней 2 апрѣля 1875 года, къ зятю ея коллежскому регистратору Константину Дмитріевичу Угличинину.

Эти господа состояли въ то время мировыми посредниками Бирскаго уѣзда, а послѣдній, кромѣ того, и настоящей Канлинской дачи.

Выходитъ, что три посредника и предсѣдатель крестьянскаго присутствія попросту, по-домашнему, учинили семейный дѣлежъ. Отчего же въ самомъ дѣлѣ и не попользоваться, когда плохо лежитъ? Соблазнъ великъ!... Изъ описаннаго видно также, что здѣсь участвовало три элемента: капиталъ, связи и власть, которые дѣйствовали дружно, рука объ руку, и поэтому участіе Позолотина и Ромадина нужно было какъ капиталистовъ, а безъ денегъ-то ничего вѣдь не подѣлали бы, какъ ни властвуй! Подѣлили господа скупщики башкирскую

землю и „стали жить да поживать, да добра наживать“, какъ говорится въ сказкахъ. Я нарочно и употребилъ сказочное выраженіе и хотѣлъ было писать вначалѣ эти очерки подъ названіемъ „современныя сказки“, да вышло не такъ, и безъ того-то выходитъ сказочно, мало вѣроятно, хотя и фигурируютъ тутъ все живыя, а не мертвыя души, снующія между нами до днесь, занимающія „видные посты“, а тогда и совсѣмъ бы вѣры не было: сказки—такъ сказки и есть!

Но вернемся къ прежнему и коснемся подробностей совершенныхъ „благопріобрѣтеній“.

Во-первыхъ, объ Ермоловской сдѣлкѣ. Крестьяне деревень: Пеньковой, Поповой и Кусекеевой поселились съ незапамятныхъ временъ на землѣ башкиръ Канлинской волости и пользовались всѣми землями въ опредѣленныхъ урочищахъ. При нарѣзкѣ въ 1871 году башкирскимъ припущенникамъ земли, на часть ихъ вырѣзали землю большею частію неудобную, а лучшія мѣста отошли вотчинникамъ и за нарѣзкою имъ самимъ земли остались излишними. Отъ кусекеевцевъ же отрѣзаны выгонъ и луга до 400 десятинъ, которыми они пользовались безспорно съ 22 года. Крестьяне, желая отрѣзанныя земли купить въ свою собственность и имѣя на то полное согласіе башкиръ, нѣсколько разъ обращались за разрѣшеніемъ продажи къ Ермолову, но онъ имъ отказывалъ, мотивируя отказъ тѣмъ, что дача еще не размежевана, почему „никакая сдѣлка съ башкирами разрѣшена быть не можетъ“.

На самомъ же дѣлѣ онъ черезъ своего повѣреннаго, знаменитаго Василія Алексѣевича Уткина, купилъ ту отрѣзанную лучшую землю въ началѣ, даже на имя Уткина. Эти земли составляли для крестьянъ необходимость, и, несмотря на то, что земля перешла уже къ Ермолову, вотчинники опять-таки изъявляли полное согласіе продать тѣ земли крестьянамъ. Удивительно и непонятно: неужели вотчинники не

знали того, что они землю, торгуемую крестьянами, продали Ермолову?... Здѣсь что-то загадочно...

Изъ приговора 1 августа 1872 года видно, что вотчинники, имѣя болѣе 80 тысячъ десятинъ земли и желая избавиться отъ платежа сборовъ на мировыя учрежденія, которые для нихъ очень обременительны, запродали, или „иначе сказать обязали себя этимъ приговоромъ, тотчасъ же, какъ получится свидѣтельство на продажу отъ мироваго посредника Угличинина, продать Ермолову и выдать въ теченіе года купчую, а Ермоловъ *обязанъ* также купить въ урочищахъ, описанныхъ въ приговорѣ, предполагая въ нихъ 2.500 десятинъ, каковою землею пользуются теперь припущенники". Если же откажутся отъ продажи башкиры, то платятъ неустойки 50.000 (!!!) рублей, или должны „инымъ образомъ удовлетворить г. Ермолова съ его согласія"; тоже обязался и покупщикъ.

Какъ видите, Ермоловъ купилъ по 4 р. за десятину, а неустойки закатилъ по 20 руб.! И такая неустойка сдѣлана и другими: такъ, Гирбасовъ тоже назначилъ 50.000 рублей, да взялъ въ свой участокъ три водяныя мельницы и уплату за землю разсрочилъ!

Далѣе о Шестаковской сдѣлкѣ. Но прежде считаю нужнымъ познакомиться съ Ѳедоромъ Евграфовичемъ. Онъ мѣстный бирскій аборигенъ, прославившійся кромѣ скупки башкирскихъ земель еще и кабаками, „которыми положительно усѣянъ весь Бирскій уѣздъ. Имъ благопріобрѣтены мѣста самыя лучшія, самыя доходныя,—благопріобрѣтены сравнительно за безцѣнокъ. Разсказывать, какъ составлялись приговоры въ подобныхъ случаяхъ, я думаю, нѣтъ надобности: это понятно само собой. Притомъ такихъ случаевъ масса. И все это терпится, все сходитъ съ рукъ лишь потому, что въ Бирскомъ уѣздѣ никто пикнуть не смѣетъ. *Г. Шестаковъ княжитъ въ Бирскомъ уѣздѣ*" („Не-

дѣля 1883 года № 16). Такъ характеризируетъ кабачную монополію корреспондентъ названной газеты. Өедоръ Евграфовичъ вошелъ въ силу и забралъ въ руки весь уѣздъ еще не такъ давно, у всѣхъ на памяти. Всѣ помнятъ его мелкопомѣстнымъ дворяниномъ, каковымъ онъ былъ до поступленія своего опекуномъ Ангасяцкаго имѣнія генерала Жадовскаго (умершаго), извѣстнаго здѣсь какъ дурака, пошляка и сумасброда.

Уфимцы современники разсказываютъ про него самыя дикія, несбыточныя вещи. Ангасяцкое имѣніе когда-то славилось своимъ устройствомъ и богатствомъ, но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ хозяйничанья многихъ опекуновъ перешло въ казну за долги Жадовскаго, и опекуны до того его опекали, что совсѣмъ упекли въ бездоходное. За то Шестаковъ вышелъ изъ опекуновъ крезомъ. Но будемъ продолжать начатое.

Изъ приговора 15 марта видно, что башкиры соединеннаго сельскаго схода дд. Лачинъ-тау и Гумеровой выслушали заявленіе г. Шестакова о томъ, чтобы на основаніи приговора 4 октября 1872 года совершить запродажную запись, а затѣмъ и купчую крѣпость на мельницу на рѣчкѣ Сарышъ и Кара-Чиршѣ, находящуюся въ пользованіи крестьянина Князева и на землю „въ границахъ между деревень Тарташевой, Карачаелги и Бардовки“. Пространство этого участка, говорится въ приговорѣ, неизвѣстно башкирамъ, но „полагательно“ отъ 500 до 600 десятинъ или сколько окажется по измѣренію. На условіяхъ, чтобы г. Шастаковъ не стѣснялъ Князева во владѣніи землею до 1878 года, согласно рѣшенія палаты 1867 года. Выдать купчую крѣпость по полученіи свидѣтельства на продажу свободныхъ земель, а какъ только наступитъ формальный отказъ припущенникамъ отъ пользованія запроданнымъ участкомъ земли, должны отго въ распоряженіе Шестакова.

Цѣна, по словамъ однихъ башкиръ, была по 2 р. за десятину и получено въ задатокъ 300 рублей, тогда какъ при первомъ приговорѣ ряда съ ними, по словамъ другихъ башкиръ, была по 12 р. за десятину.

Когда все это устроили, то оказались потомъ чудеса въ рѣшетѣ! Оказалось, что башкиры дали крестьянину Князеву приговоръ 20 октября 1872 года, т. е. спустя 16 дней послѣ выдачи таковаго же Шестакову, на мельницу и при ней 30 десят. земли, которыми онъ владѣлъ безъ всякаго спора и въ приговорѣ прибавили, что они башкиры не желаютъ означенную землю и мельницу отдать въ другія руки, а приговорили продать оную Князеву въ вѣчное владѣніе по 40 р. десятину и получили въ задатокъ 664 рубля.

Какъ случились такія чудеса, судить не намъ. Неужели опять башкиры не знали, или запамятовали, что они 16 дней назадъ продали эту мельницу Шестакову?

Кромѣ того жители д. Карачаелги, отъ которыхъ былъ отрѣзанъ участокъ проданный Шестакову, коимъ они владѣли съ прошлаго столѣтія, желали вновь купить его у башкиръ, что они и предлагали имъ, но тутъ старшина Валитовъ, въ виду отношеній къ г. Шестакову, желая, чтобы земля досталась ему, ихъ отъ покупки отстранилъ. Этого Валитова они обвиняли въ 14 преступленіяхъ, но со стороны посредника Угличинина и мироваго съѣзда, гдѣ Шестаковъ предсѣдательствовалъ, не было обращено ни малѣйшаго вниманія и Валитовъ даже былъ вновь выбранъ подъ извѣстнымъ давленіемъ старшиной.

Теперь о Гирбасовской сдѣлкѣ. Крестьяне села Печенкина, д. Ямской, Ежевой и Старо-Баскаковой съ давнихъ лѣтъ пріобрѣли отъ башкиръ землю, которою и владѣли покойно и безспорно, но имъ сдѣлана нарѣзка по 5 десятинъ на душу по X ревизіи, а отрѣзанная отъ нихъ земля перешла чрезъ Гирбасова къ Фоку. Чрезъ эту отрѣзку они ли-

шены не только средствъ къ безбѣдному существованію, но даже къ успѣшному веденію ихъ сельско-хозяйственнаго быта. Какъ ни старались они, чтобъ отрѣзанная земля, хотя бы и дороже была продана или даже отдана имъ въ аренду, но безуспѣшно.

Фоку достался участокъ по сосѣдству съ его родовымъ имѣніемъ при д. Соловьевкѣ на Бѣлой, и какъ только онъ закупилъ, то тотчасъ же и продлилъ свою длань. Онъ началъ отбирать отъ крестьянъ рыболовныя снасти, а съ тѣхъ, кто удилъ, кафтаны. Его лѣсной сторожъ высѣкъ кнутомъ унтеръ-офицера Кузьму Чуклина, да взялъ съ него еще 4 руб.—штрафъ за то, что тотъ срубилъ въ лѣсу оглоблю; кромѣ того Фокъ сталъ захватывать лошадей у тѣхъ, которые ѣздили въ свой лѣсъ, во владѣніи коимъ имъ не было еще отказано по неокончанію межеванія, и бралъ по 5 и 6 руб. за лошадь выкупа.

Петровъ, Константинъ Петровичъ, тоже не случайно замѣшался въ эту компанію. Когда то онъ былъ въ Бирскомъ уѣздѣ акцизнымъ чиновникомъ и находился поэтому въ короткихъ отношеніяхъ къ Шестакову... Теперь же онъ занимается частной адвокатурой, потому что изъ службы принужденъ былъ выйти. Какъ только онъ закупилъ участки *), такъ сталъ уже предлагать сосѣднимъ крестьянамъ взять ихъ въ аренду на долгій срокъ съ уплатою впередъ всѣхъ денегъ, по примѣру взноса акцизовъ. Вѣроятно, и успѣлъ бы это сдѣлать, еслибы Угличининъ, узнавши объ этомъ, не предупредилъ крестьянъ чрезъ объявленія въ волостныхъ правленіяхъ и у сельскихъ старостъ. Какъ видно, Петрову поскорѣе захотѣлось съ кого нибудь пожать „плоды трудовъ своихъ“, но этого не удалось, что и послужило началомъ къ ссорѣ съ посредникомъ.

---

*) По приговорамъ 12 ноября 1872 г., 2 іюля 1873 г., 1 октября 1874 и 6 марта 1875 года. Всего по четыремъ приговорамъ.

Далѣе. Башкиры вотчинники, спустя три года, заявили, что они запродали Петрову и Ермолову съ К° землю, цѣну въ приговорахъ оговорили отъ 1 до 4 р., а ряда была отъ 10 до 14 р. Въ этомъ дѣлѣ главнымъ орудіемъ былъ Уткинъ. Онъ ихъ обманулъ. Уткинъ поставилъ караулы по всей землѣ и воспретилъ имъ пользоваться лѣсомъ и они платятъ по 3 р. за аренду въ собственной своей дачѣ и сидятъ безъ дровъ, вслѣдствіе того, что Уткинъ взялъ у нихъ довѣренность на хозяйничанье въ ихъ дачѣ. Уткинъ дошелъ до того уже, что хвалится гласно будто *сошлетъ* повѣреннаго ихъ Загидуллина въ Сибирь, а мѣстный волостной старшина Валитовъ, ближайшій пособникъ Уткина, выискиваетъ всѣ средства, чтобъ удалить Загидуллина по какой бы то ни было причинѣ и подговаривалъ башкиръ д. Гумеровой объ удаленіи его изъ общества. „Однимъ словомъ въ этомъ дѣлѣ широкій просторъ насилію и злоупотребленіямъ, а защиты нѣтъ нигдѣ! Безучастность мѣстныхъ властей по моимъ просьбамъ и видимое противодѣйствіе посредника“, какъ заявлялъ Загидуллинъ.

Чтобы дѣло компаніи о покупкѣ земель имѣло большій успѣхъ и гарантію, для этого башкиръ склонили выдать Уткину довѣренность, что и случилось 1874 года, 30 сентября. Въ довѣренности этой говорится, что послѣ генеральнаго межеванія удѣльное вѣдомство завладѣло ихъ, башкиръ, вотчинною землей въ количествѣ 5.800 десятинъ, гдѣ поселена деревня Симкина, и такъ называемая нынѣ „Симская удѣльная дача“, которая принадлежала ихъ предкамъ и они владѣли ею даже послѣ генеральнаго межеванія; но какими судьбами удѣлъ завладѣлъ ею, имъ неизвѣстно, а потому они просятъ Уткина отыскать на оную ихъ вотчинныя права и исходатайствовать въ ихъ собственность. Въ 1872 и 73 гг. запродана ими по приговору въ вѣчное и потомственное владѣніе земля Ермолову и Гирбасову въ

разныхъ участкахъ, извѣстныхъ Уткину, и до свѣдѣнія ихъ доходитъ, что имѣемый на землѣ этой лѣсъ, самовольно истребляютъ какъ удѣльное вѣдомство, такъ и крестьяне разныхъ деревень, припущенники ихъ, надѣлы которыхъ окончательно въ лѣтѣ 1874 г. утверждены, и просятъ Уткина отказать въ самовольныхъ захватахъ, взыскать съ виновныхъ за самовольное пользованіе чужою собственностію по закону и взысканную сумму употребить на наемъ лѣсныхъ сторожей. Отвѣчать по предъявленному на насъ иску башкирами д. Гумеровой, ихъ однообщественниками, о неправильной, будто бы, продажѣ ими собственно имъ принадлежащей земли по приговорамъ разнымъ лицамъ въ 72 и 73 гг., такъ равно отвѣчать по искамъ, могущимъ быть на нихъ со стороны припущенниковъ или *другихъ какихъ либо лицъ*, т. е. Ермолова и всей компаніи покупщиковъ, защищая по закону предоставленныя имъ вотчинныя права. Для всего этого и предоставили они Уткину свои полномочія, довѣрія и т. п.

Довѣренность эта, да и всѣ относящіеся документы по этимъ покупкамъ свидѣтельствованы въ бирскомъ уѣздномъ судѣ, гдѣ, конечно, тоже была своя рука—владыка.

И, несмотря на такія данныя полномочія, башкиры, какъ было сказано раньше, заявили о совершенно противномъ. Неужели опять они не знали того, что дѣлали?

Воротимся опять къ башкирамъ-вотчинникамъ. Они въ прошеніи своемъ 1875 года говорятъ, что такъ какъ мѣсто жительства и дача ихъ находятся въ вѣдѣніи посредника Угличинина, который, вмѣстѣ съ купцами Ромадинымъ и Позолотинымъ, купилъ у нихъ землю на имя тещи Топорниной, съ которою живетъ вмѣстѣ и прямой ея наслѣдникъ, то они просили назначить для повѣрки приговоровъ на запродажу земли другаго посредника, который былъ бы непричастенъ покупкѣ земли и пользовался бы довѣріемъ со стороны

ихъ, тогда какъ остальные мировые посредники или сами купили у нихъ землю, или, по дружескимъ отношеніямъ къ Угличинину, могутъ поступать пристрастно въ дѣлѣ его интереса. Покупка же у нихъ земли г. Угличининымъ съ К° надѣлала имъ много непріятностей и стѣсненій, что можно доказать тѣмъ, что Угличининъ запрещалъ волостному правленію свидѣтельствовать приговоръ на отдачу въ аренду и на продажу земли, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ купилъ *остатки* земли и ея останется слишкомъ мало. Онъ заставляетъ башкиръ ссориться съ прочими покупателями и, наконецъ, два мѣсяца, несмотря на ихъ просьбу, не смѣняетъ старшины Кульчумова, выслужившаго уже цѣлый годъ назадъ свой срокъ и которымъ общество недовольно за злоупотребленія по денежнымъ разсчетамъ за землю.

Было бы несправедливымъ умалчивать въ оправданіяхъ г. Угличинина по этому прошенію, такъ какъ обвиненія слишкомъ задѣвали его честь. Въ свое оправданіе онъ сказалъ, что „не свидѣтельствовалъ приговора на основаніяхъ очень солидныхъ.“ На мѣсто старшины Кульчумова выбранъ другой и объ удаленіи его онъ никакихъ заявленій не получалъ. Землю онъ лично не покупалъ, а купила его теща отъ частныхъ рукъ. На его спросъ, что заставило башкиръ писать на него такую нелѣпую просьбу, они отъ всего письменнаго отказались, оставя за собой претензію на неутвержденіе приговоровъ, и прибавили, что на подачу просьбы ихъ уговорилъ Петровъ.

Нельзя при этомъ не замѣтить, что удивительно недогадливый человѣкъ этотъ Петровъ,—купилъ два участка и оба оставилъ за собой!...

Далѣе Угличининъ продолжаетъ, что, желая себя оградить на будущее время отъ такихъ просьбъ, подаваемыхъ по подстрекательству заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, „пятнающихъ“ его и тѣмъ подрывающихъ къ нему довѣріе „управ-

ляемаго имъ народа" (ого!), онъ просилъ назначить слѣдствіе,—что Ермоловъ съ К° вступилъ во владѣніе землями, безъ засвидѣтельствованныхъ имъ приговоровъ, а бирскій маклеръ заключилъ контракты, что неправильно, и объ этомъ онъ *донесъ* прокурору.

Угличанину повѣрили, конечно, и просьба башкиръ оставлена безъ послѣдствій, да оно такъ и должно было случиться, потому что засвидѣтельствуй онъ приговора, какъ покупщики совершили бы купчія.

Между тѣмъ, когда всѣ писали и отписывались, крестьянинъ Десяткинъ, пріобрѣвшій участокъ по тремъ приговорамъ 29 мая, 18 декабря 1868 г. и 20 февраля 1873 г., уже часть своей земли продалъ крестьянамъ переселенцамъ Вятской губерніи, основавшимъ знаменитый починокъ Вознесенскій, о которомъ уже говорилось болѣе подробно въ своемъ мѣстѣ.

На такія безобразныя покупки жалоба за жалобой летѣли во всѣ мѣста и ко всѣмъ начальствующимъ лицамъ какъ отъ башкиръ-вотчинниковъ, такъ ихъ припущенниковъ и переселенцевъ. Начались дознанія, слѣдствія, и результатомъ всего этого дѣло было послано въ сенатъ.

Между прочимъ, все-таки губернское начальство опредѣлило, что поступки Шестакова, Ермолова и Фока представляются „неблаговидными", и еслибы противу нихъ „было возбуждено съ чьей-либо стороны преслѣдованіе, какъ противу частныхъ лицъ, то званіе ихъ, какъ мировыхъ посредниковъ, конечно, должно бы было послужить къ усиленію отвѣтственности". Хотя ихъ и привлекали къ отвѣту, но отдать подъ судъ не могли. Угличанина же, какъ не проявившаго фактическаго участія въ овладѣніи землею, признали правымъ.

Сенатъ, подробно разобравши суть дѣла, приказалъ всѣ дѣлки по Канлинской дачѣ уничтожить, припущенникамъ

надѣлы увеличить, а свободную землю всю назначить въ запасъ. Изъ огня да въ полымя!

Такъ и сдѣлали. Запасы отмежевали, а потомъ ихъ и роздали на льготныхъ условіяхъ разнымъ генераламъ, которые теперь въ тридорога перепродаютъ ихъ переселенцамъ.

Теперь небезъинтересенъ вопросъ, вытекающій изъ всего сказаннаго: что же выиграли и получили за свою землю башкиры, которымъ, конечно, разныя хлопоты обходились не дешево?...

Добровольная сдѣлка.

Скупка башкирскихъ земель въ Уфимско-Оренбургскомъ краѣ почему-то наименована *„добровольною сдѣлкой“*. Насколько вообще эти сдѣлки были добровольны, я говорилъ уже не разъ, но этому не будетъ, кажется, и конца, и „чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ“.

Разскажу пока объ одной такой „добровольной сдѣлкѣ,“ совершенной уфимскимъ купеческимъ сыномъ Алексѣемъ Ивановичемъ Кузнецовымъ и крестьяниномъ Благовѣщенскаго завода Акимомъ Ермолаевичемъ Куликовымъ „съ товарищи“, съ башкирами-вотчинниками Уфимскаго уѣзда, Урманъ-Кудейской волости и дачи.

Вотчинники 9 деревень продали имъ 15 тысячъ десятинъ лѣса по 1 р. 75 к. за десятину, а всего за 26.250 руб., и заключили 3 ноября 1873 года на волостномъ судѣ приговоръ, причемъ оговорили, что „если земли будетъ больше, то покупщики обязаны доплатить по той же цѣнѣ за десятину, т. е. по 1 р. 75 коп., а если меньше, то недостающее количество прирѣзать“.

Впрочемъ, эта продажа была намѣчена еще раньше составленія приговора, а именно въ 1870 году, но почему-то не была оформлена, хотя въ фактическомъ владѣніи была у Кузнецова,—полагаю, потому, что еще не наступили „бла-

женныя времена“ и мировые посредники, завѣдывавшіе продажей, не успѣли еще „разнуздаться“.

При составленіи приговора покупщики должны были уплатить 1.000 р., при совершеніи купчей 3.000 р., а остальные разсрочены на 10 лѣтъ.

На всякій случай, покупщики включили въ приговоръ слѣдующее условіе: „если почему-либо мы, башкиры, откажемся отъ продажи этой земли Куликову и Кузнецову съ товарищами на изложенныхъ въ приговорѣ условіяхъ, или по какимъ-либо жалобамъ со стороны нашихъ вотчинниковъ не будетъ допущена продажа, обязуемся безотговорочно покупателямъ заплатить неустойку въ 15.000 руб.“, тоже обязались и покупщики, если нарушеніе продажи будетъ съ ихъ стороны.

Приговоръ былъ составленъ не отъ всѣхъ $^2/_3$ вотчинниковъ дачи, а отъ старшины, 7 старостъ и 27 выборныхъ.

Затѣмъ, черезъ 10 дней, т. е. 13 ноября, за № 105, совершена въ уфимской палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда купчая крѣпость и границы земли въ ней описаны такъ: „начиная отъ трехграннаго столба, поставленнаго на землѣ гг. Балашовыхъ, идя по этой межѣ до устья рѣчки Сулукъелги, по оной вверхъ правымъ берегомъ, выйти на вершину рѣчки Тереку-Туба, по теченію оной рѣчки дойти до впаденія ея въ рѣчку Телякъ; внизъ по оной дойти до рѣчки Игра-Телякъ, по оной правымъ берегомъ идти вверхъ до ея вершины и выйти на межу Булекей-Кудейской волости и по оной до первоначальнаго пункта“.

Очень несложно!... Но хоть, по крайней мѣрѣ, все въ „живыхъ урочищахъ“ и, слѣдовательно, спора быть не могло иза-за такихъ точныхъ границъ.

Бумага все терпитъ; въ дѣйствительности же вышло не то...

Позволю себѣ сдѣлать маленькія отступленія.

Первое. Такъ какъ сдѣлка эта была „сшита бѣлыми нитями“ и палата не могла, да по закону и не должна была

совершать крѣпость, вслѣдствіе громадныхъ отступленій, то являлось необходимымъ, въ успѣхахъ самого дѣла, сіе учрежденіе ублаготворить, чтобъ оно не привязывалось... Наши коммерсанты, конечно, смѣкнули, „куда вѣтеръ дуетъ", и по купчей крѣпости того же ноября 20 числа, за № 112, т. е. черезъ недѣлю по прошествіи срока обжалованія, изъ только, что купленной дачи перепродаютъ женѣ предсѣдателя палаты Софьѣ Николаевнѣ Полежаевой 1.100 десятинъ за 2.000 руб. и—дѣло въ шляпѣ!

Башкиры-вотчинники той же волости д. Исемчуриной въ 1867 году испросили отъ своего общества, а потомъ въ 1870 году отъ всѣхъ 8 деревень Урманъ-Кудейской дачи, мірскіе приговоры, удостовѣренные волостнымъ правленіемъ и мировымъ посредникомъ, на дозволеніе уряднику Исемчурину съ семействомъ и другими башкирами переселиться на поляну Уй-Телякъ. Обзавелись тутъ они прочною осѣдлостію, выстроили 8 дворовъ и назвали свое селеніе „выселокъ Исемчуринъ", а потомъ, по распоряженію начальства, перечислены отдѣльно въ числѣ 22 душъ. Послѣ сего поляна Уй-Телякъ сдѣлалась ихъ собственностью, которою они и владѣли спокойно вплоть до появленія покупщиковъ.

Кузнецовъ съ К°, еще не купивши земли какъ слѣдуетъ, т. е. не совершивши акта, а владѣя уже ею фактически, въ 1871 г. выстроилъ на той полянѣ, рядомъ съ усадьбами башкиръ, конторы и парныя заведенія для ободьевъ и началъ производить эксплоатацію лѣса. Такъ сильна была уже увѣренность въ успѣхъ!

А въ 1874 году, по составленіи съ продавцами земли полюбовной сказки, землемѣръ Дегтяревъ отмежевалъ Кузнецову большую часть той поляны съ 4 дворами башкиръ, да и весь поселокъ оказался внутри Кузнецовой дачи, такъ что ни проѣхать, ни выѣхать изъ него, минуя Кузнецовской земли, нельзя.

При Исемчуриной башкирамъ отмежевали 330 десятинъ и не дали въ участокъ даже лѣса необходимаго для домашняго обихода, за которымъ исемчуринцы должны ѣздить за нѣсколько верстъ.

Такъ какъ, почему-то, количество земли въ урочищахъ дачи Кузнецова съ К° не доставало, то Дегтяревъ началъ прирѣзывать изъ душевыхъ надѣловъ башкиръ, двухъ деревень Казаякъ-Кутушевой и Казаякъ-Туюшевой; но башкиры вышли на межу съ дубьемъ и далѣе межевать не позволили, однако межеваніе не утвердили.

Разсказанное составляетъ какъ бы формально лицевую сторону дѣла, а теперь посмотримъ и на другую, оборотную, сторону медали.

4 іюня 1874 года въ выселокъ пріѣхалъ Кузнецовъ съ помощникомъ Дегтярева; потребовалъ отъ башкиръ 25 человѣкъ рабочихъ и приказалъ имъ же изрубить ихъ изгородь, отдѣляющую выгонъ отъ луговъ, и тутъ же впустилъ на башкирскіе луга свой скотъ, потравивъ сѣнокосъ. Исемчуринъ жаловался было на этотъ произволъ и захватъ начальнику губерніи Щербатскому, извѣстному своими симпатіями къ скупкамъ земель и причисленному потомъ къ министерству, и подавалъ искъ въ палату, но дѣла его оставались не рѣшенными и не обратили даже вниманія.

Между тѣмъ Куликовъ съ товарищами продолжалъ *выживать* башкиръ изъ поселка. Онъ построилъ какія-то огнедѣйствующія заведенія, отъ которыхъ въ три года у башкиръ произошло три пожара, отобралъ у вотчинниковъ всѣ находящіяся въ лѣсу пчелиныя борти, постоянно производилъ потравы сѣна и хлѣбовъ, а въ протекающей при селеніи единственной рѣчкѣ Уй-Телякъ, служащей для водопоя, замочилъ мочало, чѣмъ заразилъ воду и причинилъ падежъ скота, отчего и пало нѣсколько десятковъ головъ.

Всѣ жалобы башкиръ на такія притѣсненія покупателей

передавались на распоряженіе пристава 5 стана Бородина, который, имѣя съ Кузнецовымъ постоянно дружбу и останавливаясь постоянно у него въ квартирѣ, вмѣсто казенной въ селеніи, потворствуетъ ему, а Кузнецовъ все усиливалъ свой произволъ и, какъ говорятъ, угрожалъ при удобномъ случаѣ башкира Исемчурина, повѣреннаго, отправить *на тотъ свѣтъ*. Насколько свободно онъ это высказывалъ, видно изъ того, что говорилъ объ этомъ Кузнецовъ при трехъ свидѣтеляхъ.

Башкиринъ Исемчуринъ заявлялъ объ этомъ и жаловался, что, чрезъ происки покупщиковъ, бывшимъ у нихъ „по особымъ порученіямъ" подпоеннымъ ссыльно-каторжнымъ бродягой Апукой былъ убитъ по ошибкѣ братъ его Юмагузинъ, а самаго его избилъ на дорогѣ и ограбилъ послѣднія деньги.

Кромѣ того, при отмежеваніи земли, для пресѣченія могущихъ встрѣтиться препятствій и сопротивленія властямъ со стороны башкиръ, былъ „для охраны" къ землемѣру командированъ чиновникъ полиціи князь Кудашевъ. Но послѣдній, „по наученію Кузнецова", ночью пьяный ворвался въ домъ Исемчурина, избилъ его жену и разграбилъ имущество.

Обо всемъ этомъ Исемчуринъ жаловался уже не мѣстнымъ властямъ, а генералъ-губернатору, почему въ 1877 году было произведено дознаніе, которымъ обнаружены и подтверждены всѣ буйства Кудашева и, кромѣ того, оказалось, что и Куликовъ съ Кузнецовымъ прикладывали свои кулаки къ бокамъ Исемчурина, устроивши цѣлое побоище. При этомъ выяснилось, что съ Кудашевымъ при погромѣ былъ еще поваръ землемѣра. „Заявленіе же Исемчурина, сдѣланное имъ 20 сентября 1876 г. уфимскому губернатору, будто Кузнецовъ принялъ къ себѣ въ услуженіе бродягъ изъ ссыльно-каторжныхъ, съ цѣлію лишить его жизни, такъ какъ *одинъ изъ нихъ*, Апукъ, искалъ уже случай убить его, но по ошибкѣ убилъ его брата Юмагузина, и что объ этомъ,

при производствѣ дознанія, было заявлено приставу 5 стана, но который не обратилъ вниманія,—по собраннымъ исправникомъ свѣдѣніямъ, не подтвердилось и жалоба на пристава оказалась несправедливою". Такъ говоритъ оффиціальное сообщеніе; я не буду ни подтверждать, ни отвергать, его и только потому, что для доказательства моихъ словъ не нашлось бы письменныхъ документовъ.

Интересное заключеніе дала оренбургская администрація по этому дѣлу 4 января 1879 года: „буйственные поступки Кузнецова и содѣйствующихъ ему лицъ, притѣсненія мѣстнаго населенія, убійство Юмагузина, хотя и не доказанное, кѣмъ оно было учинено и по какому поводу, вмѣстѣ взятые съ совершенно противузаконною покупкой земли, ясно указываютъ на необходимость уничтоженія купчей крѣпости на эту покупку, съ одной стороны, чтобы заставить уважать законъ, который не долженъ быть обходимъ окольными путями, несмотря ни на чье содѣйствіе, а съ другой, чтобы *однимъ разомъ* прекратить всѣ несправедливости и насилія, причиняемыя Кузнецовымъ мѣстному населенію. *Что касается до содѣйствія и потворства мѣстныхъ должностныхъ лицъ, пристрастно оказываемыхъ вторгающимся въ мѣстное населеніе эксплоататорамъ, то, по моему мнѣнію, это зло, неоднократно уже замѣчаемое въ Уфимской губерніи, могло бы быть прекращено энергическимъ вліяніемъ губернатора.*"

Покупка эта потомъ была кассирована и 28 сентября 1882 года слушалось въ палатѣ дѣло объ уничтоженіи купчей крѣпости.

Подлежала купчая уничтоженію потому, что а) приговоръ данъ не отъ $^2/_3$ голосовъ всѣхъ башкиръ дачи, какъ слѣдовало по закону, а только отъ выборныхъ; б) башкиры не имѣли права продавать, потому что не были проектированы и утверждены ихъ душевые надѣлы; в) продажа эта лишала

возможности правильнаго отвода надѣловъ, потому что совершена изъ земель, находящихся вблизи деревень; г) не было выдано свидѣтельство на свободную землю.

Но всѣ эти пункты палата опредѣлила неимѣющими основаній; не безъинтересны мотивы ея, которыя я и приведу въ сокращенномъ видѣ: въ продажѣ земли „участвовали не только двѣ трети вотчинниковъ, но всѣ вотчинники *въ лицѣ представителей ихъ на сходѣ*“, „что душевые надѣлы къ отводу *предназначены*, но только еще не утверждены; покупщики предлагали вотчинникамъ взять душевые надѣлы въ тѣхъ границахъ, гдѣ пожелаютъ, и вотчинники *просили* непремѣннаго члена, командированнаго для повѣрки правильности покупки земли, обязать покупщиковъ *взять* землю именно въ тѣхъ границахъ, какія означены въ купчей крѣпости, съ условіемъ, что если въ тѣхъ границахъ, какія въ ней означены, окажется менѣе 15 тысячъ десятинъ, то башкиры обязались недостающее количество прирѣзать изъ остальной свободной земли. Все это продавцы подтвердили полюбовною сказкой, засвидѣтельствованною уфимскимъ уѣзднымъ судомъ 13 марта 1874 года; „*отсюда ясно, что продажа земли послѣдовала на непринужденномъ согласіи вотчинниковъ и не въ ущербъ ихъ душевныхъ надѣловъ*, а при оныхъ условіяхъ не было никакого основанія возбужденія дѣла объ уничтоженіи купчей“. Удивительно какъ глубокомысленно!

Свидѣтельство о свободности къ продажѣ земли было выдано при покупкѣ земли Капитономъ Кузнецовымъ (то самое, которое оказалось подложнымъ); наконецъ, „вотчинники данными отзывами удостовѣрили, что они никакихъ претензій не имѣютъ и просятъ обязать покупателей взять землю въ границахъ по приговору“, и потому палата опредѣлила: купчую признать правильной, а въ искѣ генералъ-губернатора „по неправильному его предъявленію и бездо-

казательности отказать". Какъ-то теперь посмотримъ сенатъ?!

Послѣ рѣшенія этого дѣла—не помню въ какой газетѣ—появилась корреспонденція, въ которой высказывалось, что наша палата съ двумя крыльцами и что съ задняго принимаютъ больше, чѣмъ съ передняго.

Я вполнѣ подтверждаю этотъ фактъ и присоединяюсь къ сему мнѣнію.

Старая тема.

На сѣверѣ Стерлитамакскаго уѣзда, между рѣками Бѣлой и Карлыманомъ, близь большой и торговой башкирской деревни Кармаскалы, тянется небольшая возвышенность, составляющая лучшую, по урожаямъ хлѣбовъ, черноземную почву во всей окружности. Находилось это мѣсто во владѣніи башкиръ-вотчинниковъ Тюкунъ-Кси-Табынской и Дуванъ-Табынской дачи и входило въ душевые надѣлы нѣкоторыхъ деревень вотчинниковъ.

Въ 1873 году это мѣстечко пожелали пріобрѣсти, бывшій въ то время уфимскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, Валентинъ Аполлоновичъ Новиковъ съ матерью Раидой Николаевной и мировой посредникъ Дмитрій Васильевичъ Нагаткинъ, который уже извѣстенъ изъ прежнихъ очерковъ и о немъ распространяться не будемъ, равно и о г. Новиковѣ за его смертію. Впрочемъ, кстати нужно упомянуть, что послѣдній представлялъ изъ себя очень интересный и оригинальный типъ тщеславнаго человѣка, благодаря чему онъ дошелъ до сумашествія и до гробовой доски... Мать же его жива, кажется, и до нынѣ и извѣстна какъ дѣловая практическая барыня.

5 октября составили приговоръ о продажѣ, 12-го его подписалъ и засвидѣтельствовалъ въ вѣрности мировой посред-

никъ Радошновъ, а 19-го за №№ 90, 91 и 92, совершены купчія крѣпости, по которымъ Новиковъ и Нагаткинъ пріобрѣли по 1.000 дес. по 2 руб., а Новикова 500 дес. по $2^1/_2$ руб. Изъ этого видно, что все дѣло обработано по-американски, въ 14 дней!

Земля эта была покупщиками перепродана въ 1874—77 годахъ девяти деревнямъ переселенцамъ и тремъ частнымъ лицамъ, причемъ ея оказалось болѣе на 200 дес. и уже по цѣнѣ отъ 7 до 20 руб. за десятину. Такимъ образомъ вся дача, купленная за 5.250 руб., была перепродана за 28.385 руб., или въ пять разъ дороже, да и то только потому, что поторопились. При этомъ невольно обращаетъ на себя вниманіе разница цѣнъ въ купчихъ крѣпостяхъ, и есть полное основаніе предполагать, что таковые уменьшены въ купчихъ: если принять дѣйствительную, равную 20 руб. за десятину (хотя тутъ земли продаются не дешевле 30 руб.), то будетъ дѣйствительная цѣнность дачи 54.100 руб , или болѣе покупной цѣны въ 10 разъ. Выходитъ, что гешефтъ 14 дней принесъ въ карманъ покупателей полсотни тысячъ рублей. Чѣмъ же это не по-американски? Въ этомъ-то и заключается весь „фокусъ“ покупки: хотя не много, да хорошо!

Какъ я уже сказалъ, тутъ поселилось девять деревень переселенцевъ, изъ коихъ нынѣ одно уже село: поставлена церковь и все какъ слѣдуетъ. Земля эта настолько хороша, что ее буквально расхватили у первыхъ покупщиковъ, которые теперь ни о чемъ не горюютъ: „были бъ денежки въ карманѣ, остальное наплевать!“ А между тѣмъ „сыръборъ“ еще горитъ и чѣмъ „дѣло“ объ этой покупкѣ кончится—Богъ вѣсть!

Башкиры были, конечно, недовольны этою продажей и стали жаловаться. Повѣренный ихъ Айдашевъ, возбудившій это дѣло, довольно энергичная личность, былъ посаженъ въ

острогъ, но и оттуда посылалъ прошеніе за прошеніемъ. Его просьбы по существу оставались безъ послѣдствій, а губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, чтобъ „очистить“ просьбы (въ канцелярскомъ смыслѣ), производило дознаніе чрезъ своего члена г. Брудинскаго о томъ, *имѣетъ ли право жаловаться Айдашевъ и вѣренъ ли* данный ему приговоръ на ходатайство. Оказалось, что онъ имѣлъ довѣренность только на ходатайство по поземельнымъ дѣламъ отъ всей волости, а не по покупкѣ, которую начальство признало недѣйствительною. Тогда Айдашеву дали довѣренность мѣстные однообщественники башкиры дер. Мукаевой, какъ болѣе пострадавшіе отъ продажи, и онъ изъ острога все продолжалъ бомбардировать просьбами губернское начальство. Но—оно—увы! оставалось глухо. Тогда Айдашевъ сталъ жаловаться выше, а покупщики тѣмъ временемъ уже перепродали всю землю. Результатъ, наконецъ, былъ тотъ, что непремѣннымъ членомъ Стерлитамакскаго уѣзда Бухвостовымъ было произведено дознаніе. Кстати и о г. Бухвостовѣ: въ свое время онъ, бывши мировымъ посредникомъ, тоже славился содѣйствіемъ къ продажамъ башкирскихъ земель своего района и въ свою очередь надъ его дѣйствіями тоже производилось дознаніе. Выходило, что свой своему—по неволѣ братъ!

Однако, несмотря на это, по его дознанію оказалось, что приговоръ подписали малолѣтніе, не домохозяева, отсутствующіе (?!) и подсудимые, но при провѣркѣ приговора г. Радошновымъ этого раньше было не замѣчемо.

Оказалось еще, что большая часть подписавшихся была задарена покупателями чаемъ, сахаромъ и прочими продуктами, а другіе—многіе, не соглашавшіеся на принятіе подарковъ, были принуждены къ рукоприкладству чрезъ побои и угрозы старшины Ислямитдинова; сверхъ того были распущены слухи по поводу произшедшихъ въ дачахъ башкиръ

отрѣзокъ земель въ запасъ — въ казенное вѣдомство, что если земля не будетъ продана Новикову и Нагаткину „сильнымъ и вліятельнымъ лицамъ", то отберется въ казну безвозмездно. Вслѣдствіе чего, когда Радошновъ приступилъ къ повѣркѣ приговора, ему отъ многихъ башкиръ было заявлена претензія на неправильность и насиліе при составленіи приговора, но онъ на это заявленіе не обратилъ вниманія, поддерживалъ сторону покупателей, причемъ не выдалъ Айдашеву довѣренности съ цѣлію лишить его возможности со временемъ жаловаться. Поэтому, хотя одна изъ жалобъ Айдашева и была на обсужденіи присутствія, но по ней было ему отказано за неприложеніемъ довѣренности, которая, какъ въ той жалобѣ было сказано, бѣла представлена въ мировой съѣздъ съ прошеніемъ по тому же дѣлу. Здѣсь очевидно вліяніе Новикова, какъ члена присутствія, не осталось безслѣдно.

На несогласіе продажи были составлены приговоры отъ четырехъ деревень; проданные участки входили въ душевые надѣлы и башкиры частію ихъ обрабатывали и удобряли.

Въ заключеніе всѣхъ своихъ жалобъ, башкиры просили купчія крѣпости уничтожить, а если уже этого сдѣлать нельзя, *то предоставить имъ дер. Мукаевой и Шарыпкуловой право выкупить земли обратно.*

При дальнѣйшемъ изслѣдованіи положенія дѣла оказалось, что всѣ три купчія совершены хотя и послѣ отмежеванія земель припущенниками и въ запасъ, но душевые надѣлы вотчинниковъ не отведены еще до сихъ поръ. Требуемаго закономъ свидѣтельства на свободность продаваемыхъ земель при дѣлахъ палаты уголовнаго и гражданскаго суда не оказалось, хотя въ купчихъ и оговорено, что земля продается свободная, оставшаяся за душевымъ надѣломъ. Поэтому, на основаніи 4 ст. закона 9 мая 1879 г. возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ лицъ возбудившихъ

неправильное составленіе и засвидѣтельствованіе приговора, а купчія подлежатъ уничтоженію.

Въ концѣ концовъ присутствіе, по настоянію генералъ-губернатора, дало заключеніе, означенную покупку уничтожить, въ числѣ первыхъ одиннадцати, и возбудило объ этомъ въ палатѣ дѣло, которое потомъ пойдетъ въ сенатъ.

Чѣмъ все это кончится — дѣло будущаго, но теперь является интереснымъ вопросъ: если уничтожатъ покупку, то что будетъ съ переселенцами, которые успѣли построить уже церковь? Весьма очевидно, что разсчетъ покупщиковъ *на время*—этотъ цѣлитель всѣхъ недуговъ—не былъ пустымъ. И сколько еще есть у насъ такихъ переселенцевъ, которые, послѣ стѣсненнаго житья „въ Россіи", вырвавшись на свободу въ дикую Башкирію, не разбирая садились гдѣ попало и—ловко попадались въ разставленныя для нихъ сѣти!

Еще лѣсоистребители.

Покупать башкирскіе земли и лѣса кулакамъ запретили, въ аренду снимать на долгіе сроки—тоже, но наши дѣльцы до того пристрастились къ нимъ, что положительно не могутъ разстаться съ заманчивою быстрою наживой и все-таки находятъ въ законѣ щели для эксплоатаціи башкирскихъ лѣсовъ, уничтожая ихъ самымъ первобытнымъ, безцеремоннымъ способомъ.

Какъ на образчикъ такого новаго хищенія, я могу указать на слѣдующіе факты.

Въ срединѣ Бирскаго уѣзда, по рѣкѣ Танып, раскинулись двѣ башкирскія дачи: Икчіеланская и Гарейская. Много коммерсантовъ пристраивалось къ нимъ и посасывали башкиръ какъ піявки, но выдающимся по беззастѣнчивости нужно читать бирскаго купца Сергѣя Стародубцева.

Имъ въ 1882 году *самовольно*, безъ всякаго приговора отъ вотчинниковъ Инчіеланской дачи и безъ всякаго со стороны ихъ дозволенія, вырабатывался лѣсъ, бревна на сплавъ, распилку и для судовъ. Складъ издѣлій Стародубцевъ имѣлъ на рѣчкѣ Калтасѣ, по примѣру прошлаго времени, и до 1883 года выработалъ самовольно и сложилъ на этой рѣчкѣ, близь д. Новой Леткулевой, къ межѣ г-жи Мордвиновой 10.000 бревенъ, на сумму по мѣстнымъ цѣнамъ 10 тысячъ рублей, а по продажнымъ въ Саратовѣ на 80.000 рублей.

Кромѣ того, ниже пристани купца Плесцова (сидѣвшаго въ 1883 г. въ тюрьмѣ за убійство изъ револьвера башкира на своей пристани, когда тотъ потребовалъ въ числѣ прочихъ разсчетъ за работу), въ складѣ на рѣкѣ Танынѣ Стародубцевъ скупилъ также отъ припущенниковъ 4.000 еловыхъ бревенъ на соотвѣтствующую сумму по той же цѣнѣ.

Эта послѣдняя купля была сдѣлана подъ управленіемъ и особымъ вліяніемъ барьязинскаго сельскаго старосты Гайнеева и послѣдній велъ это дѣло безъ всякой формальной довѣренности и торговыхъ документовъ, въ явный ущербъ казнѣ.

Несмотря на отказы башкиръ и ихъ полѣсовщиковъ, Стародубцевъ и въ 1883 году продолжалъ производить выработку лѣса изъ Инчіеланской дачи, немилосердно опустошая ее, и тѣмъ самымъ лишалъ башкиръ собственности и заработковъ, приводилъ ихъ въ крайнее разореніе.

Пріобрѣтеніе бревенъ Стародубцевъ производилъ по ночамъ, безъ всякой пошлины, для отправки на собственную пристань, находящуюся на землѣ г-жи Мордвиновой, чрезъ управляющаго ея г. Экъ.

Стародубцевъ, вырабатывавшій въ прежнее время лѣсъ и лѣсныя издѣлія изъ названныхъ выше двухъ башкирскихъ дачъ, по приговорамъ ихъ, теперь приговоровъ этихъ не бралъ и попрежнему продолжалъ свои операціи. Онъ выправилъ только приговора отъ жителей дер. Барьязы и Ха-

зиной на устройство двухъ складовъ, собственно для лѣса: одинъ—близъ первой деревни на рѣкѣ Танынѣ, другой—близъ второй на рѣчкѣ Калтасѣ, впадающей въ Танынъ. Пріобрѣтаетъ же лѣсъ вольною покупкой отъ жителей д. Барьязы, не имѣющихъ лѣса вовсе, и отъ жителей разныхъ другихъ деревень, расположенныхъ въ окружности обоихъ складовъ и также не имѣющихъ ни собственныхъ, ни арендованныхъ лѣсовъ.

Для этого Стародубцевъ, чрезъ своихъ прикащиковъ, при взятіи приговоровъ на устройство складовъ, объявлялъ на сходахъ, чтобы возили лѣсъ къ нему, подстрекалъ и поощрялъ припущенниковъ на истребленіе всего лѣса у вотчинниковъ, сирѣчь просто на воровство.

Чрезвычайно характерная черта нашихъ эксплоататоровъ! Мало того, что сами расхищаютъ,—направляютъ для того и общинниковъ, внося ядовитое сѣмя раздоровъ и, поощряя воровство и преступленія среди сельскаго населенія, натравливаютъ такимъ путемъ на вражду другъ съ другомъ.

Поступалъ такъ Стародубцевъ потому, какъ онъ самъ говорилъ при слѣдствіи, что узналъ отъ предсѣдателя бирскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, г. Шестакова, извѣстнаго по процессу съ „Недѣлей“, о существованіи указа уфимскаго губернскаго правленія отъ 22 апрѣля 1882 г., за № 2358, по которому, какъ разъяснилъ ему Шестаковъ, будто бы нынѣ нѣтъ надобности брать приговоръ отъ башкиръ вотчинниковъ на выработку лѣса и лѣсныхъ издѣлій, такъ какъ и то и другое *разрѣшено* покупать повсюду по мелочамъ, т. е. базарною покупкою (!). И даже онъ заручился изъ бирской полиціи частною копіей съ того указа и считаетъ себя „вполнѣ въ законномъ правѣ“ поступать такимъ образомъ.

На Стародубцева башкиры въ февралѣ 1883 г. мѣстному авнику и губернатору жаловались, что, признавая такія

дѣйствія купца и барьязинскаго старосты въ отношеніи хищническаго истребленія дачи и пріобрѣтенія бревенъ незаконными, они просили оградить ихъ, привести въ точную извѣстность количество выработаннаго лѣса и предоставить право иска, а чтобы Стародубцевъ весною не могъ сплавить товаръ, наложить на таковой арестъ.

По этимъ жалобамъ было произведено дознаніе приставомъ въ присутствіи исправника, и оказалось все какъ описано выше, и что лѣсъ вырабатывался незаконно, зналъ не только купецъ, но и его прикащики и поставщики, въ видахъ чего и была производима пукупка по ночамъ и уполномоченъ на пріемку сельскій староста.

Бирское полицейское управленіе, разсмотрѣвъ дознаніе 28 апрѣля того же года, постановило выработанный лѣсъ, въ количествѣ $10^1/_2$ тысячъ бревенъ, секвестровать, а дѣло передать судебному слѣдователю, что и было немедленно исполнено.

Но тутъ началось уже столкновеніе судебной власти съ административною. Судебный приставъ, не усмотрѣвъ достаточныхъ поводовъ къ производству слѣдствія, направилъ дѣло къ прекращенію и 10 мая сложилъ арестъ. Наступила полная весна, лѣсъ нужно было сплавлять, а сплавныхъ билетовъ не было, и такъ какъ выдачу ихъ вѣдаетъ полиція, то слѣдователь, раздѣляя интересы лѣсопромышленника, сообщилъ полиціи о выдачѣ билетовъ, что на это онъ препятствій не имѣетъ, хотя ни розыска Стародубцева, ни требуемыхъ закономъ билетовъ отъ вотчинниковъ, какъ владѣльцевъ дачъ, не прислалъ.

Но такъ какъ указомъ губернскаго правленія за № 2.358 разъяснено, что въ случаѣ заявленія при производствѣ розыска окольными владѣльцами, что издѣлія выработаны изъ ихъ дачъ, полиція выдавать сплавные билеты не вправѣ и обязана дѣло представить судебной власти, то въ настоя-

щемъ случаѣ является вопросъ: компетентенъ ли былъ слѣдователь распорядиться выдачею сплавныхъ билетовъ Стародубцеву, или же это зависѣло отъ судебнаго мѣста, въ особенности послѣ того, когда самъ купецъ сознался въ покупкѣ издѣлій изъ башкирскихъ дачъ и что къ производству слѣдствія приступлено еще не было?

Возбудивши такой вопросъ, полиція представила его на рѣшеніе губернскаго правленія.

Стародубцевъ теперь тоже подалъ жалобу въ губернское правленіе на отказъ въ выдачѣ билетовъ, такъ какъ послѣдній, по его словамъ, основанъ на *личномъ* распоряженіи исправника, который принялъ на себя всю отвѣтственность за неправильныя дѣйствія, и просилъ предписать полиціи немедленно выдать сплавныя билеты и подвергнуть исправника за несвоевременную выдачу, законному взысканію, предоставивъ право взыскать съ него причиненные убытки.

Чѣмъ кончилось это дѣло, не знаю. Интересно здѣсь то обстоятельство, что какъ купецъ, такъ и уѣздная администрація основывали свои дѣйствія на указѣ губернскаго правленія, и имѣло ли еще послѣднее право измѣнять существующіе спеціальные законы объ эксплоатаціи башкирскихъ лѣсовъ.

Въ слѣдъ за этимъ въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи по этому поводу былъ внесенъ довольно обширный докладъ, но пожевали, пожевали его, да такъ и оставили „до слѣдующаго засѣданія". Такъ у насъ дѣлается всегда съ такими вопросами, гдѣ затрогиваются принципіальныя стороны.

Но указанный примѣръ хищнической скупки лѣсовъ и издѣлій изъ башкирскихъ дачъ далеко не исключительный. Такъ, въ томъ же году, изъ Сунлярской дачи, Байкибашевской волости, по рѣкѣ Уфѣ, было пріобрѣтено 25.000 штукъ ли-

повой плашки и другіе товары крестьяниномъ села Байковъ Блиновымъ, также вольной базарною покупкой. Весною необходимо было заручиться сплавными билетами, въ какой именно дачѣ вырабатывались издѣлія, а при этомъ слѣдовательно заплатить башкирамъ пошлину; башкиры се и потребовали, но Блиновъ не далъ и не получилъ отъ нихъ билетовъ. Тогда промышленникъ обращается къ главноуправляющему имѣніями г. Базилевскаго, у котораго и самъ былъ прикащикомъ въ Шоттовской дачѣ, съ просьбою дать ему билетъ съ поясненіемъ, что товаръ выработанъ въ Максимовской дачѣ г. Базилевскаго, а эта дача лежитъ внизъ по Уфѣ отъ Сунлярской на 100 верстъ. Билетъ выдается, лѣсъ сплавляется и башкиры остаются съ носомъ. На такой подлогъ было указано прокурору палаты и только за силою коронаціоннаго манифеста дѣло это не получило дальнѣйшаго направленія.

Да если перечесть всѣ случаи хищничества, то придется перебрать добрую долю всѣхъ уфимскихъ лѣсныхъ торговцевъ; приведенные два примѣра составляютъ только канву, самое же полотно остается неразвернутымъ, просто за неимѣніемъ „письменныхъ доказательствъ“.

Хотя и необходимо къ охраненію башкирскихъ лѣсовъ и интересовъ принять какія-либо мѣры, но когда все это будетъ жеваться, отъ лѣсовъ останутся одни только пни, а объ интересахъ башкиръ, судя по современному направленію, настолько сильно заботятся, что въ скоромъ времени правительство принуждено будетъ взять ихъ на хлѣбы.

Нѣсколько словъ вообще объ лѣсныхъ выработкахъ въ башкирскихъ дачахъ. Башкирскіе вотчинные лѣса, какъ въ размежеванныхъ, такъ и не въ размежеванныхъ дачахъ эксплоатируются безъ всякаго порядка. Предписанныя въ Положеніи о башкирахъ правила для отдачи въ аренду и кортому лѣсовъ и земель положительно не исполняются. Ни въ

одной лѣсной дачѣ требуемыхъ закономъ лѣсосѣкъ не существовало и не существуетъ; равнымъ образомъ нѣтъ и лѣсниковъ, а если гдѣ таковые и есть, то въ очень ограниченномъ количествѣ, такъ что наблюдать за цѣлостью дачъ дѣлается совершенно невозможнымъ. Хотя при отдачѣ въ кортому лѣсовъ и составляются общественные приговоры, но это есть лишь пустая формальность. Можно безошибочно сказать, что составленіе приговоровъ есть предметъ дохода волостнаго и сельскаго начальства, широкое поле для злоупотребленій своею властью и вліяніемъ, въ особенности волостныхъ старшинъ и писарей. Уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, на которыхъ лежитъ прямая обязанность охранять интересъ полудикаго населенія, не сознающаго ихъ, ровно ничего не дѣлаютъ. Повѣрка приговоровъ непремѣнными членами дѣлается наобумъ и требованіе закона о раздѣленіи лѣсовъ на лѣсосѣки совершенно ими игнорируется. Мало того, повѣрка приговоровъ и утвержденіе ихъ присутствіями дѣлается если не черезъ годъ, то во всякомъ случаѣ спустя такое время, когда приговоръ самъ собою терялъ всякое значеніе и лѣсныя издѣлія не только были уже выработаны, вывезены, но часто и сплавлены внизъ по матушкѣ по Волгѣ, такъ что еслибъ и открылись злоупотребленія при составленіи приговоровъ, то парализировать таковые не было уже никакой возможности. Результатомъ такихъ отношеній является тотъ фактъ, что громадныя дѣвственныя башкирскія лѣса въ настоящее время уже вырублены, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остались отъ нихъ только одни молодняки и пни, а часто и одно лишь преданіе. Въ довершеніе всего изданный указъ уфимскаго губернскаго правленія за № 2358, безгранично расширившій понятіе о базарной и мелочной покупкѣ не только лѣсныхъ издѣлій, но и бревенъ, еще болѣе развязалъ руки эксплоататорской дѣятельности лѣсопромышленниковъ.

Червонные валеты.

Очень недавно для насъ злобу дня составляли дѣла, производившіяся въ уфимской соединенной палатѣ по возбужденнымъ бывшимъ генералъ-губернаторомъ Крыжановскимъ кассаціямъ купчихъ крѣпостей на пріобрѣтенныя отъ башкиръ земли.

Въ столичной прессѣ мало появлялось свѣдѣній объ этихъ покупкахъ, и потому на нихъ было мало обращено вниманія; между тѣмъ выясненіе этихъ дѣлъ составляетъ громадное значеніе для края какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ.

Я разскажу здѣсь „эпизодикъ", какъ скупались башкирскія земли, и характеризирую охотниковъ до легкой наживы, составившихъ цѣлую корпорацію, новый клубъ червонныхъ валетовъ.

Ни одно изъ дѣлъ о разграбленіи башкирскихъ земель не выдавалось по своей наглости такъ рельефно и не заняло такъ умы юристовъ, какъ нижеслѣдующая покупка изъ Балакчинской дачи. Впрочемъ, заняло умы нашихъ „аблакатовъ" не по наглости своей, не потому, что грабленіе есть порокъ, есть зло, которое слѣдовало бы истреблять во что бы то ни стало, но лишь потому, что юристы никакъ не могутъ взять себѣ въ толкъ, отчего указъ сената, уничтожившій приговоръ на покупку земли, какъ основаніе ея, не приводится въ исполненіе, а купчая, совершенная на основаніи этого приговора, осталась неприкосновенною и даже возбудилось особое дѣло объ ея уничтоженіи въ мѣстной палатѣ и тянется это дѣло цѣлые десятки лѣтъ.

Впрочемъ это дѣло настолько интересно, что необходимо его описать болѣе подробно.

Составляется компанія изъ нахичеванскаго купца Сте-

пана Авгаровича Кожевникова и бирскихъ купцовъ Егора Ѳедоровича Треумова и Василія Алексѣевича Уткина, подъ предводительствомъ послѣдняго.

Намѣчается дача Балакчинской волости въ Бирскомъ уѣздѣ, на границахъ Златоустовскаго и Красноуфимскаго, при рѣкѣ Уфѣ, покрытая дѣвственными почти лѣсами хвойныхъ породъ и перерѣзанная множествомъ сплавныхъ рѣчекъ, составляющихъ громадное удобство для лѣсопромышленниковъ.

9 октября 1873 года былъ составленъ приговоръ, изъ котораго видно, что Уткинъ съ К° закупилъ 30.000 десят. по лѣвую сторону рѣки Уфы, по 70 коп. за десятину, а всего за 21 тысячу рублей, уплата которыхъ должна быть такъ: въ задатокъ 5000 рублей, при совершеніи купчей 6.000 рублей, а остальные 15 тысячъ разсрочены на три года; затѣмъ сдѣлали слѣдующую оговорку: „если по измѣренію окажется въ участкѣ земли болѣе сказаннаго количества, то излишняя земля должна поступить въ пользу покупателей и за таковую они, вотчинники, особой платы требовать не должны“. А если кто-либо изъ сторонъ приговоръ нарушитъ, то должны платить неустойки 150.000 р.

Въ 1874 году 28 августа, за № 48, совершили купчую крѣпость, причемъ границы въ ней описали такъ: начиная отъ генеральной межи, раздѣляющей Балакчинскую дачу съ большой Кукчинской волостью дер. Моржангуловой, отъ рѣки Уфы, идя по означенной генеральной межѣ до дачи Уфатанынской волости дер. Кигазы до вершины рѣчки Большой Тавды (примыкая къ этой смежности, Уткинъ купилъ у башкиръ раньше 100.000 десят. по 8 коп.), отсюда идти на вершину лога Биряжъ-Яръ, коимъ до устья Вилякула и рѣки Уфы и вверхъ теченія оной половиною ея до начальнаго пункта.

Такимъ образомъ описаніе это изобразило границы въ видѣ *кольца*.

Удобной и неудобной земли здѣсь, какъ сказано было раньше, предположено 30 тысячъ десятинъ, по произведенному же раздѣлу землемѣромъ Трапперомъ тутъ оказалось ни много, ни мало, а 60.000 десятинъ, стоющихъ въ дѣйствительности minimum по 20 руб. за десятину—1.200.000 рублей.

Интересно, что о совершеніи купчей башкиры не знали, да и вообще все дѣло по продажѣ этого громаднаго количества земли оборудовали при участіи ихъ повѣренныхъ, подкупленныхъ покупщиками.

Компанія вступила во владѣніе купленною землей и начала уничтожать лѣсъ, что мирно практикуетъ и по сейчасъ.

Смотря съ формальной стороны, глазами чиновника, на это дѣло, все, кажется, сдѣлано ладно, законно и повидимому „камаръ носа не подточитъ". Но... замѣшалось это проклятое слово... просьбы за просьбами на незаконность по понятіямъ башкиръ и неправильность сдѣлки полетѣли въ разныя учрежденія.

Помимо башкиръ, жаловались оренбургскому генералъ-губернатору и крестьяне дер. Янбая съ прочими о томъ, что они по договору 1817 г. пріобрѣли отъ вотчинниковъ 10 тысячъ десятинъ, срокомъ на 50 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы балакчинцы, по окончаніи этого срока, не продавали означенной земли въ постороннія руки, а вошли бы опять въ соглашеніе съ ними; почему они въ 1867 году и желали войти въ это соглашеніе, но мировой посредникъ Викторъ Александровичъ Фокъ воспретилъ это впредь до нарѣзки земли припущенникамъ. Хотя послѣ башкиры и желали вновь отдать янбаевцамъ арендованный въ 1817 году участокъ земли, но къ осуществленію этого воспрепятствовалъ уже Уткинъ (!), который захватилъ и ихъ землю непра-

вильно, такъ какъ башкиры все-таки ему той земли не продавали.

Сами же башкиры жаловались, что тутъ употреблены обманы, угрозы, подлоги, насилія, аресты и т. п. безобразія.

Всѣ эти жалобы привели къ тому, что Фоку понадобилось писать объясненія, но они, вѣроятно, были настолько сомнительны, что назначено было произвести сначала дознаніе члену губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія генералу Листовскому, а потомъ формальное слѣдствіе чиновнику особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ генералу Шмотину.

И тутъ-то вотъ оказалась слѣдующая, еще далеко не полная картина подлоговъ, мошенничества, насилій. Оказалось, что приговоровъ на продажу было составлено два: первый отъ 440 лицъ, а второй, дополнительный, отъ 84. Это объясняется тѣмъ, что еслибы торгъ покупателей производился съ вотчинниками на правильно-составленномъ сходѣ, то не было бы никакихъ поводовъ къ выраженію рѣшенія схода въ двухъ приговорахъ. Да и приговоры были постановлены не на сходѣ, что подтверждаютъ какъ согласившіеся на продажу, такъ и несогласившіеся.

Первый приговоръ подписывался сначала въ дер. Кишкиной, расположенной внутри Балакчинской дачи, въ продолженіе 4 дней, въ теченіе которыхъ одни башкиры пріѣзжали, а другіе уѣзжали, подписавъ уже приговоръ. Тѣмъ не менѣе и при такихъ условіяхъ, изъ числа значущихся въ приговорѣ, подписали въ Кашкиной немного болѣе половины.

Приговоръ башкирамъ не читали ни при началѣ схода, ни долго впослѣдствіи. Волостной старшина отказывалъ башкирамъ въ томъ подъ разными предлогами и добивался подписей. Многіе такъ и подписались, основываясь на удостовѣреніи старшины, писаря и нѣкоторыхъ стариковъ, под-

купленныхъ покупщиками, что приговоръ составленъ по ихъ желанію. Нѣкоторые же вотчинники желали во что бы то ни стало прочесть приговоръ и добились этого, но какъ только узнали о дѣйствительномъ его содержаніи, такъ и заявили, что онъ—фальшивый, и отказались отъ подписей, вынужденныхъ у нихъ обманомъ, почему и требовали приговоръ уничтожить. „Поднялся большой шумъ, началась драка" согласныхъ съ несогласными. Покупщики увидали, что послѣ этого въ Кашкиной имъ оставаться нельзя; пожалуй поколотятъ обманщиковъ или можетъ случиться что-нибудь неблагопріятное. И вотъ послѣ этого приговоръ былъ перевезенъ въ дер. Кубіязову и, чтобъ успокоить башкиръ, сказали имъ, что это дѣлается для того, чтобы приговоръ тамъ исправить, но въ Кубіязовой снова стали собирать къ нему тамги.

Здѣсь не подписавшихся остальныхъ башкиръ вызывалъ для подписи волостной старшина Араслановъ по-одиночкѣ изъ разныхъ деревень Балакчинской дачи, верстъ за 10—40, такъ какъ Кубіязова находится въ другой вотчинной Уфатанынской дачѣ, и тамъ на квартирѣ Уткина продолжалъ заставлять подписывать приговоръ порознь въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Здѣсь практиковались самыя невѣроятныя вещи. Вытребованные, напримѣръ, волостнымъ старшиной въ Кубіязову не всегда даже подписывали приговоръ при старшинѣ или старостѣ, а тамги отбирались иногда самимъ Уткинымъ, или хозяиномъ квартиры его, совершенно постороннимъ дѣлу башкиромъ Болтачевымъ; нѣкоторые же вотчинники прикладывали тамгу на особомъ клочкѣ бумажки, если не заставали никого дома. Сельскій писарь Кощеевъ отказывался было при такихъ условіяхъ записывать имена башкиръ и перекопировывать тамги съ листочковъ въ приговоръ, но былъ принужденъ къ тому старшиной.

Кромѣ того, старшина многихъ башкиръ принуждалъ подписывать приговоръ насильно, утверждая, что продается только 30 тысячъ, а не кольцомъ, и только послѣ этого тѣ подписывали.

При такой постановкѣ дѣла весьма важно обратить вниманіе на существо самого приговора и сдѣланныхъ противъ него заявленій. Въ немъ сказано, что земля продается излишняя за надѣлами припущенниковъ, но подъ этими землями башкиры опредѣляли не собственно ихъ надѣлъ по межеванію, а всѣ земли, которыми они пользовались по договору 1817 года и другихъ. Уткинъ покупалъ и описалъ въ приговорѣ „кольцомъ", а согласные башкиры продавали только 30 т. десятинъ.

При подписи какъ-то разъ собралось нѣсколько человѣкъ башкиръ, они опять стали приставать прочитать имъ приговоръ и въ чемъ заключались сдѣланныя въ немъ, по ихъ мнѣнію, измѣненія. Но волостной старшина и писарь положительно отказывались отъ этого, говоря: „подписывай приговоръ,—читать теперь нѣкогда", или „сходу прочитаютъ, а каждому читать нельзя". Да оно и правда, что читать было нѣкогда: торопились обработать поскорѣе это дѣлишко, да и приговоръ былъ тотъ же, и еслибы прочитали, то опять была бы драка.

Но дѣятелямъ казалось, что предпринимаемыхъ мѣръ для собиранія подписей употреблялось мало, и вотъ изобрѣтаютъ новый, „неблаговидный" по-чиновничьи и безобразный въ дѣйствительности способъ. Волостной старшина утверждалъ, что съ земель будутъ большіе налоги и сборы, на вотчинникахъ большія недоимки, и если землю не продадутъ, то онъ сейчасъ же будетъ взыскивать деньги. Это обстоятельство грозило полнымъ разореніемъ, башкиры устрашились и угроза выколачиванія недоимокъ не могла не подѣйствовать на согласіе.

Такимъ образомъ, при помощи угровъ, приказаній и увѣщаній старшины, а частію подкуповъ и подарковъ, приговоръ подписывали въ теченіе шести мѣсяцевъ, пока наконецъ было собрано узаконенное число голосовъ и онъ могъ считаться конченнымъ и законнымъ.

Всѣ заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ лица сознавали возможность возникновенія спора со стороны башкиръ о правильности изложенія приговора, почему и составили удостовѣреніе отъ 10 человѣкъ постороннихъ лицъ, что приговоръ написанъ и подписанъ при нихъ на сходѣ и проч, хотя этихъ постороннихъ понятыхъ людей вовсе и не было, и ихъ никто не видалъ, и приговоръ при нихъ волостной старшина не повѣрялъ.

Во время подписей приговора, 12 октября 1873 года, 138 домохозяевъ обратились къ Фоку съ прошеніемъ о выдѣлѣ имъ изъ продаваемаго участка причитающейся на ихъ долю части, такъ какъ они продавать не желали. Съ такою просьбой они обращались и къ губернатору, которая была передана тоже Фоку, но послѣдній не обратилъ на нихъ вниманія, а 30 августа 1874 года, на третій день по совершеніи купчей Уткину, объявилъ имъ, чтобъ они съ этимъ ходатайствомъ обратились къ сельскому сходу.

Еще ранѣе повѣрки приговора, а именно 22 ноября 1873 года, 127 домохозяевъ, башкиръ просили Фока, что продажа совершена неправильно, что ихъ однообщественники продали Уткину землю по лѣвую сторону Уфы только 30 тысячъ десятинъ, а не все урочище, въ которомъ они считаютъ 70 тыс. десятинъ и въ которое вошли надѣлы трехъ деревень; указывали на всѣ злоупотребленія и просили приговоръ уничтожить. Но Фокъ, имѣя въ рукахъ такое заявленіе, не обратилъ никакого вниманія на это дѣло.

Кромѣ того, какъ показывалъ на слѣдствіи писарь Кощеевъ, Фоку не только было извѣстно все, что дѣлалось въ

Кубіязовской волости по этому предмету, но онъ самъ принималъ дѣятельное участіе въ сдѣлкѣ Уткина. Черновой приговоръ былъ писанъ рукою Уткина, а исправленъ рукою Фока, и его, по перепискѣ набѣло Кощеевымъ, Уткинъ взялъ себѣ.

Въ февралѣ 1874 года Фокъ началъ производить повѣрку приговора. Уткинъ привезъ было и денегъ 5.000 руб., но башкиры не взяли и совершенно отъ нихъ отказались.

Время для этой повѣрки выбрали самое удобное въ интересахъ покупщиковъ. „Стужа была сильная, буранъ, вѣтеръ; народъ шибко зябъ,—одежа плохая,—и другой радъ былъ поскорѣе со схода уйти“, разсказывали на слѣдствіи башкиры. Обстоятельство это, характеризующее пріемъ повѣрки приговора, невольно наводитъ на размышленіе, что вотчинники, побуждаемые стужей, такъ какъ они держались подолгу на дворѣ, были готовы давать всякія показанія, лишь бы только поскорѣе уйти со схода. Это въ особенности ярко выступаетъ, когда мы узнаемъ, что повѣрка производилась въ теченіе четырехъ дней и въ это время „при стужѣ“, захватывающей дыханіе, со схода ихъ не пускали и, какъ выражаются башкиры, „народъ совсѣмъ морилъ“. Выходитъ, что это была тоже своего рода пытка, перенесенная на башкиръ гг. Фокомъ и Уткинымъ изъ лексикона пытокъ инквизиторовъ.

Когда посредникъ прочиталъ сходу приговоръ, то всѣ башкиры заговорили, что это не ихъ приговоръ, что онъ фальшивый, что землю кольцомъ не продавали, а только 30 тыс. десятинъ.

Здѣсь не безъинтересно разсказать эпизодъ съ планомъ на Балакчинскую дачу. Башкиры вполнѣ сознавали, что ихъ обманываютъ, хлопотали во всѣхъ возможныхъ присутственныхъ мѣстахъ и у Фока о выдачѣ имъ плана, для того, чтобы точно опредѣлить продаваемое количество, но все

безуспѣшно. Планъ этотъ оказался при повѣркѣ у Фока и онъ съ покупателями, точно зная количество десятинъ 60.000, убавили на 30.000, зазнамо смошенничали. Башкиры, увидавъ планъ у Фока, спросили, какимъ образомъ онъ попалъ къ нему; они хлопотали шесть лѣтъ о немъ и все-таки не нашли?

— Посредникъ все можетъ сдѣлать,—отвѣчалъ Фокъ лаконически.

Послѣ этого шумъ, крики поднялись страшные. Народъ сталъ расходиться, но Фокъ, нисколько не страшась этимъ, (птица уже обстрѣленная!), приказалъ вернуть ихъ и началъ напускать страхи: то имъ не ладно будетъ, то подъ судъ отдастъ, розгами выпоретъ, въ острогъ засадитъ и т. д. Потомъ сталъ по-одиночкѣ вызывать въ волостное правленіе и спрашивать:

— Продавалъ ли Уткину землю? Подписывалъ ли приговоръ? Твоя ли тамга?

При этомъ башкиры отвѣчали, что подписывали, но продавали только 30 тысячъ; приговоръ фальшивый.

За такіе отвѣты Фокъ сажалъ однихъ подъ арестъ, другимъ грозилъ судомъ, а тѣхъ, кто упорно заявлялъ объ этомъ, сажалъ въ кутузку, чтобы прекратить сообщеніе ихъ съ народомъ.

Фокъ соблюдалъ только внѣшнюю форму повѣрки и добивался отзывовъ башкиръ въ утвердительномъ смыслѣ для покупщиковъ.

Вотъ сцены. Призываются въ правленіе башкиры, Фокъ спрашиваетъ:

— Тамгу приложилъ?

— Приложилъ, только....

— Пошелъ вонъ! и башкиръ уходитъ.

Приходитъ другой, заявляетъ то же.

— Это не твое дѣло! Это законнымъ порядкомъ разъ-

ищется!—кричитъ Фокъ имъ.—„Врешь, кольцомъ продавалъ!“ „Тебя объ этомъ не спрашиваютъ“... „Народъ согласенъ продать кольцомъ, ты почему не согласенъ? Подъ судъ попадешь, я тебя подъ формальное слѣдствіе отдамъ“ и т. д. нѣсть числа.

Но вотъ еще грустная картина. Является старикъ 62 лѣтъ, Сагитовъ, дряхлый, больной, худой, въ отрепьяхъ. Когда онъ заявилъ Фоку, что старшина и старики увѣрили его будто бы продаютъ только 30 тыс., что совершили обманъ и т. п., то какъ только онъ отошелъ отъ стола, къ нему подходитъ старшина Аряслановъ и сказалъ, что посредникъ велѣлъ посадить его подъ арестъ. И его дѣйствительно посадили въ холодную чижовку. На немъ былъ одинъ худой кафтанишко; холодъ пронималъ его до костей, онъ зябъ и во все время ареста кричалъ, стоналъ, молилъ, что умираетъ, и только въ полночь его перевели въ правленіе, а потомъ два дня караулили на квартирѣ, чтобъ онъ не имѣлъ сообщенія со сходомъ, такъ какъ произвелъ бы тамъ неблагопріятное впечатлѣніе, вслѣдствіе своего вліянія; въ данномъ же случаѣ башкиры, наоборотъ, еще больше страшились силы и могущества „мироваго“.

А Фокъ все кричалъ на башкиръ: „вы, мошенники! Уткина хотите разорить! Еще десять дней сходъ на морозѣ продержу!“...

И такими мѣрами у болѣе трусливыхъ вызывалъ скорѣе согласіе, самыхъ же упорныхъ сажалъ въ кутузку, не топленную отъ 12 до 20° мороза, и держалъ ихъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не вырывалъ согласія. Иныхъ же, кто поддавался на подкупъ Уткина, дарилъ сахаромъ, чаемъ, водкой, деньгами. Вообще здѣсь личность была вполнѣ поругана.

Но какъ Фокъ „не ерепенился“, а все-таки несогласныхъ набралось 175 человѣкъ. Изъ правленія онъ пошелъ къ

себѣ на квартиру и приказалъ идти за нимъ несогласнымъ. Они встали на дворѣ, тамъ и стали дожидаться, что скажетъ „мировой". Ждали его до сумерекъ, потомъ сумерки, вечеръ, а Фокъ все не выходилъ, милостиваго къ нимъ слова не сказалъ. Морозъ же давалъ себя чувствовать, да и голодъ тоже, и вотъ стояли, стояли и порѣшили разойтись по квартирамъ.

Эти 175 человѣкъ утверждали при повѣркѣ, что ихъ подписи добыты обманомъ, къ подложно составленному приговору, а въ соединеніи съ неучаствовавшими въ приговорѣ, не желавшими совершенно продавать земли 138 человѣками, они составили болѣе $^1/_3$ домохозяевъ, которыхъ считалось 575 человѣкъ, а слѣдовательно это одно обстоятельство, лишало приговоръ всякаго законнаго значенія, потому что для утвержденія его нужно согласіе $^2/_3$ голосовъ но, несмотря на это, Фокъ, вмѣсто того, чтобы возвратить приговоръ, признать его незаконнымъ, засвидѣтельствовалъ въ вѣрности и правильности 22 августа 1874 года. Такой промежутокъ съ февраля, полугодичный, то-есть со времени повѣрки приговора, нужно объяснить тѣмъ, что Фокъ все-таки колебался и трусилъ, не будетъ ли со стороны властей по жалобамъ башкиръ какого-либо преслѣдованія и онъ могъ бы оправдаться; но такъ какъ этого не случилось, все покуда „обстояло благополучно", то онъ и засвидѣтельствовалъ.

Здѣсь является весьма важнымъ еще одно обстоятельство. Изъ числа 175 человѣкъ Фокъ „для своей цѣли" выбралъ 24 и чрезъ бирскій уѣздный судъ настоялъ на производствѣ объ нихъ судебнаго слѣдствія „за ложный извѣтъ о неправильности будто бы приговора" и „за оклеветаніе должностныхъ лицъ въ злоупотребленіяхъ, измѣнившихъ приговоръ",—въ тѣхъ видахъ, что это окончательно терроризируетъ башкиръ и навсегда зажметъ имъ рты.

При заявленіи такого значительнаго числа вотчинниковъ о подложности приговора, мировой посредникъ, еслибы нашелъ необходимымъ возбудить судебное слѣдствіе, то оно должно бы быть направлено противъ подлога, но никакъ ни противъ оклеветанія, при такомъ обстоятельствѣ приговоръ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть уже засвидѣтельствованъ.

Слѣдствіе, возбужденное Фокомъ, въ іюнѣ 1874 года производилъ судебный слѣдователь 3 участка Бирскаго уѣзда Яновичъ и при этомъ лично присутствовали Фокъ и Уткинъ. Цѣлую недѣлю трудились они; а слѣдователь, какъ бы рисуясь предъ посредникомъ и покупщикомъ, что и онъ тоже можетъ „орудовать", угрожалъ башкирамъ ссылкою въ Сибирь на каторжныя работы. Дѣло это поступило потомъ въ палату и все-таки, не смотря на „пристрастные допросы" слѣдователя, палата башкиръ оправдала. Но Фокъ все-таки достигъ своей цѣли: несчастные башкиры въ продолженіе довольно долгаго времени находились подъ полицейскимъ присмотромъ, терпѣли лишенія отъ отказа волостнаго правленія выдавать имъ виды на отлучки и свидѣтельствовать договоры на подряды лѣсныхъ товаровъ, о чемъ они безъуспѣшно приносили жалобы тому же мировому и слѣдователю, отрывались отъ работъ и таскались по слѣдствіямъ и судамъ.

Нельзя не обратить вниманія на такое положеніе вещей. Мы будемъ искать причину, почему Фокъ, Яновичъ и другія лица такъ внимательно относились къ дѣлу интересовъ Уткина, проявили пристрастіе къ этому и положительно уничтожали башкиръ,—они, какъ должностныя лица, не только ничего не дѣлали справедливаго, но, напротивъ, даже и слышать объ этомъ ничего не хотѣли. Но причину этого долго искать нечего.

Одновременно съ этою покупкою мировой посредникъ

Фокъ пріобрѣлъ за труды отъ Уткина сперва по запродажной записи, а потомъ по безденежной купчей крѣпости на имя своей жены половину участка, купленнаго тѣмъ же Уткинымъ, и при подобныхъ же обстоятельствахъ у вотчинниковъ Каратаныпской дачи, которая находилась въ завѣдованіи того же Фока. Участокъ этотъ равняется 12.000 десятинъ, а на деньги—240.000 рублей. Да кромѣ того приличный кушъ чистыми деньгами на устройство этой дачи. Тутъ г. Фокъ и положилъ свои кости. Въ 1886 г. крестьяне, у которыхъ онъ отбилъ эту землю, его застрѣлили, въ то время, когда онъ выходилъ изъ купальни („Новое Время").

Равнымъ образомъ и судебный слѣдователь Яновичъ купилъ у того же Уткина на имя своей жены 3.000 десятинъ въ Султаныпской тюбѣ, пріобрѣтенной Уткинымъ въ числѣ 17.000 десятинъ, при помощи того же Фока и почти тоже одновременно!

Оффиціально эти пріобрѣтенія должностными лицами признаны „имѣющими характеръ лихоимственный", т.-е., попросту говоря, *взятка*.

Волостной старшина Кутлуй Аразлановъ получилъ отъ Уткина взятку два ящика чаю и 500 руб. деньгами, а волостной писарь Александръ Ѳедоровъ—одинъ ящикъ чаю и 300 руб. деньгами.

Уткинъ, послѣ утвержденія приговора, внесъ, въ видѣ задатка за Балакчинскую дачу, 5 тысячъ рублей, отъ которыхъ вотчинники, какъ сказано было раньше, отказались. Эти деньги должны были храниться въ Кубіязовскомъ волостномъ правленіи, но въ 1875 году волостной старшина Мухаметдинъ Давлетбаевъ и волостной писарь Александръ Пастуховъ стали распускать слухъ, что изъ этихъ 5 тысячъ ничего не осталось, такъ какъ они употреблены на покрытіе недоимокъ, которыхъ за обществомъ никогда не бывало.

Чтобы еще больше убѣдить кашкинцевъ въ существованіи недоимки, волостное правленіе донесло приставу 1 стана Бирскаго уѣзда Будникову, что за обществомъ состоятъ недоимки за первую половину 1875 года. Будниковъ посредствомъ полицейскихъ мѣръ *обжорной команды* и продажи съ аукціона имущества башкиръ выручилъ около тысячи рублей и деньги были сданы въ казначейство; но такъ какъ никакой недоимки по счетамъ казначейства не существовало, то послѣднее приняло деньги въ счетъ податей на 1876 годъ.

Такимъ образомъ волостное правленіе хотѣло убѣдить балакчинцевъ, что не только 5 тысячъ рублей ушли на недоимки, но что ихъ еще не достало и потому потребовался дополнительный сборъ. Кромѣ того, это выколачиваніе несуществующихъ недоимокъ и обжорная команда имѣли цѣль застращиванія башкиръ, такъ какъ 9 апрѣля 1875 г. было поручено произвести слѣдствіе Листовскому,—значитъ, нужно было башкиръ къ этому приготовить.

Но для того, чтобы скрыть слѣды неправильныхъ расходовъ этихъ денегъ, нужно было, чтобы дѣло производства и счетоводства было уничтожено безслѣдно. И вотъ, 24 мая 1876 г., въ правленіи случился пожаръ. Шкафъ съ книгами и дѣлами загорѣлся сзади, со стороны стѣны, около которой стоялъ; но такъ какъ въ это время въ правленіи никого не было, то дымъ, сгущаясь все больше и больше, сталъ душить содержащагося подъ арестомъ какого-то башкира, который сталъ кричать черезъ окно. Сбѣжался народъ и пожаръ былъ потушенъ. Дѣла пострадали очень мало, а въ поджогѣ обвинили сидѣвшаго въ кутузкѣ башкира, потому что онъ содержался за стѣной, около которой загорѣлся шкафъ, хотя пожаръ произошелъ не съ его стороны, а выйдти для поджога онъ не могъ, потому что былъ за-

перть на замокъ и поэтому самъ былъ въ опасности сгорѣть.

Кашкинцы, видя, что ихъ собственность находится въ опасности, просили мироваго посредника Топорнина, заступившаго Фока, въ то время выбраннаго въ члены губернской земской управы, произвести повѣрку и учетъ денегъ, хранящихся и израсходованныхъ волостнымъ правленіемъ, но г. Топорнинъ отвѣчалъ, что не понимаетъ ихъ просьбы.

Какъ полагаютъ кашкинцы, непонятливость эта происходитъ отъ того, что значительная доля изъ пяти тысячъ рублей, внесенныхъ Уткинымъ, перешла въ его карманъ, и для него дѣйствительно становилось непонятнымъ, зачѣмъ знать это обществу.

Весьма очевидно, что такія вещи не могли не обратить на себя вниманія. Фока сенатъ предалъ суду и приговоръ о покупкѣ земли уничтожилъ. Но наша палата уголовнаго и гражданскаго суда оправдала Фока, а земство даже выбрало его въ 1883 году въ непремѣнные члены губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, но не утвердили вслѣдствіи рекомендаціи бывшаго губернатора Щепкина.

Яновичъ же вышелъ только въ отставку и поживалъ въ послѣднее время въ Петербургѣ на службѣ у Демидова Санъ-Донато по устройству его горнозаводскихъ на Уралѣ крестьянъ.

При такихъ обстоятельствахъ расхищено только въ Уфимской губерніи $1^1/_2$ милліона десятинъ, а сколько въ Пермской, Самарской, Оренбургской, тому и счету нѣтъ.

Несмотря на такія безобразія, наша соединенная палата утверждаетъ купчія и тутъ невольно напоминается исторія съ задними крыльцами, разказанная въ одной какой-то корреспонденціи и вовсе не составляющая у насъ тайны.

Разсказанный эпизодъ не есть исключительный,—онъ можетъ служить только примѣромъ,—но было и почище этого.

Бывшая у насъ сенаторская ревизія только на время успокоила общество, но ничего не сдѣлала по отношенію къ покупкамъ башкирскихъ земель. Участвовавъ ранѣе въ сенаторской ревизіи, губернаторъ Щепкинъ началъ было направлять дѣла о покупкѣ башкирскихъ земель на законную и справедливую почву, но это не понравилось дворянству, изъ которыхъ вліятельные суть скупщики, и вотъ на него составляется петиція, а доносовъ и анонимныхъ, и подписанныхъ, и коллективныхъ посылалось безъ числа. Результатъ всего этого былъ тотъ, что Щепкина убрали.

Уткинъ, чрезъ посредство Фока, пріобрѣлъ въ Бирскомъ уѣздѣ всего до 300.000 десятинъ, и если считать среднюю стоимость по 20 руб. десятину, всего расхитилъ на 6 милліоновъ рублей. Чѣмъ же это лучше разныхъ исторій въ родѣ Рыкова съ К°? Но тотъ обобралъ имущій классъ, а этотъ— нищихъ!...

Наканунѣ „Христа ради".

Печальную картину житья-бытья представляютъ собою бывшіе крѣпостные крестьяне г. Базилевскаго, села Моисеева (Никольское), Уфимскаго уѣзда, Новоселовской волости.

Прежде они принадлежали казанскому помѣщику Моисееву, воспѣтому Лермонтовымъ въ его юношескомъ стихотвореніи „Монго", въ которомъ Моисеевъ очерчивается какъ пьяница, имѣющій на содержаніи у себя танцорку Пименову, „красу и честь балетной сцены".

Но Моисеевъ, какъ говорятъ мужики, проигралъ ихъ въ карты Базилевскому, составившему, по разсказамъ старожиловъ, милліонное состояніе за зеленымъ столомъ...

Крестьянамъ села Моисеева по уставной грамотѣ, введенной въ дѣйствіе въ 1863 г., на 464 души отведено было

въ постоянное пользованіе 2.088 десятинъ, за которыя они отбывали издѣльную повинность.

Въ 1867 году была сдѣлана окончательная разверстка угодій и отграниченъ надѣлъ не особенно-то удобный, котораго крестьяне не приняли, выражая желаніе воспользоваться другими угодьями, болѣе удобными, но помѣщикъ на это не соглашался. Такъ тянулось дѣло цѣлые годы и соглашенія достигнуто не было; крестьяне, видя упорство со стороны своего барина, не стали отбывать издѣльной повинности. Это обстоятельство было сочтено за бунтъ, и я разскажу здѣсь нѣсколько характерныхъ эпизодовъ.

Еще съ 1866 г. тутъ началось броженіе среди крестьянъ, которые „отыскивали какую-то лучшую волю" (заявленіе конторы Базилевскаго Никольскому волостному правленію 6 іюня 1866 г.) и производили безпорядки, подстрекаемые своими односельцами Шаниным и Пышкинымъ, а въ 1870 г. какимъ-то пономаремъ, котораго, какъ „замѣченнаго въ проступкахъ совершенныхъ имъ въ селѣ Моисеевѣ, во избѣжаніе нареканій чрезъ него на духовное сословіе", перевели въ другое село. (Отношеніе благочиннаго Константиновскаго въ контору, за № 563, отъ 3 ноября 1870 г.)

Во все это время броженіе все усиливалось, надѣлъ мужики не принимали, что не особенно-то нравилось помѣщику, и дѣло разразилось слѣдующею эпопеей, занесенною на скрижаляхъ газеты „Дѣятельность" (№ 13-й 1872 года).

Въ августѣ 1871 года уфимскій исправникъ Табаровскій (попавшій потомъ подъ судъ и уволенный со службы за порку одного купца на Мензелинской ярмаркѣ во время игры въ карты), съ чиновникомъ полицейскаго управленія А. и съ своимъ разсыльнымъ, распорядился собрать до 400 человѣкъ понятыхъ изъ окольныхъ башкирскихъ селеній и этими людьми, еще не задолго называвшимися войскомъ (башкиро-мещерякское), атаковалъ село Моисеево и приступилъ тор-

жественно къ поркѣ мужиковъ. Безъ всякихъ объясненій причинъ выводили изъ толпы на арену тѣхъ мужиковъ, которыхъ указывала экономія, клали на землю и всыпали до 120 ударовъ прутьями. Такъ передрали 18 человѣкъ. Можетъ-быть расходившееся командирское сердце Табаровскаго не уходилось бы до тѣхъ поръ, пока не пересѣкъ бы все село, да на счастье мужиковъ пріѣхалъ нарочно, услыхавшій объ экзекуціи, помѣщикъ сосѣдъ и посредникъ Добротворскій, извѣстный впослѣдствіи корреспондентъ „Недѣли" о хищеніяхъ башкирскихъ земель. Онъ своими доводами и уговорами пріостановилъ порку. Но такъ какъ душа исправника вполнѣ еще не насытилась, то, для удовлетворенія своего аппетита, онъ приказалъ волостныхъ судей села Моисеева и другихъ должностныхъ лицъ отправить въ городъ и засадить въ чижовку. Здѣсь въ продолженіе недѣли заключенные держались на пищѣ Св. Антонія и только благодаря не безкорыстной добротѣ стража выпускались по очереди на базаръ для пріобрѣтенія корма.

Не довольствуясь награжденіемъ благородныхъ частей тѣла приличнымъ числомъ розогъ, исправникъ дарилъ лежавшихъ и зуботычинами носками своихъ лакированныхъ сапоговъ.

Почему задали мужикамъ такую баню, остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности и до сихъ поръ. Догадываются, что будто бы за какую-то несуществующую недоимку экономіи, но и ту мужики заплатили по требованію исправника, въ размѣрѣ 2 тысячъ рублей, да сверхъ того перевезли по 3½ куля хлѣба на душу за 45 верстъ на Топорнинскую пристань.

„Здѣсь надобно замѣтить,—говорится въ корреспонденціи,—что моисеевскими мужиками было заработано владѣльцу излишне насчитанными душами 546 руб., которые, по опредѣленію мироваго посредника Ѳедорова (на него также падало обвиненіе въ возмущеніи мужиковъ и даже ука-

звалось на это власти, несмотря на то, что Ѳедоровъ, по смерти Базилевскаго, написалъ самый хвалебный панегирикъ, по счету второй,—первый же былъ написанъ еще при жизни, редакторомъ Губернскихъ Вѣдомостей, за что тотъ и получилъ признательность въ видѣ серебрянаго чайнаго сервиза),—„и должны бы быть возвращены обществу, но обратили только 300 руб., а остальные гдѣ-то загуляли. Хотѣли обиженные добиться толку у высшаго начальства о томъ, за что ихъ сѣкли и морили въ чижовкѣ, но исправникъ имъ пригрозилъ вторичною баней, и терпѣливая шкура русскаго мужика, прокаленная долгимъ крѣпостничествомъ, смирилась и подчинилась страху, зная, что Табаровскій—личность сильная и любимая начальствомъ и можетъ, пожалуй, исполнить свою угрозу, и тогда послѣдняя будетъ горше прежней". Такъ дѣло и заглохло, какъ заглохли и другія дѣла этого любимчика сильныхъ міра сего!

Послѣ сего крестьяне воочію убѣдились, что имъ жить будетъ плохо, и въ 1873 году все общество, за исключеніемъ 13 душъ перешедшихъ въ разрядъ безземельныхъ, перечислились въ мѣщане гг. Уфы и Бирска, оставивъ отведенный имъ надѣлъ въ пользованіе помѣщика, но продолжая жить въ своихъ прежнихъ усадьбахъ въ числѣ 200 дворовъ, за плату по 2 руб. со двора и натуральныя работы. Если нельзя было добиться требуемаго имъ надѣла въ желаемыхъ мѣстахъ раньше, то теперь они стали арендовать его за отработки, такъ что внутреннее устройство общины осталось безъ измѣненія.

Помѣщикъ, конечно, теперь могъ бы ихъ преспокойно выгнать со своей земли, но это было бы слишкомъ безразсчетливо: двѣсти дворовъ даровыхъ рабочихъ, обязанныхъ всѣмъ своимъ состояніемъ, при недостаткѣ рабочихъ въ этой мѣстности, имѣли громадное значеніе въ 14 тысячномъ (десят.) имѣніи. Такимъ образомъ временно-обязанныя от-

ношенія крестьянъ не измѣнились и крестьяне считали себя неутратившими право на владѣемый имъ теперь надѣлъ. Копія съ уставной грамоты оставалась у нихъ въ рукахъ безъ всякой надписи о ея измѣненіи, почему еще составилось убѣжденіе, что они, состоя нѣсколько лѣтъ на издѣльной повинности, надѣлъ выкупили. Убѣжденіе это росло все шире и мѣщане предъявляютъ къ Базилевскому искъ на надѣлъ въ палату. которая разумѣется отказала. Опять мужики смолкли, но въ 1881 году пріѣзжаетъ въ губернію для ревизіи сенаторъ Ковалевскій, которому они и подали прошеніе о надѣлѣ и изъ него я приведу нѣкоторыя мѣста цѣликомъ. Они жаловались, что не могутъ добиться у мѣстныхъ властей толку о надѣлѣ „запрещеніемъ пути имъ сильною рукою Базилевскаго", и чрезъ что они пришли въ раззореніе. „Отецъ нашъ! будьте къ намъ снисходительны, примите на себя трудъ, разсмотрите просьбы наши и рѣшите намъ вступить въ право пользованія душевымъ надѣломъ и тѣмъ не допустите насъ до крайняго раззоренія и если уже нельзя намъ получить надѣла, то мы будемъ просить милостиваго Монарха о назначеніи для разслѣдованія настоящаго дѣла коммиссіи. Мы 18 лѣтъ продолжаемъ хлопоты о землѣ и все ничего не выходитъ, а нашъ повѣренный ушелъ съ дѣлами въ Петербургъ и его нѣтъ до сего времени обратно цѣлыхъ 9 лѣтъ, да и Божій храмъ выстроенъ нашими дѣдами, а Базилевскій разгоняетъ насъ какъ овецъ... Къ этому въ разъясненіе справедливости нашего ходатайства добавимъ, что по принятіи уставной грамоты мы работали на владѣльца въ теченіе 10 лѣтъ въ количествѣ 462 душъ и $1^1/_2$ года 338 душъ, въ лѣтнее время по 4 дня въ недѣлю, а зимой по 2 и 3 дня, да кромѣ того платили за жатьбу ежегодно 400 р., за выгонъ 300 р., и только за переправу черезъ мостъ отрабатывали по 200 дней конныхъ и 200 пѣшихъ, такъ что всего приходилось по 50 рублей

въ годъ на каждую душу, разорили насъ въ корень и принудили перейти въ мѣщанство, розорили и почти грабятъ безпощадно. Мы исконные жители на этой землѣ, наши предки проживали тутъ, а теперь послѣ разоренія остается надѣть суму и ходить прося „Христа ради“ подаянія.

Ковалевскій, разсмотрѣвъ ихъ дѣло, отвѣтилъ, что „разъ отведенный надѣлъ перемѣненъ быть не можетъ“.

Такимъ образомъ мѣщане, имѣя у себя въ рукахъ копію съ уставной грамоты и объявленіе сенатора, составили убѣжденіе, что надѣлъ ихъ имъ принадлежитъ, что помѣщикъ отбилъ ихъ отъ земли насильно, благодаря связямъ и положенію, и что они имѣютъ полное право вступить во владѣніе и обрабатывать свой надѣлъ.

Пусть читатель разсудитъ самъ, справедливо-ли мужики поняли свое положеніе...

28 апрѣля 1882 года собрались мужики на сельскій сходъ, потолковали, пригласили потомъ управляющаго имѣніемъ г. Бреева и объявили ему, что на другой день выѣзжаютъ пахать отведенный имъ въ 1867 году надѣлъ, предупреждая Бреева не посылать рабочихъ отъ экономіи, чтобы невышло какихъ нибудь непріятностей. Это заявленіе Бреевъ потребовалъ изложить на бумагѣ за подписомъ выборнаго, что и было исполнено.

На другой день мѣщане выѣхали въ поле и распахали свой надѣлъ.

Это было сочтено за бунтъ. Бреевъ поскакалъ въ Уфу съ заявленіемъ губернатору Щепкину, что мѣщане бунтуютъ, самовольно распахали землю Базилевскаго, его Бреева, хотѣли убить, вызвавъ на сходбище въ полночь, и что мѣщанъ къ этому подстрекали двое изъ ихъ среды—повѣренные, которые сосутъ изъ мужиковъ деньги, а также старшина и писарь.

Вѣсть эта моментально облетѣла Уфу, и всѣ заговорили,

что нужно же прекратить подобное самоуправство, нужно послать для усмиренія казаковъ, въ то время стоявшихъ полкомъ въ городѣ.

Но увы! Щепкинъ не рѣшился на подобный шагъ, а послалъ на другой же день исправника, чтобы тотъ хорошенько разслѣдовалъ и принялъ соотвѣтствующія мѣры.

2 мая, исправникъ прибылъ въ Никольское, заручившись двумя револьверами. Собрали сходъ, на которомъ онъ „убѣдивъ, разъяснивъ, согласивъ", объявилъ, что надѣлъ мѣщане распахали неправильно, незаконно, и что усадьбы, на которыхъ проживаютъ мѣщане, помѣщикомъ отдаются имъ въ даръ и на нихъ будетъ совершена купчая крѣпость. Заявленіе же относительно намѣренія убить Бреева и различныхъ подстрекательствъ оказалось миѳомъ.

Такъ на этомъ дѣло и остановилось и мѣщане мирно снова работаютъ на Базилевскаго.

Прошло два года, какъ имъ объявили о совершеніи купчей на усадьбы, но къ этому не приступаютъ даже; можетъ быть что и на попятный повернутъ, и тогда оправдается предчувствіе мужиковъ, что ихъ окончательно разорятъ, заставятъ надѣть суму и ходить по міру просить „Христа ради"!

Ревизоръ благопріобрѣтатель.

Опять о башкирскихъ земляхъ. Кто только не пользовался этимъ лакомымъ кусочкомъ? Откуда только не слетались различные любители легкой наживы на сдобную Башкирію? Пишешь объ этомъ и иногда, право, не вѣрится самому: правда ли все то, что происходило; были-ли тѣ факты дѣйствительно,—до того они легендарны и сказочны! А между тѣмъ нельзя не вѣрить: все происходило предъ собствен-

ными глазами и все занесено на страницы документовъ: юридическихъ, административныхъ и т. д., которые лежатъ передо мной и сомнѣваться въ подлинности и правильности ихъ нѣтъ никакихъ поводовъ. Собственнымъ глазамъ и ушамъ еще можно и не повѣрить, или усомниться: можетъ быть и галюцинація, и „больное воображеніе",—а тутъ документы за надлежащею скрѣпою, за надлежащими нумерами и печатями, а иногда и самые подлинные книги и журналы цѣлыхъ коллегіальныхъ учрежденій и правительственныхъ мѣстъ. Поневолѣ приходится вѣрить и сказку считать былью.

Въ настоящее время передо мной документы, въ которыхъ написана фамилія Б., дѣйствительнаго статскаго совѣтника и камергера, трактующіе о покупкѣ имъ земли, 20.000 дес. удобной, въ трехъ участкахъ, по 2 р. 3 коп. за десятину, у башкиръ-вотчинниковъ Яикъ-Субильминской волости, Белебеевскаго уѣзда.

Исторію возникновенія настоящей сдѣлки уфимцы объясняютъ такимъ образомъ. Когда началось усиленное хищеніе башкирскихъ земель и жалобы участились, начальство выслало изъ Питера г. Б. для производства ревизіи разъясненія скупокъ, о которыхъ иногда появлялись корреспонденціи въ газетахъ. Чѣмъ эта ревизія кончилась мнѣ неизвѣстно, но только съ того времени покупка усилилась вообще, а въ частности является уполномоченный г. Б. какой-то Гольдъ, землянскій купецъ, который облюбовалъ Яикъ-Субильминскую дачу и заключилъ съ башкирами 2 февраля 1874 года приговоръ на сказанную выше сдѣлку.

Въ этой дачѣ 1.598 ревизскихъ душъ и 532 домохозяина, изъ которыхъ при составленіи приговора участвовало 444; земли въ дачѣ по генеральному плану 148.989 десятинъ, а за надѣломъ припущенниковъ у вотчинниковъ осталось 66 тысячъ въ томъ числѣ надѣльной 23.970 и свободной 42 тыс. десятинъ. Несмотря на такое земельное богатство

по 41 дес. на душу и по 124 дес. на домохозяина, башкиры здѣсь очень бѣдны, почти не занимаются земледѣліемъ и до настоящаго времени все еще продолжаютъ вести лѣтомъ кочевую жизнь, такъ какъ населеніе здѣсь очень рѣдко и спроса на земли не существуетъ. Цѣлью настоящей сдѣлки у г. Б. было переселеніе крестьянъ изъ его имѣнія Курской губерніи, гдѣ онъ бралъ ихъ надѣлы — „куртажъ“ за хлопоты могъ получиться весьма солидный.

Изъ приговора видно, что неудобная земля въ счетъ 20 тысячъ не шла и поступала безплатно; купчую совершить не прежде во-первыхъ какъ послѣ отмежеванія проданной Гольду земли и во-вторыхъ по отводѣ посредникомъ въ натурѣ земли, слѣдующей вотчинникамъ въ душевой надѣлъ; если правительство найдетъ таковой отводъ не достаточнымъ, то до формальнаго размежеванія душеваго надѣла, чрезъ землемѣра отъ правительства. Плата должна быть такова: по 1 рублю за десятину уплатить башкирамъ при совершеніи крѣпости, $^1/_3$ всего, т. е. 11.000 руб. въ мірской капиталъ и остальные 9.000 руб. съ лишнимъ въ теченіе 10 лѣтъ по ровной части. Поземельные сборы съ 1874 года покупщикъ принимаетъ на себя. Въ случаѣ нарушенія чѣмъ-либо условій башкиры обязаны уплатить неустойку въ двойномъ количествѣ противъ ряженой цѣны, то-есть 80.000 руб. съ лишнимъ. Вся неустойка должна быть уплачена въ одинъ разъ, а не по частямъ; если же откажется Б., то платить только 10.000 рублей, и тоже разомъ. Остальную свободную землю вотчинники въ теченіе 10 лѣтъ никому не должны продавать, кромѣ Б., по особому условію. Въ несоблюденіи этого они платятъ неустойку 32.000 рублей. Однимъ изъ участковъ покупщикъ можетъ вступить во владѣніе до отвода надѣловъ, построить жилье и завести хлѣбопашество. Затѣмъ добавимъ еще, что если въ подписи приговора окажутся ошибки или подлогъ, вслѣдствіе чего приговоръ посредникомъ не утвер-

дится, то вотчинники обязаны выдать другой таковаго же содержанія; въ случаѣ же отказа въ этомъ платятъ ту же неустойку. Волостное правленіе приговоръ этотъ утвердило и что онъ собственноручно подписанъ всѣми башкирами.

Но этого Гольду было мало: онъ настоялъ, чтобы башкиры составили второй приговоръ въ томъ, что они на продажу согласны, что первый приговоръ читали и имѣютъ переводъ его на татарскомъ языкѣ и опять 477 домохозяевъ изъявили полное согласіе на продажу (24 февраля № 2).

Представили приговоръ на утвержденіе мироваго посредника Авдѣева (братъ извѣстнаго писателя): утверди онъ—и покупка состоялась-бы, но Авдѣевъ не утвердилъ, по той причинѣ, что душевые надѣлы вотчинниковъ еще не отведены, и потому они не имѣютъ никакого права продавать своихъ земель.

Сдѣлка стала. Видитъ г. Гольдъ, что дѣло плохо, покупка можетъ провалиться, а съ этимъ и расходы погибнутъ безвозвратно, но землю заполучить все таки желательно и начинаются новыя хлопоты.

19 іюля 1874 года онъ настаиваетъ въ Альшеевскомъ волостномъ правленіи о побужденіи башкиръ продавцовъ къ скорѣйшему отводу надѣловъ, такъ какъ безъ этого въ силу приговора, не можетъ быть совершена крѣпость. 19 декабря Гольдъ подалъ прошеніе въ белебеевское уѣздное полицейское управленіе въ томъ, что 3 общества башкиръ составили приговоры объ отдѣленіи надѣловъ, остальными-же двумя не составлены и просилъ объявить башкирамъ, что если они не ускорятъ назначеніе надѣловъ, то онъ приметъ это за отказъ въ совершеніи купчей и будетъ требовать 81.200 р. неустойки, что онъ не отказывается въ уплатѣ земельныхъ сборовъ за землю, но будетъ платить ихъ тогда, когда совершатъ купчую.

Полиція приняла сторону покупщика. Но странное дѣло!

на объявленіе полиціи вотчинники отозвались, что въ продажѣ участвовали не всѣ наличные башкиры, приговоръ подписали или умершіе, или несовершеннолѣтніе, и что какъ подписавшіеся, такъ и не подписавшіеся отъ продажи земли отказались.

Тогда Гольдъ 14 марта 1875 г. предъявляетъ въ уфимской гражданской палатѣ къ башкирамъ искъ за нарушеніе условія о взысканіи съ нихъ неустойки 81.200 р. и убытковъ 10.000 р.

18 марта 1876 г., т. е. ровно черезъ годъ, палата „поспѣшаетъ" разборомъ дѣла и на судоговореніи повѣренный отъ башкиръ, ихъ однообщественникъ Минлигуловъ, не отрицалъ того, что два общества не составили приговора объ отводѣ душевыхъ надѣловъ потому, что въ приговорахъ обозначено, что неудобная земля идетъ безплатно и что условія о неустойкѣ не включали, но что отъ совершенія купчей всѣ вообще продавцы не отказываются. Заявленіе же Гольда, что онъ не отказывается отъ неуплаты поземельныхъ сборовъ съ 1 января 1874 г. за проданную ему землю, но только въ томъ случаѣ, если будетъ выдана ему купчая, по мнѣнію повѣреннаго лишено основанія, такъ какъ ни откуда не видно, чтобы срокъ совершенія купчей назначался въ этотъ годъ, потому что выдача купчей обусловливалась отводомъ душевыхъ надѣловъ и выдачею мировымъ посредникомъ свидѣтельства на свободную землю. Отсюда очевидно, что время совершенія купчей точно назначить было невозможно, да и самый приговоръ находится у Гольда, слѣдовательно скорѣйшее окончаніе зависѣло отъ него. Конечно, башкиръ не могъ самъ придумать такого отвѣта, а былъ подготовленъ заинтересованною въ этомъ дѣлѣ одною компаніей. Гольдъ не отрицалъ этого, и хотя онъ представлялъ его посреднику, но тотъ отказался свидѣтельствовать его и даже вовсе не хотѣлъ принять въ виду цирку-

ляра генералъ-губернатора о воспрещеніи утверждать приговоры до отвода душевыхъ надѣловъ. Что назначеніе года совершенія купчей слѣдуетъ изъ того, что земскіе сборы онъ долженъ уплачивать съ 1874 г., а о неустойкѣ объясненіе Минлигулова опровергается подписью приговора.

Палата рѣшила въ искѣ убытковъ Гольду отказать, а неустойку съ башкиръ взыскать.

Прокуроръ однако на это не согласился и далъ такое заключеніе, чтобы Гольдъ вошелъ въ новую сдѣлку.

Какъ бы то ни было, а вслѣдствіе его протеста дѣло было представлено на заключеніе министра юстиціи, который 8 октября 1874 г. предложилъ это дѣло на разсмотрѣніе сената.

Между тѣмъ Гольдъ, имѣя въ рукахъ рѣшеніе палаты, потребовалъ отъ полиціи описи и продажи имущества башкиръ для уплаты ему неустойки.

Но тутъ вступился губернаторъ, который зная „крайнюю бѣдность“ башкиръ, признавалъ взысканіе 81 тысячи рублей „положительно невозможнымъ“, представилъ это на усмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ, и оренбургскаго генералъ-губернатора.

Послѣдній 7 декабря 1877 г. велѣлъ собрать всѣ свѣдѣнія по означенной продажѣ, разсмотрѣть дѣло въ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ, съ заключеніемъ своимъ и всѣми данными представить ему для представленія въ главный комитетъ по устройству сельскаго состоянія и приказалъ, что впредь до рѣшенія дѣла высшимъ начальствомъ, взысканіемъ неустойки остановиться.

Губернаторъ такъ и сдѣлалъ.

Присутствіе 9 іюля 1878 г., разсмотрѣвъ приговоръ, нашло его незаконнымъ и уничтожило. Съ этимъ уничтожалась вся сдѣлка и Гольдъ дѣло свое проигралъ. Высшее начальство дало такое же заключеніе.